

Елена Чернова

ПУТЬ
ВОИНА

ПУТЬ
СМЕРТИ

ПОХОД НА ГОРУ СИДЭ

武士道は
死に狂いなり

Путь война – путь смерти

Елена Чернова

Поход на гору Сидэ

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Чернова Е. В.

Поход на гору Сидэ / Е. В. Чернова — «Автор», 2017 — (Путь
воина – путь смерти)

ISBN 978-5-517-00634-9

Люди, которые в наши дни ставят Бусидо, Путь самурая и воина, выше законов страны и выше собственных жизней — кто они на самом деле? Какие тени таятся в их прошлом? И что они делают в настоящем, чтобы остаться такими, какие есть? Войдя в их круг, став самураем на службе у господина и исполняя его приказы, Ольга Селинова узнаёт ответы на эти вопросы. Хотя они куда страшнее, чем можно было бы думать — и неумолимо ведут её дальше. Сквозь схватки и испытания, за грань жизни и смерти, откуда нельзя вернуться, не став чем-то большим, чем человек...

УДК 821.161.1-312
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-517-00634-9

© Чернова Е. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Елена Чернова

Поход на гору Сидэ

Часть 1

Три дня непрерывной метели окрасили сад хлопковой белизной. Влажный, тяжёлый снег почти не блестел. Решётки веранды потемнели от сырости. Чёрное зеркало маленького пруда отражало туманное зимнее небо. Он не замёрз: температура воздуха оставалась выше нуля.

Накинув на плечи лишь тоненькое хаори поверх привычных хакама и кимоно, в плетёных сандалиях прямо на босу ногу, Ольга стояла на мокрых плитах дорожки. Тело уже привыкло к промозглому холоду – да и к более неприятным вещам. Наслаждаясь заслуженным отдыхом в четверть часа, девушка восхищённо смотрела на старую сливу-умэ.

Слива зацветала. Полураскрывшиеся бутоны снаружи были так же белы, как и снег на ветвях, но в глубине светились розовым и лиловым. Лежавшие вокруг сугробы придавали цветам особую нежность.

«А до весны ещё целый месяц, – подумала россиянка. – Удивительное растение».

Безмятежность исчезла внезапно. Резко шагнув вперёд, Ольга убрала голову из-под удара и повернулась, сразу вскидывая руки в защите. Наказание последовало мгновенно: нижний конец дзэ хлестнул по открытым рёбрам. Игнорируя боль, она попыталась прорваться ближе, скользнув вдоль плеча противника. Но тот был слишком опытен, чтобы затея увенчалась успехом. Разворачиваясь, он ударил ногой навстречу и тут же ткнул дзэ с другой стороны, не давая ни малейшей возможности перейти в нападение. Уклоняясь и блокируя атаки, девушка лишь отдала неизбежный итог. Гладкая палка обрушилась на шею. Спасаясь от перелома, Ольга ничком бросилась наземь. Перехватив своё оружие как копье, Кацумото упёр его ей в основание черепа.

– Вы снова ошиблись в начале, Серинова-сан, – сухо констатировал он, отводя дзэ. Девушка стремительно перекатилась назад и взлетела на ноги, благоразумно не теряя его из виду.

– Вы реагируете на намерение. Но я могу его изменить, – продолжал тот. – Дайте мне начать движение. Только начать. Ловить атаку в последний момент очень рискованно.

Ольга внимательно слушала, не позволив себе даже отряхнуть снег с одежды. Их отношения были довольно странными. Один из признанных мастеров Генкай-рю, официальный преемник Хаябуси-сэнсея, Кацумото Дайго не относился к людям, приятным в общении.

Всегда корректный, бесстрастный, с холодным взглядом и манерами профессионального убийцы, он мало у кого вызывал желание познакомиться с ним поближе. Его безжалостная практичность вошла в поговорку. Взявшись заниматься с россиянкой, он изводил её жесточайшими упражнениями, проверял каждый шаг и придирался к малейшему недочёту. Если она больше трёх раз повторяла одну и ту же ошибку, он предлагал поработать над ней дополнительно – как правило, среди ночи. После такого «разбора полётов» обычная утренняя тренировка превращалась в сущий кошмар. Никого в школе не волновало, что девушка падает с ног от усталости. В Генкай-рю не бывало поблажек.

Порой Ольге казалось, что Кацумото попросту издевается. Тем не менее она стоически следовала любым его указаниям, – приходилось ли ей полдня кувыряться на камнях, часами колотить кулаками по деревянной балке или неделю кряду оттачивать простейший приём, устраняя невидимую глазу погрешность. Девушка не показывала эмоций. Получив очередную беспощадную инструкцию, она только кланялась и хладнокровно принималась за дело.

Такой подход Кацумото вполне одобрял. Точнее, он не признавал никаких других. И вскоре стал относиться к Ольге как к любому другому самураю школы, совершенно игнорируя её пол и национальность. Мало-помалу между ними сложилось нечто вроде молчаливого уважения. Но обучение осталось предельно суровым. С ледяной методичностью воин добивался от россиянки той ужасающей эффективности действий, которая отличала его самого.

– Возьмите дзё, – лаконично бросил он сейчас. – Поработаем на свежем воздухе.

Девушка быстро сбегала на веранду и принесла свою палку, заодно сбросив хаори. Уже в пяти метрах от неподвижно стоящего Кацумото она держала её по-боевому, полностью готовая к схватке. Не останавливаясь, отвесила полупоклон – и, прыгнув вперёд, атаковала.

Самурай защищался, почти не сходя с места. Они прошлись по стандартным техническим связкам; провели несколько комбинаций.

– Не вытягивайте левую руку. Ещё раз.

Ольга повторила приём.

– Ещё раз, – блокировав её дзё, Кацумото подытожил: – Пока сойдет. Перейдём к свободному поединку. Надеюсь, вы продержитесь больше пяти минут, – и кинулся на неё с такой яростью, словно всерьёз собирался убить.

Сражаться с ним было немногим легче, чем с ураганом. Россиянка даже не пыталась перехватить все удары, сыпавшиеся на неё, сосредоточившись на самых опасных. Однако она не позволяла себе уйти в глухую оборону, стараясь любой ценой достать противника, насколько бы безнадежно это не выглядело. Иногда удавалось – хотя и крайне редко.

Поймав девушку на секундной потере равновесия, самурай швырнул её оземь. Не успела она подняться, как его дзё легла ей поперёк горла, прижимая голову к плечу. Один рывок – и позвонки хрустнут.

– Семь минут, – Кацумото отпустил ученицу. – Продолжаем.

Новый раунд он провёл с той же стремительностью и мощью, но в абсолютно другой манере. Казалось, Ольга сражается уже с другим человеком. Впрочем, завершилось все традиционно.

– Три минуты, – воин в последний момент остановил смертельный удар по её затылку. – Увлекаетесь. Продолжаем.

Одна схватка следовала за другой. Девушка уже потеряла счёт времени. её одежда и волосы насквозь промокли от пота и снега, избитое тело горело, но дыхание не сбивалось, а оружие лежало в руках по-прежнему твёрдо. Ежедневные изматывающие тренировки приносили свои плоды.

Наконец Кацумото отступил.

– Достаточно.

Ольга тоже сделала шаг назад, склоняясь в поклоне.

Одним прыжком самурай покрыл разделявшее их расстояние. Тяжёлая палка из железного дерева, направленная ей в лицо, со свистом вспорола воздух. И на полпути наткнулась на такую же палку. Ольга успела.

Кацумото кивнул, опуская дзё. Этот почти незаметный жест обозначал у него похвалу.

– На сегодня закончим. Предупреждаю, после вечерних занятий Хаябуси-сама проверит вас. Будьте готовы к работе с боевым оружием.

– *Хай*. Благодарю, Кацумото-сан.

– Сейчас я бы советовал вам пойти к себе и поспать. – Он поглядел куда-то ей за спину и вдруг обронил, как всегда, без какой-либо интонации: – А слива в самом деле зацвела.

– Доброй ночи, Оцуру-сан, – Норимори вежливо посторонился, пропуская её в спальню.

Напряжённо сплетая пальцы, Отару Оцуру подняла глаза. В них застыло отчаяние. Горькая складка легла между её бровей.

– Хидэюки-сан... – еле слышно прошептала она. – Вы... не хотели бы... разделить со мной ложе?

Лицо Норимори не изменилось.

– Я недостойн подобной чести, моя госпожа, – покачал он головой. – Пожалуйста, простите меня.

Слегка поклонился и скрылся в коридоре.

Плечи женщины обречённо поникли. Вдохнув, она молча переступила порог и задвинула за собой фусума. Её рука заметно дрожала, и створки сошлись неплотно, оставив узкую щель.

Пару минут спустя из-за угла вынырнул Хидэнори. Мягко ступая, подкрался к спальне матери и осторожно заглянул внутрь. Оцуру плакала – беззвучно и безутешно. У неё уже не осталось надежды. Только горестное смирение.

Юноша нахмурился, с силой сжав кулаки. Внезапно решившись, он зашагал в кабинет Норимори. Тот сидел у окна, созерцая полночный сад, и не обернулся на шорох. Лишь негромко пригласил:

– Входи, Хидэнори.

Он тщательно прикрыл за собой дверь. И яростно бросил:

– Сколько ещё ты намерен издеваться над моей матерью?

Очень медленно Норимори повернулся к нему. Его голос был совершенно ровным:

– С чего ты взял, что я над ней издеваюсь?

– Она же любит тебя! Почему ты... не желаешь этого замечать?! Или она тебе настолько противна?

Норимори прямо посмотрел на воспитанника.

– Поправь, если я ошибаюсь. Ты хочешь, чтобы твоя мать делила постель с убийцей твоего отца?

Хидэнори отпрянул. Но глаз не отвёл.

– Да, – почти выплюнул он. – Да, будь ты проклят!

– Ты имеешь полное право меня ненавидеть, Отару-сан, – прозвучал негромкий ответ. – Но её в это дело не вмешивай.

– При чем тут я? Она сходит с ума по тебе, а ты... даже поговорить с ней не можешь по-человечески! Твои дурацкие самурайские игры скоро до ручки её доведут! Или ты добиваешься, чтобы она... тоже прыгнула с крыши?!

Он мгновенно пожалел о сказанном. Никогда ещё Норимори не изменял своему спокойствию. Но сейчас он в долю секунды оказался на ногах; его черты исказило бешенство. Прочитав в его взгляде смерть, Хидэнори застыл на месте, подавляя дикий, животный ужас. Защищаться бессмысленно. Остаётся лишь...

Чудовищным усилием воли воин заставил себя расслабиться.

– Извини, – он помолчал. – А ты вырос, Хидэнори-сан. Ну что ж... поговорим, как взрослые люди. Знаешь, ты стал очень похож на отца.

Пройдя к столу, он вытащил из ящика фотографию, вложенную в прозрачный пластиковый конверт, и протянул юноше.

Свадебное фото. Оцуру в серебристо-белом кимоно с золотым оби, с изящным веером в руке, стоит чуть позади молодого мужчины в элегантном европейском костюме. Оба счастливо улыбаются, никого не замечая вокруг...

– Они были красивой парой, – вздохнул Норимори. – Я люблю твою мать, Хидэнори. Очень давно. С тех пор, как впервые увидел. Но она предпочла Хидэки, и мне пришлось уступить. Мы так и остались друзьями, и я часто ходил к ним в гости... А через десять лет убил его. Убил своего лучшего друга. И не поручусь за полную случайность произошедшего.

С минуту помедлив, он заключил:

– Остальное ты знаешь. Я отдал его семье... вам... всё, что имею. Но соединиться с Оцуру... не могу. Хоть и страстно желаю этого. Между нами кровь Отару Хидэки. Как переступить через неё?

Хидэнори мрачно рассматривал свои ноги.

– Значит, ты собираешься благородно... мучить её и дальше?

В глубокой задумчивости Норимори сложил руки на груди.

– Мне всё равно ничего не объяснить ей. Зря я её послушал и поселился здесь вместе с вами.

– Коли так, зря ты вообще тогда не покончил с собой!

– Вероятно, – пожал он плечами. – По-прежнему мечтаешь отомстить, Отару-сан?

– Ты удивительно догадлив, – с сарказмом заметил юноша.

– Если хочешь, я дам тебе возможность это сделать.

– Сделать что?

– Убить меня.

Хидэнори уставился на него.

– Ты это... всерьёз?!!

– Абсолютно, – подтвердил Норимори. – Разумеется, я обеспечу тебе полное алиби. Все сойдёт за несчастный случай. Ну?

Юноша открывал и закрывал рот, не в силах вымолвить ни слова. Наконец, выдавил:

– Нет... ты определённо рехнулся.

– Мои, как ты выражаешься, самурайские игры налагают определённые обязательства, – тихий, жёсткий голос пронзал насквозь. – Весьма далёкие от шуток. Полагаю, пришло время выбрать. Или мы планируем мою смерть, или ты окончательно отказываешься от мести. И мы закрываем тему. Навсегда.

Хидэнори стоял неподвижно. Конверт с фотографией больно впился в ладонь.

– Ты же не думаешь, что я в самом деле могу... – он осёкся. – Я долго старался... возненавидеть тебя. Искал в тебе недостатки, обвинял во всем подряд... Помнишь, как я над тобой издевался? А ты... даже не сердился. Ты возился со мной, вытирал мне сопли, учил драться и собирать микросхемы. Ты заменил мне отца, понимаешь?! А теперь... предлагаешь... – злые слёзы потекли по его лицу. – Да, я простил! Чего ты от меня хочешь? Почему ты отказываешь нам в праве... тебя любить?

Норимори вздрогнул. Неестественно плавно, словно раздвигая плотную тишину, встал на колени и согнулся в низком поклоне.

– Я никогда не смел на это надеяться, – признался он.

Мгновение Хидэнори смотрел на его затылок. Потом, не выдержав, опустился на татами напротив и тоже уткнулся лбом в пол.

– Потому что ты идиот, – приглушённо заявил он, не поднимая головы. – Может, вы там и свихнулись на Бусидо, но мы-то – нормальные люди! Поговори с моей матерью, слышишь? Пожалуйста...

– Хорошо, – кротко ответил Норимори. – Поговорю.

Выпрямляясь, юноша неуверенно усмехнулся.

– Тогда я не стану... снова приклеивать твои ботинки к ступенькам.

Было ещё темно. Лишь горизонт над океаном украсился бледно-серой полоской. Впрочем, солнечного дня сегодня и не предвиделось – всё небо затягивали плотные облака. Пронзительный ветер украшал волны пенными гребнями, сдувал остатки снежных шапок с деревьев. Пучки осоки, торчавшие по обе стороны от тропинки, напоминали копыта каких-то миниатюрных войск.

Ольга привычно шагала вперёд – мимо старых магнолий, мимо лодочной пристани и заброшенного маяка. Дальше росли японские сосны, разительно непохожие на стройные свечи из русских лесов. Неровные, перекрученные стволы пронзали мрак, словно внезапно застывшие чёрные молнии. Дорожка сворачивала под них, по широкой дуге обходя колючий шиповник, опутавший здесь весь берег.

Сойдя с тропы, девушка ловко, почти бесшумно пробралась сквозь его кусты, перешагивая через стелющиеся побеги, отводя отростки, цеплявшиеся за одежду. Со стороны могло показаться, что заросли сами расступаются перед ней. Миновав их, она оказалась на небольшой полянке, которую почитала «своей».

Тут росли три берёзы. Землю под ними покрывала мягкая щётка травы. Дальше начинались голые камни скалы, отвесно обрывавшейся к морю.

– Привет, – сказала Ольга, обращаясь к берёзам. Ласково коснулась ладонью двух меньших; к третьей, самой большой, подошла вплотную и прижалась щекой к шершавой коре. Тонкие ветви легли на плечи, словно перенося в Россию.

Она приходила сюда всякий раз, когда уставала от бесконечных мучительных тренировок, от необходимости подчиняться, контролировать каждый шаг и неукоснительно следовать этикету. Даже с подругами ей не удавалось расслабиться до конца – слишком о многом приходилось молчать. И тогда она шла на свою полянку, отрывая пару часов от драгоценного сна. Такие предутренние вылазки оставались почти единственной возможностью сбросить маску.

Девушка долго стояла так, прикрыв веки, купаясь в чувстве умиротворения. Иногда она приносила с собой мечи – и в час рассвета танцевала с ними под музыку ветра и волн, босиком на траве и камнях, для этих мокрых берёз, молчаливых сосен, для неба и серого океана. Но сейчас при ней был только нож. Мечами она намахалась в минувшую ночь.

Солёный воздух пощипывал свежие раны. Вчера после ужина, когда Каору села смотреть телевизор, а Иори взялся за саксофон, Хаябуси-сэнсей пригласил Ольгу в додзё. Там их уже поджидал Кацумото. Его неизменную чёрную форму дополнял вакидзаси.

– Пора проверить ваши успехи в кэндзюцу, – сообщил ей учитель, снимая с подставки свои клинки. – Не ошибайтесь, Серинова-сан.

В Генкай-рю часто тренировались с боевым оружием, исполняя ката, разрубая палки и соломенные циновки. Во время работы в парах все надевали доспехи – техникой безопасности самураи пренебрегали лишь до некоторых пределов. Однако Хаябуси ограничился обычными кимоно и хакама.

Ольга не задала вопроса. Привычно вложила мечи за пояс, ощущая, как на неё нисходит необычайная ясность. Реальность внезапно обрела особую чёткость и глубину. Девушка уже видела, что произойдёт в следующую секунду. Видела молниеносный удар, рассекающий её надвое...

Она дождалась начала движения. Но когда катана учителя покинула ножны, россиянка уже уходила вбок, занося меч во встречной атаке.

Сэнсей отклонился, скользнул вдоль него своим клинком, обезоруживая противника. Резко опустив локти, Ольга удержала оружие, одновременно увеличивая дистанцию для нового броска.

Хаябуси вёл бой на максимальной скорости, на какую была способна его ученица. Применяя только знакомые ей приёмы и связки, он тем не менее бил исключительно на поражение. Девушка действовала без изысков, по шаблону. Она не допускала фатальных промахов, хотя мелкие огрехи в технике стоили ей нескольких болезненных ран.

В какой-то момент сэнсей без предупреждения перехватил катану правой рукой и обнажил вакидзаси. Ольга отпрыгнула назад, еле успев проделать то же самое и защититься. В вихре схватки её клинок обрушился на Кацумото, неподвижно стоявшего у стены. Не потрудившись сдвинуться с места, тот мгновенно выхватил свой меч, отразил удар и вернул оружие в ножны.

Поединок, казалось, продолжится вечно. Четыре лезвия чертили стремительный, смертельный орнамент; избегать его сверкающих линий становилось все труднее. А потом Хаябуси совершил ошибку, пропустив клинок Ольги к шее.

Девушка не сомневалась: он подставился ей нарочно. Даже сейчас, глядя в сумрачную океанскую даль, она видела тот ужасающий миг, когда её атака достигла цели. И собственное отчаянное усилие, остановившее летящий меч в миллиметре от горла учителя.

Она выдержала экзамен. Но зачем Хаябуси-сама так рисковал? Вздохнув, Ольга задумчиво присела на камень, оценивая последние события. Итоги, возможности, вероятности... И, как всегда, крайне мало времени.

Светало. Холодный ветер трепал ветви берёз. Тяжёлые, свинцово-серые волны с грохотом бились в обрыв. Погода абсолютно не располагала к длительным размышлениям на природе. Просидев с полчаса, девушка начала замерзать. Значит, пора возвращаться.

Чувство опасности хлестнуло внезапно. С крыши лодочного сарая прямо на Ольгу прыгнул человек. Отскочив в сторону, она дала ему приземлиться и сразу атаковала. Удар, защита, подсечка, бросок, пережат. Ловко подцепив руку противника, она швырнула его оземь, чуть ослабив захват, чтобы не воткнуть головой в асфальтовую дорожку. Тот немедленно выскользнул, кувыркнулся назад, вновь поднимаясь на ноги. И широко улыбнулся.

– Доброе утро, Масасигэ-кун! – провозгласил он.

– *Охай*, Ёситаро-сан, – согласилась девушка, отвечивая полупоклон. – Вы неисправимы.

После памятной летней игры острый на язык Сакадзаки нарёк её Масасигэ, намекая на знаменитого Кусуноки. Кличка приклеилась. Почему-то никого в Генкай-рю не смущал тот факт, что они зовут женщину мужским именем. Никого, кроме самой Ольги. Впрочем, на Сакадзаки невозможно было сердиться.

– Вы слишком много времени проводите в обществе Рэйкоку-сана, – продолжил он почти обвиняюще. – Вас никак не застать врасплох!

Россиянка усмехнулась.

– Интересно, а Кацумото-сан слышал своё прозвище?

– Наверняка. Хотя мало кто называл его так в лицо, – самурай весело подмигнул ей. –

Но ведь он и впрямь безжалостная ледышка. Кстати, иные его честят и похлеще. К примеру, Князь Эмма. Звучит?

Она шевельнула бровью.

– Что ж, когда кто-нибудь из вас в очередной раз пошлёт меня к Эмме, я буду знать точный адрес.

Сакадзаки потёр ушибленное плечо:

– А он неплохо вас натаскал. Впечатляет.

– По-моему, это вы ещё не проснулись.

– Не скромничайте, Орья-сан. Кто вчера вчистую разделал Дзюро? Но я бы, конечно, не смог столько заниматься.

– Понимаю. Работа, жена, дети...

Сакадзаки поморщился.

– Думаете, я слепой? Вы тренируетесь чуть не круглые сутки, до полного изнеможения. Вы живёте, по сути, под домашним арестом. Вам позволено только изредка прогуляться по берегу. И при всём том... За что господин в минувшее воскресенье поставил вас перед строем?

– Не «за что», а «зачем». Для общего развития. Не беспокойтесь, Ёситаро-сан. Меня уже не так легко избить, как раньше.

– Поэтому теперь вас бьют пятеро, а не трое, – съехидничал самурай. – Конечно, мы завидуем чести, которая вам оказана... но лично я от неё умру через неделю.

– Вряд ли, – пожалала плечами Ольга. – Вы ничуть не слабее меня. Просто мне не приходится разрываться между учителем, семьёй и дизайнерской фирмой. Пойдём обратно? Мне ещё убираться в додзё.

– А что, Мититакэ уже надоело приезжать на час раньше?

– Нет. Но формально это моя обязанность. Опять же вместе мы быстрее управимся, и останется время немножко размяться перед занятием...

– Ах, вот как? Ну, тогда я с удовольствием к вам присоединюсь. Хотя бы затем, чтобы поучаствовать в вашей «разминке».

– Мы будем только рады.

Пока Мацуда Нобору пил предложенный ему чай, Хаябуси учтиво беседовал с ним о погоде, здоровье и новостях культуры. Его супруга по большей части молчала, ненавязчиво ухаживая за мужчинами. Лишь когда она ускользнула из комнаты, унося опустевшие чашки, учитель перешёл к делу.

– Какие-то проблемы с моим сыном, Мацуда-сэнсей?

Гость напряжённо нахмурился, обдумывая, с чего начать.

– Понимаете ли... Проблема только одна. Не люблю громких слов, но в данном случае без них не обойтись. Иори – гениальный саксофонист. Я учу музыке много лет. Но до сих пор не встречал подобного ему.

– Он старается, – осторожно заметил Хаябуси.

– С сентября я дважды переводил его в старшую группу. А сейчас мне уже практически нечего ему дать. Завтра я выдам ему свидетельство об окончании школы.

– Позвольте, но ведь ваша программа рассчитана на три года...

Мацуда вздохнул.

– Я не могу заставлять его играть гаммы, когда он с листа исполняет сложнейшие композиции. Ему хватило шести месяцев, чтобы освоить весь курс. Повторюсь, ваш сын – гений.

– И чего же вы хотите от меня?

– Надеюсь, моя мысль не будет воспринята как невежливость... На мой взгляд, Иори следует поступить в Токийский университет искусств. В нашей провинции его таланту трудно раскрыться по-настоящему.

На лице Хаябуси не шевельнулась ни одна чёрточка. Он молча разглядывал икебану, украшавшую токонома. Пауза затянулась настолько, что гость забеспокоился.

– Извините, я проявил излишнюю самонадеянность...

Сэнсей отрицательно покачал головой.

– Иори просил вас походатайствовать за него? – очень медленно произнёс он. – Или это ваша собственная идея?

В голосе Хаябуси звучали какие-то странные нотки. Мацуда невольно напрягся.

– Иори страстно мечтает стать саксофонистом, хотя никогда не упоминал об этом. Если так, то закончить университет ему необходимо.

У него не будет сложностей с поступлением. Со столь поразительными способностями – при терпении и известной удаче – его ждёт блистательное будущее.

– Благодарю вас за внимание к моему сыну, – сказал Хаябуси. – Но выбор профессии – дело серьёзное. Над вашим предложением надо подумать. Я переговорю с Иори.

«Он не позволит ему учиться», – понял Мацуда с горечью.

– Вы не считаете музыку достойным занятием? – вырвалось у него.

– Нет, почему же...

«Но не для Иори», – обречённо закончил мысль старый преподаватель.

Тон Хаябуси оставался тёплым и дружелюбным, но взгляд изменился, стал пронзительным и бесстрастным, словно у дикого сокола. Мацуда вдруг поймал себя на желании оказаться

как можно дальше отсюда. Поднявшись, он вежливо распрощался. Сэнсей уважительно проводил гостя до дверей.

Выйдя за ворота, тот невольно перевёл дыхание. Отчего-то отец Иори вызвал у него самый настоящий ужас.

Переступив порог кабинета, Ольга сразу опустилась на колени, низко кланяясь. Хаябуси не отреагировал. Держа перед собой обнажённую катану, он аккуратно постукивал по лезвию головкой учико, покрывая сталь тончайшим слоем полировочного порошка.

Девушка молча выпрямилась, положила ладони на бёдра и замерла. Благодаря постоянной практике она теперь могла больше часа сидеть в «сэйдза» без особого дискомфорта. А уж терпения ей было не занимать.

Сэнсей слегка наклонил меч, оценивая результат своих усилий. Потом взял салфетку, пропитанную гвоздичным маслом, и принялся протирать клинок.

– Откуда вы знали, Серинова-сан? – спросил он, не поворачивая головы.

– Что именно, господин?

– Помнится, прошлым летом вы заявили, что Иори может стать великим саксофонистом. Я тогда счёл ваши слова преувеличением. Но сегодня ко мне приходит его учитель музыки и говорит то же самое. Откуда вы знали?

– Я вижу вещи такими, каковы они есть.

– Вы способны достоверно предсказывать будущее?

Ольга пожала плечами.

– Будущее – набор вероятностей. Обычно человек волен выбирать. Правда, большинство предпочитает без затей плыть по течению.

– Но вы, несомненно, подправляете происходящее по своему усмотрению?

– Конечно.

– Интересно, почему тогда вы до сих пор не взялись убеждать меня послать Иори учиться в университет искусств? Не потому же, что испугались моего гнева... Вы ведь хотите сделать его музыкантом.

– Да, господин, – спокойно согласилась Ольга. – Но сейчас я не намерена вмешиваться.

Отложив салфетку, он с интересом поднял глаза на россиянку.

– Иори придётся самому убедить вас, сэнсей. Это уже его битва.

– Вот как?

– Я не вправе решать за него. Если он не сумеет отстоять себя и свой Путь, значит, при всех своих талантах он так и остался пустым местом. А сможет – будет ценить то и другое по настоящему. Судьбу и выбор нельзя поднести на блюде. Тем более самураю.

– Что ж, вы вполне последовательны в своих действиях. Признаю, вы многому его научили. Кстати, я заметил поразительную любовь некоторых учеников к уборке в додзё. Вы там с пользой проводите время, не так ли?

– Вам судить, господин.

– Я и сужу. До вашего появления все они куда больше ценили утренний сон. Кроме Иори, конечно, – но ему просто некуда было деваться.

Не вставая, Хаябуси медленно занес катану над головой. Серебряная молния сверкнула перед лицом девушки, застыв на уровне её пояса. Сэнсей внимательно осмотрел лезвие; взял лежащие рядом ножны и убрал в них меч.

– Ничего не имею против ваших занятий, – продолжил он. – Наоборот, стараюсь вам не мешать. Впрочем, я не поэтому вас позвал. Вам никогда не доводилось работать телохранителем?

– Нет, господин.

– Придётся заняться.

– Кого я должна охранять?

Хаябуси протянул ей узкую полоску плотной бумаги. Сверху латиницей было выведено: «Жан Ферье». Ниже красовались фотография полноватого мужчины и приписка по-японски: «52 года, общественный деятель. Языки: японский, французский, английский, немецкий».

– Вам что-нибудь говорит это имя?

Ольга отрицательно покачала головой.

– Мне тоже, – пожал плечами учитель. – В общем-то, меня мало волнует, кто он такой. То ли шпион, то ли тайный агент, то ли политик, тэнгу их разберёт. Однако меня... попросили найти людей, способных его защитить во время визита в Японию.

– От чего?

– Пока ребята не очень распространялись, – Хаябуси сухо хмыкнул. – Насколько я понял, эту персону в Японии не привечают и намерены делать вид, что его здесь нет. Но по той же причине предпочтительней, чтобы он покинул архипелаг живым. А его вроде бы кто-то попытается здесь убить. Однако легально охрану к ему не приставят. Защитить его должны мы... неофициально. Паршивая история, правда?

Россиянка молчала, по-прежнему неподвижно сидя на коленях.

– Как ваши раны? – осведомился учитель.

– Все хорошо, спасибо.

– Вот и отлично. Я полагаюсь не столько на вашу боевую технику, сколько на ваши хладнокровие, находчивость и... предвидение. Помимо вас, оберегать этого Ферие будет Кацумото-сан. Он в охране разбирается, как никто. Больше двадцати лет обучает телохранителей... Ну, а Норимори-сан, как всегда, отвечает за координацию и наблюдение.

Он вздохнул.

– Поразмыслите над задачей. Думаю, ваши услуги понадобятся где-то в среду. А пока можете отдыхать. Вы заслужили право на выходные.

– Селинова-сан, вы позволите пригласить вас на чашечку кофе? – лёгким тоном спросил Норимори. Он стоял возле своей «судзуки», непринужденно положив руку на бампер, и всем своим видом показывал, что речь идет о совершеннейшем пустяке.

«Ему нужно о чем-то серьёзно поговорить», – поняла Ольга. В искусстве выражаться обиняками он не имел равных даже среди японцев.

– С удовольствием, Норимори-сан, – отозвалась она с учтивым поклоном.

– В таком случае прошу садиться в машину.

Выбранный им маршрут был далеко не самой короткой дорогой к городу, а скорость – не самой большой. Казалось, Норимори решил показать девушке все окрестные пейзажи. С комфортом расположившись на переднем сиденье, она безмятежно глядела вперёд, не пытаясь начать разговор.

Минут через сорок неспешной езды самурай нарушил безмолвие.

– Помните, вам довелось познакомиться с Хидэнори Отару?

– Конечно, помню, – улыбнулась Ольга. – Многообещающий юноша.

– При вас никто, случаем, не упоминал про то... как он стал моим воспитанником?

– Около семи лет назад на тренировке вы убили своего друга Отару Хидэки. А потом взяли на содержание его жену и детей.

Норимори побледнел.

– Вы... знаете? – он напряжённо выдохнул. – Мы с Хидэки дружили с детства. Вместе учились, увлекались одним и тем же. Вместе попали к Акаиси-сэнсею. Вместе ушли оттуда, когда Хаябуси-сан основал Генкай-рю. А ещё... Мы любили одну женщину.

В спокойных глазах проступила давняя, затаённая боль.

– Оцуру-сан выбрала Хидэки. Он был красивее, веселее... да и о ней заботился больше. Я старался радоваться их счастью. У них родился сын, затем дочь... В общем, мы остались друзьями. Только в школе... я дрался с ним жёстче, чем с остальными. Но он не укорял меня. Никогда. Пока я не убил его.

С четверть часа Норимори молча вёл машину. Потом заговорил снова:

– Тогда, на крыше... я сразу понял, что натворил. Даже не глядя вниз, на тело. У меня не было особых сомнений по поводу своей участи. Я попросил дозволения... Господин не мог отказать мне в смерти.

Ровный, негромкий голос звучал отстранённо, словно повествуя о ком-то другом.

– Но он мне напомнил: «У него осталась семья. Кто будет кормить её?» Помню, я ответил, что не в силах им лгать. И Хаябуси-сан решил: «Не лги. Иди и расскажи всё как есть. Если Оцуру-сан захочет мести или не пожелает иметь с тобой дело, ты сделаешь сэппуку. Нет – останешься жить». Отправившись к ним, я ждал гнева, слёз, обвинений, – но не услышал и слова укора. Оцуру-сан просто попросила меня уйти. Она... умоляла меня не умирать, представляете?

В полиции всё списали на несчастный случай. Квартира Хидэки удобством не отличалась, и через несколько месяцев мне удалось убедить Оцуру-сан переехать с семьёй ко мне в дом. Для себя я планировал снять где-нибудь комнатку, но она воспротивилась. Так мы оказались под одной крышей. А я по-прежнему любил её.

Норимори резко вывернул руль, уклоняясь от шального мотоциклиста, вылетевшего на встречную полосу.

– Я люблю её и сейчас, – чуть громче продолжил он. – Хотя втайне поклялся никогда не показывать своих чувств. Одеваю её в лучшие платья, отправляю на курорты, воспитываю детей... и не смею прикоснуться к ней. Но беда в том... что она тоже любит меня. И мучается из-за этого. Как мне быть, Селинова-сан?

– Вам действительно нужен мой совет? – удивилась Ольга. – Поженитесь и живите счастливо.

Словно судорога прошла по лицу Норимори.

– После того, как... я убил Хидэки?

Девушка покосилась в окно. Справа от трассы пустое поле, слева – кусты и бамбук. Сзади – посёлок, впереди въезд в тоннель.

– Остановите машину, Норимори-сан.

– Зачем? Вы хотите...

– Остановите машину.

Самурай молча съехал на обочину.

– А теперь давайте решим вашу проблему. Я буду спрашивать, вы – отвечать. Кратко и не задумываясь. «Да», «Нет», «Не знаю». Согласны?

– Да, – Норимори пожал плечами.

– Вы с Отару-саном были друзьями?

– Да.

– Ваши взгляды на жизнь совпадали?

– Да.

– Если бы вам пришлось умереть от его руки, вы бы стали его винить?

– Нет.

– Когда он женился, вы ревновали?

– Да.

– Вы желали ему зла?

– Нет.

– Вы искренне радовались его счастью?

- Да... Не знаю.
- Вы желали счастья Оцуру-сан?
- Да.
- Отару-сан желал счастья вам?
- Да.
- Он желал счастья Оцуру-сан?
- Да.
- Он стал бы винить вас в своей смерти?
- Нет.

– Пожалуй, достаточно, – заключила Ольга. – Итак, вы сразили своего друга без злого умысла. Сам Отару Хидэки-сан, как и вы, был готов однажды погибнуть в схватке, и не винил вас. Он желал счастья и вам, и госпоже Оцуру. По-вашему, ему бы понравилось то, что два дорогих ему человека годами страдают из-за него?

Норимори кинул на собеседницу долгий взгляд. Неспешно открыл дверцу «судзуки» и выбрался наружу. Легко перепрыгнув через канаву для стока воды, он подошёл к внушительному стволу бамбука, толщиной едва ли не в руку. И вдруг с яростным криком срубил его ударом ребра ладони. Отсечённая вершина осела, глубоко вонзившись в сырую землю.

– Вы умеете взять человека за горло и ткнуть его носом в реальность, – смех самурая больше походил на рыдание. – И крепким пинком послать к счастью... Значит, я действительно идиот, свихнувшийся на Бусидо? Все мои убеждения... просто глупость?

Выйдя из машины, Ольга прямо взглянула на Норимори.

– Не припоминаю, чтобы я называла вас идиотом.

– Зато Хидэнори назвал, – откликнулся тот. – Он считает, что я... вправе любить его мать. Кроме того, он заявил, что простил и не станет мне мстить. Оказывается, я дорог ему.

– Вы... предложили ему убить вас? – изумлённо уточнила россиянка.

Самурай кивнул.

– В таком случае он абсолютно прав. Вы безнадежны. – Ольга тихонько рассмеялась. – Норимори-сан, вы очень хороший человек. Добрый. Заботливый. Терпеливый. Вас невозможно не полюбить. Как может ребёнок, которому вы заменили отца, ответить вам ненавистью? В чем вас укорить Оцуру-сан – при вашем почтении к ней и к памяти её мужа? Подарите радость им и себе. А Бусидо... это верность и долг, но не отрицание жизни. Думаю, имей сейчас Отару-сан возможность высказаться, он бы от души посоветовал вам не морочить голову.

– Скорее всего, он от души дал бы мне в ухо, – хмыкнул Норимори. – Со своим обычным присловьем: «Да, ты дурак! Но спрячь свою дурь в карман и прикинься умным!» Хотите, заглянем к нему на могилу? Мы в десяти минутах езды.

– Почему бы и нет?

Кладбище было пустынно. Хмурое зимнее небо дышало сыростью. Облака клубились низко, кое-где касаясь земли щупальцами тумана. Могила Отару Хидэки ничем не выделялась среди других. Миниатюрный дворик, засыпанный мелким гравием. Чёрный гранитный памятник с овальным портретом, узкой вазой для цветов и нишей, в которой помещалась урна с прахом. Каменный сосуд для омовения рук, наполовину заполненный талой водой.

Самурай вынул из вазы старые мёртвые стебли и заменил на белые хризантемы, купленные по дороге в цветочной лавке. Ольгин букет там уже не помещался, и она продолжала держать его, молча склонив голову. Норимори ополоснул ладони и застыл в безмолвной молитве. Миновало пять минут, десять, пятнадцать, – а он все стоял, неподвижный и отрешённый.

«Сколько можно себя казнить? – думала россиянка. – Или это такая причудливая форма гордости?» Её все больше охватывало чувство ирреальности происходящего. Норимори не

шевелился. Он что, ждёт, когда из мглы появится призрак друга и наконец дарует ему прощение?

– Ну пойми же, я сам виноват! Хватит маяться! Забудь про меня, бери её и живи! И береги их...

Слова донеслись приглушённо, но совершенно отчётливо. Обрывок чьего-то далёкого разговора? Резко очнувшись, Норимори напряжённо прислушивался. Тишина. Только случайные шорохи и туман, плавающий вокруг причудливыми клочьями. В иных при известном воображении угадывались человеческие фигуры.

Опустившись коленями прямо на мокрые плиты, самурай согнулся в поклоне.

– Хорошо. Но забыть... никогда.

Ольга со вздохом отошла в сторону. её внимание привлекла могила неподалёку. Высокое надгробие утопало в белых цветах. Хризантемы, розы, лилии и даже орхидеи, свежие и увядшие, в гранитных вазах, пластмассовых баночках, в выемках между плитами. Она взглянула на портрет, украшенный живой веткой цветущей сливы. С полированного гранита на неё смотрело её собственное лицо. Та самая фотография из «Кё-но-симпу»...

Девушка тряхнула головой, отгоняя наваждение. Картинка расплылась, превратившись в лицо молодого японца с резкими чертами и весёлой улыбкой. Под ним были выбиты два самурайских меча, обычное и посмертное имена, даты жизни. «Хаябуси Масаюки, – с хмурой усмешкой прочла Ольга, подходя ближе. – Кто бы сомневался».

Найдя свободное место в одной из ваз, она поставила туда свои хризантемы. Соединила пальцы в ритуальном жесте, отдавая дань уважения ушедшему.

– А, вы нашли его? – раздалось за спиной. – Вижу, Кацумото-сан здесь уже побывал.

– По какому признаку вы это определили?

Норимори шевельнул бровью.

– Во всей округе лишь у него в саду слива зацветает в конце января. И каждый год он приносит ветку Масаюки. Не знаю уж, из каких соображений.

– Вижу, сюда вообще часто навещают.

– Да. И не только мы. Разные люди. А у многих местных традиция: посещая своих, заглянуть и к нему. Сейчас тут сравнительно мало цветов. На О-Бон завалили весь памятник.

Он умолк и тоже сложил ладони. На сей раз он молился недолго. Опуская руки, снова взглянул на Ольгу... и внезапно вздрогнул всем телом.

– Серинова-сан... может, поедем пить кофе? – спокойно поинтересовался он.

– Поехали, – согласилась та. – Но вы не хотите для разнообразия прямо сказать, в чём дело?

– Прямо? Этот туман почему-то действует мне на нервы. На могиле Хидэки мне послышался... его голос. А миг назад я мог бы поклясться, что передо мной стоите не вы, а... Масаюки.

– Он мёртв, Норимори-сан, а я пока нет, – мрачно заметила Ольга. – Впрочем, мы явно связаны. Масаюки-сан, вы не желаете объясниться? – обратилась она к портрету. И с минуту прислушивалась к кладбищенскому молчанию, точно всерьёз рассчитывала на ответ. Потом продолжила: – Что до голоса, я его тоже слышала.

При всём своём самообладании Норимори побледнел.

– Я никогда не увлекался метафизикой...

– Значит, вам проще жить, – девушка пожала плечами. – А у меня вся жизнь – одна сплошная метафизика.

– Вас это... не удивляет?

Ольга устало посмотрела на него.

– Человек ко всему привыкает. Даже к безумию.

– Я, признаться, решил, что у меня галлюцинации.

«Просто я – плохая компания для визита к покойным в туманный день, – подумала россиянка. – Когда вы придёте сюда один, не произойдёт ничего особенного».

– Ну как, едем? – осведомилась она вслух.

Норимори с усилием улыбнулся.

– Клянусь, я угощу вас лучшим кофе, какой только можно найти в нашем городе.

– Орыга-сан! – Сатоко радостно рассмеялась. – Наконец-то ты пришла! Заходи скорее!

Весело подмигнув, девушка переобулась в тапочки и прошла в дом.

– Давно не виделись. Ну, рассказывай, как у тебя дела?

– Скучно, – пожаловалась Сатоко. – С тех пор, как Ната-сан уехала, мне не с кем ни поболтать, ни толком поработать.

– А Тоору-сан?

– Если б он меньше боялся меня покалечить, все было бы прекрасно. Но с его точки зрения, женщина – это хрупкая бабочка, которую надо оберегать и лелеять. Я могу хоть всю тренировку вытирать его носом татами, но он всё равно будет нежничать.

– Раньше ты подобных претензий не выдвигала.

– Раньше я не общалась с маньяками вроде тебя. И учитель не требовал от меня боевой эффективности. Помню, недавно Итиро заикнулся, что айкидо – это искусство мира, спарринги в нем запрещены Основателем и вообще – тем ли мы тут занимаемся?

– Представляю себе его участь...

– Хаябуси-сэнсей ласково так спросил: «Почему вы тогда до сих пор не ушли отсюда?»

А потом добавил: «Если от вашей победы Вселенная не стала чуточку лучше, это не победа, а поражение. Но о мире может говорить сильный. Слабый только просит о милости. Слабый никогда не изменит Небо и Землю. Айкидо – боевое искусство. Пока вы не готовы к реальной схватке, вы не владеете айкидо».

Сатоко ринулась на кухню, стремительно собирая угощение. Россиянка двинулась следом.

– В тот день он по очереди вызывал нас из строя и требовал осмысленно встретить его атаку. Причём атаквал неспешно и без затей, тремя простыми ударами.

– И как?

– Из всей группы только четверо попытались провести на нём какую-то технику. Остальные или шарахались прочь, или застывали на месте.

– Ты, конечно, одна из четвёрки?

– Да, – Сатоко покраснела. – Впрочем, завершить приём мне не удалось. Знаешь, когда я встала напротив... Он так стоял... В общем, я поняла: мне конец. Хотелось забиться в угол и спрятаться под татами. Не будь у меня опыта схваток с тобой, я бы наверняка так и сделала.

Ольга понимающе кивнула.

– А как ты справляешься с этим? – спросила Сатоко. – Говоришь себе «будь что будет» и кидаешься в бой?

– Не совсем. В идеале тебя вообще не должна волновать твоя участь. Ты выполняешь боевую задачу. Вот и всё.

– Мне до идеала, как до Луны. Я могу подчинить себе страх, но чтобы не испытывать его вовсе...

– Нужно достичь состояния, когда тебе безразлично, жить или умереть. Но не уверена, что это правильная стратегия. Если подобное безразличие не сопровождается целью, стремлением чего-то достичь – в любой критической ситуации оно приведет к смерти.

– Почему?

– Зачем прилагать усилия для выживания, когда тебе всё равно? – Ольга щелкнула кнопкой микроволновки.

Сатоко задумалась, автоматически расставляя посуду.

– А другие эмоции? Ярость, ненависть?

– Я бы добавила жажду боя и, как ни странно, веселье. Затуманивают сознание. Отчасти полезны на начальном этапе – пока привыкаешь драться на поражение. Но потом от них надо избавиться – или держать под жесточайшим контролем. В серьёзной схватке голова должна быть холодной и ясной. Что до ненависти, лучше никогда не допускать её в свою жизнь. О-сэнсей не случайно завещал относиться к врагу с любовью.

– Не замечала в тебе особой любви к Исиде Хитокири... – протянула Сатоко.

– Видимо, я плохой ученик, – улыбнулась Ольга.

Приготовив чай и простенькую закуску, девушки сели за стол.

– Какие у тебя планы на сегодня? – уточнила россиянка, привычно подцепляя палочками кусочек рыбы.

– Никаких. Я полностью к твоим услугам.

– Как ты смотришь на идею пробежаться по магазинам?

– Положительно. А что ты хочешь купить?

– На сей раз список довольно длинный. Стильный костюм на грани экстравагантности, но хорошо подходящий для драки. К нему туфли и лёгкие сапоги на низком каблуке. Немного качественной косметики. Чёрные и золотые контактные линзы. Чёрная временная краска для волос. Бижутерия. Плотная ткань, кожа, заклёпки, замша, пряжки, молнии, серебряная тесьма, – хочу сделать пару аксессуаров в стиле боевого пояса Наты. Пять пачек швейных иголок. Тонкий прочный шнур. Кое-что из лекарств. Алый шёлковый пеньюар. И, наконец, новые хакама и кимоно. Кстати, у тебя есть швейная машинка?

– Есть... Чем ты намерена заняться? – Ольга молча подняла на неё глаза, и Сатоко тут же поправилась: – Извини. Тебе нельзя говорить...

– Расскажу позже. Что смогу. Скорее всего, получится крайне смешно.

– От историй, которые ты называешь смешными, меня подозрительно часто бросает в дрожь. Хотя... Представляю тебя в пеньюаре, – она хихикнула.

– В последнее время синяков на мне существенно поубавилось.

– Они сменились на раны, – съязвила Сатоко, дёрнув подругу за рукав. На предплечье виднелась чёткая красная линия, пересечённая стежками швов. – И много их у тебя?

– Штук восемь. Но они не опасны. Да и шрамов почти не оставляют.

– Нож?

– Меч.

– Я поражаюсь... Как вы умудряетесь не калечить друг друга?

– Хорошая организация тренировок. Хаябуси-сама часто гоняет нас сверх предела наших способностей – но экстремальные упражнения никогда не превышают этот предел. Ты уверенно ведешь бой по стандартной схеме? Так и сделаем... только возьмём боевые клинки. Впрочем, мне и впрямь достаётся больше других.

– Чего он всё-таки добивается от тебя? Дотягивает до среднешкольного уровня?

– Среднему уровню я уже соответствую – если брать умение драться, а не правильность приёмов. Но сэнсею этого мало. Я обязана удостоиться звания старшего ученика. До конца года.

Сатоко поражённо приоткрыла рот.

– Впечатляет? – Ольга отстранённо хмыкнула. – Разумеется, в столь скоростном режиме освоить всю технику школы в принципе нереально. Пока меня просто натаскивают на схватку – с оружием и без, с более сильным противником, с несколькими противниками, ставят удары, выносливость, чувство дистанции... опираясь на мои исходные умения. Шлифовкой движений придётся заняться потом.

– Но к чему такая спешка?

– Господин имеет причины так поступать. У кого исключительное положение – к тому и требования исключительные. Это вопрос чести школы. А ещё, как ни странно, это попытка защитить меня. Ты же в курсе желания отдельных персон сделать пепельницу из моего черепа... Кстати, якудза бросили пастись вокруг твоего дома?

– Давно. Они ищут тебя, не меня... Один, помню, раз пять спрашивал, как пройти то туда, то сюда. На пятый раз я ему предложила купить себе карту. Клинический идиот.

– Похоже, у них кадровые проблемы, – усмехнулась россиянка.

– И почему я не опечалена?

– Вкусный окунь, – россиянка отодвинула пустую тарелку. – Давно подобного не пробовала.

– Самый обыкновенный, – смутилась Сатоко. – Я готовить-то почти не умею. Или ты там живешь впроголодь?

– Ничего подобного. Напротив, Каору-сан все норовит мне сунуть лишний кусок.

– Каору-сан?

– Жена Хаябуси-сэнсея. Так что не скромничай.

– Поделиться рецептом?

– Давай. Сколько можно обсуждать боевые искусства? Встретились, называется, две милых дамы...

От смеха Сатоко поперхнулась чаем.

– Милых... Если смотреть издали, прикрываясь танком. А ведь когда-то и я была способна часами говорить о платьях, духах и модельных причёсках!

– Значит, сегодня ты будешь экспертом по покупкам, – заключила Ольга. – Ну, как я могла забыть о духах?

Погружённый в задумчивость, Иори стоял, устремив взгляд на воду храмового пруда. Под поверхностью неспешно скользили декоративные карпы. Откормленные сверх всякой меры и вполне довольные жизнью.

«А чем недоволен я?» – размышлял юноша. Он исполнил мечту. Научился играть на саксофоне, в полгода пройдя трехлетний курс обучения. Вчера на торжественном вечере Мацуда-сэнсей выдал ему свидетельство об окончании музыкальной школы наряду с другими выпускниками. И ещё блестящую характеристику с личной рекомендацией.

– Я сделал для тебя все возможное, – сказал он по окончании церемонии. – Надеюсь, ты не оставишь музыку. Непростительно загубить такой талант. Но чтобы раскрыть его в полной мере, тебе нужно учиться дальше. Хотя бы самостоятельно.

Слова оставили горький осадок. Учитель не единожды советовал ему поступать в Токийский университет искусств. А тут...

«Самостоятельно, – мрачно повторил Иори. – Скорее всего он понял, что не видать мне поступления, как своих ушей». Отец не поздравил сына с успехом. Кивнул и всё. Для него музыка – не более чем развлечение. Наверное, только Орья-сан в силах помочь... но... Иори помнил, чего ей это стоило в прошлый раз. Когда она подарила ему саксофон, отец позволил ему учиться. А её избил до потери сознания, и с тех пор беспощаден к ней, как ни к кому другому. Просить её снова – совсем не иметь стыда.

«Ты и сам можешь справиться с чем угодно, – сказала она ему однажды. – Самое главное – не бояться. Если ты не готов отстоять свой Путь перед целым миром, ты недостойн Пути».

«Я не готов, – вздохнул юноша, понурившись. Глаза застилали слёзы. – Я недостойн...»

Ему вдруг вспомнился Масаюки, утешавший маленького брата на тренировках:

«Не плачь. Самураи не плачут. Самураи сражаются до конца. Так что вытри нос и дерись».

– Ну, хорошо, – яростным шёпотом бросил Иори, отрываясь от созерцания карпов. – Клянусь, я не отступлю. Если у меня не получится победить, значит... значит, мы скоро встретимся.

Его внимание привлекло хриплое карканье. Совсем рядом возвышались красные воротатории. По верхней перекладине вышагивала взъерошенная ворона, словно пародируя легендарного петуха. Иногда она замирала, с видом опытного судьи склоняя голову набок и оценивая очередного посетителя храма. Коротким «карк» выражала своё мнение и продолжала моцион.

Из-за облака вышло солнце, отразилось в пруду, окрасив золотом воду. Амаэрасу гляделась в зеркало. Иори рассмеялся. Чувство бессилия вдруг сменилось уверенностью в успехе.

– Похоже, из тебя и впрямь получился петух! – воскликнул он, обращаясь к вороне. – Интересно, что получится из меня?

Он прошёл под воротами и отправился домой, так и не заглянув в храм.

Забравшись в кресло с ногами, Оцуру рассеянно листала женский журнал, кутаясь в толстый плед. В доме не экономили на отоплении, но она всё равно озябла. Холод шёл изнутри, от неё самой. От тоски, стылой, как зимний ветер.

В рубрике почты одна из читательниц высокопарно писала о романтических чувствах. «Неужто и я такая же дура? – спросила себя Оцуру. – Буду вечно хранить верность глупой иллюзии? Я уже и надеяться перестала. Он обхаживает меня, будто императрицу. А я бы всё отдала за одно прикосновение. Это и есть любовь?»

Лёгкий стук прервал её невесёлые размышления.

– Оцуру-сан, разрешите войти? – послышалось из-за двери. – Мне хотелось бы поговорить с вами...

Она мгновенно надела приветливую улыбку.

– Конечно, Норимори-сан.

Сдвинув фусума, он ступил в комнату. Наклонился и вытащил из направляющего паза катушку от фотопленки.

– Наверняка Хидэнори, – он тоже смущённо улыбнулся. – Нарочно сунул катушку в щель, чтобы двери плотно не закрывались. Он за вас беспокоится.

– Почему? Со мной все в порядке...

– Неправда, Оцуру-сан. Вы похудели. Вам надо больше есть. Зима какая-то странная в этом году, правда? Туманы, дожди... Хорошо, сейчас проглянуло солнце.

– Да, погода всегда преподносит сюрпризы, – тихо отозвалась Оцуру. Голос любимого ласкал ей сердце. Но... он вел себя так необычно... – Что-то случилось?

– Нет, – покачал головой Норимори. – Я пришёл... попросить прощения.

– За Хидэки? Но я не виню вас. Трагическая случайность... – внезапно в её взгляде проступил испуг: – Вы...

– Всё в порядке, Оцуру-сан, – успокоил он. – Мне не грозит опасность. И прощения я прошу... вовсе не за Хидэки.

– Тогда... за что?

Норимори помедлил. Это было невероятно трудно – произнести то, о чём столько лет молчал... Он опустился на колени, и их глаза оказались на одном уровне.

– Я до сих пор не сказал вам о том... что люблю вас.

Оцуру вскрикнула. Недоверие, восторг, отчаянная надежда полыхнули безумным пламенем.

– Хидэюки! – она метнулась вперёд, потянувшись к нему. Норимори бережно сжал её в объятиях, смиряя порыв собственного тела. Зарывшись лицом в его рубашку, она прижималась к нему изо всех сил, будто боялась, что через миг он просто исчезнет. Неуверенным жестом он погладил её по волосам, стянутым в тугий узел.

– Оцуру-сан... почему вы плачете?

Она улыбалась, блаженно зажмурившись; слёзы текли из-под опущенных век, капали Норимори на грудь, пронзая его нестерпимой волной желания и вины. Казалось, вся его кровь превратилась в раскалённую лаву. В ушах бушевал тайфун.

– Вам, наверное, холодно на полу, – выдавил он. – Вы дрожите...

Одним движением подхватил её и отнёс к дивану. Сейчас она не сумела бы вырваться, даже если бы попыталась. Но Оцуру покорно лежала в кольце его рук; лишь повернула голову, робко коснувшись губами жёсткой мужской щеки.

Норимори ответил на поцелуй, припав к её рту с бешеной страстностью, внезапно вырвавшейся наружу. Однако испуганный возглас Оцуру заставил его отстраниться.

– Извините, – хрипло прошептал он, тяжело дыша.

– Нет, Хидэюки-сан... пожалуйста, продолжайте...

Норимори медлил.

– Я боюсь... причинить вам боль. Я слишком сильно... хочу вас.

Бледная до белизны, Оцуру взмолилась:

– Мне страшно, Хидэюки... Прости... Возьми меня, прошу... Пусть будет больно, неважно... Делай со мной что угодно, только не уходи!

Трясущимися пальцами она развязала пояс домашнего кимоно. Изящное, хрупкое тело было напряжено, как струна сямисена. Склонившись над ней, Норимори вдохнул аромат её кожи; провёл по изгибу бедра горячей шершавой ладонью, с трудом заставляя себя не торопиться. Изголодавшаяся плоть требовала сорвать с женщины остатки одежды и грубо овладеть ею. Оцуру застыла, не смея пошевелиться; в расширенных зрачках смешались испуг и любовь.

– Нет, так не пойдёт, – ласково упрекнул он, наконец укротив в себе дикого зверя. – Прежде всего я хочу доставить вам радость. Вы пока не готовы. Может, лучше мы для начала сходим куда-нибудь в ресторан? Проведем вместе вечер, расслабимся... А то и поранить друг друга недолго. Не волнуйтесь, я подожду. Я долго ждал.

– Долго?

Он грустно улыбнулся.

– С тех пор, как мы познакомились. Помните, у Хидэки на вечеринке?

– Это же было лет восемнадцать тому назад...

– Да. Восемнадцать лет.

Глаза Оцуру снова застлали слёзы.

– Почему вы молчали?!

– Хидэки был достойней меня. Из нас двоих вы выбрали лучшего. И я не стал признаваться вам в своих чувствах. А потом... Домогаться вас, пролив его кровь... Я не открылся бы вам никогда, но... не могу допустить, чтобы вы страдали. Ваше счастье превыше всего. Надеюсь, он... поймёт.

Оцуру всхлипнула.

– А ваше счастье... совсем ничего не значит?

– Ничего, – и он опять поцеловал её, на сей раз очень нежно. – Ведь я живу на земле исключительно из-за вас.

– Входи, Иори, – Хаябуси-сэнсей отложил газету, кивком указывая ему на стул. Маленькая гостиная была одной из немногих комнат, обставленных в европейском стиле.

Юноша сел напротив.

– Пятнадцатого числа начинаются экзамены в Токийском университете искусств, – сообщил он.

– Предположим.

– Ты позволишь мне поступать?

Хаябуси с мрачноватым интересом посмотрел на сына.

– Я закончил школу с отличием. Теперь мне нужно учиться дальше. Мацуда-сэнсей утверждал... что я могу сдать экзамены без дополнительной подготовки.

– Зачем?

– Я намерен выбрать профессию саксофониста.

– Генкай-рю тебя не волнует. Так?

– Мне придётся тренироваться самому, – признал Иори. – Можно ещё приезжать сюда по выходным...

– Вероятно, для очистки совести, – съязвил сэнсей. – Какой смысл в занятиях по полтора раза в месяц?

На скулах юноши выступили красные пятна.

– Значит, твое разрешение учиться музыке... было простой подачкой капризному мальчишке?

– По правде сказать, да.

Жестокость ответа хлестнула почти физической болью. Однако внешне Иори сохранил бесстрастность.

– В таком случае нам больше не о чем говорить. Ты же лучше меня знаешь, что мне следует делать. Но я не желаю оставаться марионеткой. Я... уйду из дома.

– Думаешь, у тебя получится? – хмуро усмехнулся его отец.

Иори подавил приступ паники.

– Если ты станешь меня удерживать, тебе придётся взять мою жизнь, – отчеканил он.

Глаза Хаябуси заледенели. Он встал, возвышаясь над сыном, словно гневное божество. Его тихий, грозный голос наполнил всю комнату:

– Ты понимаешь, что говоришь?

Юноша вдруг почувствовал, что задыхается. Внутренности смёрзлись в колючую глыбу ужаса. Ему понадобилось всё его мужество, чтобы остаться на месте. Взгляд отца был страшнее самой смерти; он прошивал насквозь чёрным копьём, и спасения от него не было.

Мёртвая тишина давила на уши. Только в сознании почему-топлыли торжественные аккорды. «Бетховен, – машинально отметил Иори. – Героическая симфония».

– Признаю, кое-чего ты достиг, – Хаябуси отвернулся, давая ему передышку. – Что ж, можешь попробовать заслужить право на обучение.

– Как? – ровный тон дался юноше с осязательным усилием.

– Поединком. Ты сойдёшься с противником по моему выбору. Победишь – я отпущу тебя в Токио.

Бессильная ярость кипятком обожгла Иори. В Генкай-рю он никого не мог победить. Он был слабейшим, и хорошо это знал. Схватка закончится лишь очередным унижением. А отец наверняка выставит кого-нибудь вроде Кацумото...

– Может, мне лучше сразу вспороть живот? – не сдержался он. – Не позорясь...

Продолжение фразы застряло в горле. Чёрное остриё снова впилося в него. Сила гнева Хаябуси буквально уничтожала.

– Валяй. Раз ты неспособен вести себя как мужчина, хоть сию минуту бери нож и катись на берег. Серинова-сан составит тебе компанию.

– При чём тут... Серинова-сан?

– Я считаю её ответственной за твои выходки. Изобразишь трагического героя – она умрёт следом.

Иори сглотнул. В висках вместе с пульсом билось отчаяние.

– Это... подло, – пробормотал он наконец. – Ты... не сделаешь этого.

– Почему? Тебе плевать на собственных родителей. С какой стати мне жалеть вассала? Избавляя тебя от сомнений, я прямо сейчас позвоню ей и отдам соответствующий приказ, – он направился к телефону.

– Нет!!! – выкрикнул юноша, срываясь со стула и прижимая рукой трубку.

– Нечего возмущаться, – холодно заметил сэнсей. – Твои заявления – тоже шантаж, причём не особо умный. Готовность реально пойти на смерть извиняет тебя лишь отчасти. Подумай для разнообразия о ценности своей жизни. Чего ты добьёшься, швырнув её мне под ноги?

Иори понуро молчал.

– Ну как, будешь сражаться за право учиться музыке? Или предпочтёшь не позориться?

– Разумеется, буду, – буркнул он. Лучше призрачная надежда, чем совсем никакой...

– Твоим противником станет не Кацумото-сан, – спокойно и жёстко сказал Хаябуси. – Не Норимори-сан, не Тамура-сан... Даже не госпожа Серинова. Возможность выиграть бой ты получишь. Однако меня устроит только безоговорочная победа. Любую ничью я приравниваю к поражению.

– Понял. Где, когда, на каких условиях?

– Днём в понедельник, у Каменного стола. Условия... Драться будете без оружия. Ограничения – скорее всего, стандартные. Или ты хочешь каких-то других?

Иори выпрямился, усилием воли сдерживая нервную дрожь.

– Я вообще не хочу ограничений, – ответил он, не позволяя себе отвести взгляд от пронзительных глаз отца.

– Вот как? И ты убьёшь своего оппонента, если придётся?

Юноша на секунду загнулся. Он и в мыслях не держал, что способен кого-то убить, тем более из воинов Генкай-рю.

– Да. Но надеюсь... до этого не дойдёт.

– Не надейся, – Хаябуси сурово свёл брови. – Ты просишь смертельной схватки. Ещё раз спрашиваю, ты готов пролить его кровь?

– Готов, – тихо подтвердил Иори. «Я всё равно не смогу, – решил он про себя. – Но если я проиграю, мне незачем жить».

На лице сэнсея неожиданно промелькнула насмешливая искра.

– Я должен обсудить это с твоим противником. Если он согласится, вы будете драться без ограничений.

– Добрый вечер, Нисимура-сан.

Резко обернувшись, тот сразу согнулся в низком поклоне.

– *Комбан ва*, Хаябуси-сэнсей.

– Хорошо, что я встретил вас. Нам надо поговорить.

– Вы позволите пригласить вас ко мне домой?

Учитель покачал головой.

– Не хочу беспокоить ваших домашних. Давайте лучше прогуляемся до маяка. Сегодня красивые сумерки, правда?

Нисимура вернулся к своей машине и бросил в салон дипломат, который держал в руке.

– Да, конечно...

Пока они шли по асфальтированной дорожке, Хаябуси расспрашивал его о жене, дочери и работе. Он вежливо отвечал, не понимая, куда тот клонит. Наконец, в лицо пахнул солёный ветер. Ясное небо над океаном наливалось бархатной синевой, в которой уже появлялись первые льдинки звёзд. Редкие перистые облака дополняли картину оттенками белого, серого и серебристого. Внизу под обрывом мерно шуршали волны.

– В понедельник у вас выходной, не так ли? – задал сэнсей очередной вопрос.

– Да, господин.

- Моему сыну нужен противник для поединка.
- Благодарю за честь, – самурай поклонился. – Каковы условия схватки?
- Бой без оружия. Однако... он намерен сражаться насмерть.

Нисимура ничем не выдал смятения. Не согласись с Иори учитель, вопрос бы попросту не стоял.

– Я не убью его, господин, – медленно проговорил он. – Мне предстоит умереть от его руки?

– Не могу полностью исключить такой исход.

– Прошу одного, – сказал самурай после паузы. – Вы поддержите в первое время мою семью?

– В случае вашей гибели, Нисимура-сан, я буду обеспечивать их пожизненно. Но меня значительно больше устроит, если вы останетесь живы.

Тот безмолвно ждал пояснений.

– Не поддавайтесь ему, – продолжал сэнсей. – Сражайтесь всерьёз. Конечно, Иори тоже не желает вам зла, но он изрядно недооценивает свои силы. Пожалуйста, не совершите той же ошибки. Сейчас у него есть причина стремиться к победе любой ценой, приравняв поражение к смерти. Полагаюсь на ваш опыт, Нисимура-сан. Постарайтесь защитить свою жизнь – и выиграть поединок. Если мой сын не сможет вас одолеть, это его проблемы. – Хаябуси помолчал. – Даже если случится самое худшее...

– Я не убью его, господин, – повторил самурай. – Чего бы мне это ни стоило.

Оцуру спала, свернувшись клубочком в центре кровати, сделанной в форме огромной двустворчатой раковины. Во сне она сбросила одеяло, и её нагое тело на фоне розовых простыней походило на золотую жемчужину. Пристроившись с краю, Норимори любовался ею, расслабленный и удовлетворённый. Он с изумлением осознавал, что обладал женщиной, которую многие годы считал недостижимой. «Я нарушил клятву не прикасаться к ней, – подумал он. – Но, будь я проклят, не жалею».

Слабо застонав, Оцуру потянулась куда-то.

– Не уходи... – прошептала она. И проснулась. Приподнялась на локте, недоверчиво озираясь. Розовые обои с амурами и сердечками, эротические картинки на стенах, зеркальный потолок, причудливая мебель, словно из какой-то гламурной фантазии...

– Где я?

– В лав-отеле, – Норимори по-мальчишески улыбнулся. – Доброе утро, Оцуру-сан.

– Хидэюки! – воскликнула она с восторгом и нежностью, оборачиваясь к нему. – Так это не сон...

У него защемило в груди. Он скользнул вперёд, привлекая её к себе, и ощутил, как она затрепетала, словно взятая в ладонь птица.

– Надеюсь, вам... понравилось?

В уголках глаз Оцуру блеснули крохотные слезинки. Она прильнула к его горячему боку. Длинные чёрные волосы скользили по коже ласковыми ручейками.

– Я... не могла и представить такого блаженства.

Норимори мягко поцеловал её; мельком покосился в окно.

– Светает...

– Вам нужно собираться на тренировку, – огорчённо вздохнула Оцуру.

Тот безмятежно махнул рукой.

– Не пойду я сейчас никуда. Останусь с вами.

Она просияла и тут же смутилась, стыдливо прикрыв рот ладонью.

– Вы не должны так беспокоиться из-за меня... Ой! Что это?

Приглушённого света маленькой лампы хватало, чтобы увидеть бурые пятна, покрывавшие её пальцы.

– Кровь, – тихонько рассмеялся Норимори. – Вчера вы исцарапали мне всю спину.

– Как?! – испуганно ахнула она, пытаясь заглянуть ему за плечо. Он послушно повернулся, демонстрируя багровые полосы, во множестве красовавшиеся на лопатках. Минувшей ночью оба пытались вести себя терпеливо и ласково, но взаимная страсть вскоре смела все мыслимые границы. Норимори брал её с мощью и яростью дикого тигра, не обращая внимания на сопротивление; Оцуру извивалась под ним, кричала, полосовала его ногтями и молила о продолжении. Сейчас, когда безумие схлынуло, им оставалось лишь удивляться себе – и беспокоиться за любимого человека.

– Оцуру-сан, это самые приятные раны из всех, какие я получал, – с улыбкой прервал Норимори её извинения. – И не возражаю против повторения. А я ненароком не повредил вам? Я вёл себя непозволительно грубо...

Вместо ответа она провела ладонью по его животу, вызвав в нём новую волну томительного желания.

– Вам нравится, Норимори-сан?

– Никогда в жизни я не испытывал большего наслаждения, – честно признался он. – Возможно, мои слова звучат неприлично, но всё, чего я хочу, – это взять тебя снова.

– Так возьми, – отозвалась Оцуру, отдавая его рукам.

– Если бы только ты себя видел! – Хаябуси-сэнсей смотрел на Норимори, еле сдерживая смех. – Ты выглядишь в точности как нагулявшийся кот. Мне поздравить тебя или поставить перед строем?

– И то и другое, – невозмутимо откликнулся самурай. – Пока я не получу по шее, не поверю, что нахожусь не на небесах.

– Полагаю, Оцуру-сан тоже довольна?

– Да... откуда ты знаешь?

– Я же не круглый дурак. Кроме того, я звонил тебе прошлым вечером. Трубку снял Хидэнори. И в исключительно вежливых выражениях посоветовал мне оставить тебя в покое хотя бы на одну ночь. При этом его настроение было весьма... противоречивым. А когда ты не явился и на утреннее занятие, все окончательно прояснилось, – он усмехнулся. – Я рад. Мне давно казалось, что твой траур по Хидэки чересчур затянулся.

– А ведь я не могу до конца оправдать себя.

– Ну и чёрт с тобой. Будешь жить неоправданным, но счастливым.

Норимори вздохнул.

– Зачем ты звонил мне? Что-то случилось?

– Иори потребовал отпустить его в Токио, в университет искусств. Похоже, ему действительно нужна его музыка. Потому как в противном случае он всерьёз вознамерился умереть. И отступать не собирается.

– Он мог повлиять на тебя как-то иначе? – поинтересовался Норимори. – Поправь меня, если я ошибаюсь, но ты сам научил его этому.

Хаябуси спокойно кивнул.

– В таком случае, пора преподать ему очередной урок. Я предложил ему в поединке завоевать желаемое. Мой сумасшедший сын согласился – и потребовал схватки насмерть.

– Ты позволил ему?

– Да.

– Кто станет его противником?

– Нисимура-сан.

– Значит, ты даёшь ему шанс, – протянул Норимори.

Смешок Хаябуси получился весьма раздражённым.

– Ко мне тут недавно заходил Мацуда-сан, директор музыкальной школы. Самой подходящей характеристикой для Иори он счёл слово «гений». Он за полгода преподавал ему весь курс и выдал свидетельство об окончании школы. А также настаивал на получении им высшего образования. В общем, саксофонист из моего сына выйдет существенно лучший, чем тренер или какой-нибудь клерк. Пусть занимается. Стать вторым Масаюки ему всё равно не грозит. Но он должен заслужить моё разрешение.

– Но бой насмерть...

– Нисимура-сан не убьёт его, – мрачно сказал сэнсей. – Да и сам Иори вряд ли желает отправить противника в Ёми-но-Куни... однако, похоже, свято уверен, что любой самурай Генкай-рю с лёгкостью защитится от любых его атак. Он может сразить Нисимуру-сана просто по неосторожности. И всё-таки... думаю, стоит пойти на риск.

– Когда?

– Днём в понедельник. Ты свободен в это время?

– На работе. Но попробую освободиться.

– Не получится – тоже не страшно. Дайго и Серинова вполне разберутся. А тебе ещё предстоит чуть позже отвоевать пару недель отпуска.

– Учту. Так ты поставишь меня перед строем?

– К несчастью, сейчас ты мне нужен целым, – хмыкнул Хаябуси.

– Жаль, – в голосе Норимори звучало искреннее сожаление.

– Ну, коли ты настаиваешь, выходи на схватку со связанными руками. Против пяти старших, считая меня. С тобой не так легко справиться, не причинив увечий.

Самурай отмахнулся.

– Ты прав, сначала нужно решить серьёзные вопросы. А развлекаться потом. Но после отъезда Феризэ из Японии я непременно попрошу тебя оказать мне честь...

– Договорились.

Подцепив керамическую чашечку проволочным крюком, Ольга переставила её на подставку и погасила спиртовку. Включённая вытяжка уносила большую часть ароматов, но тем не менее в кухне ощутимо пахло аптекой.

– Что ты делаешь? – Вошедшая Сатоко с подозрением рассматривала растёртые в порошок таблетки, загадочные пузырьки и густую бесцветную жидкость, остывавшую в чашечке.

Россиянка достала пачку иголок с желобками, какие употребляются в швейных машинках, поочерёдно окунула их в своё варево и выложила сушиться на бумажку.

– Оцарапанный этой штукой... умрёт?

– Нет. Через пару минут у него участится пульс, появится резкая слабость, заносит в груди – но не более. Уже полчаса спустя он будет вполне адекватен, ну разве что на некоторое время сохранится неважное самочувствие. Даже случись ему потом наглотаться таблеток с теми же веществами, он не особенно пострадает.

– А тут? – Сатоко указала на изящный стеклянный флакончик для духов, пристроенный в ёмкость для подогрева саке.

– Снотворное. Только сильнее, чем в обычных препаратах.

– И ты ещё утверждаешь, что не изучала ниндзюцу... Признайся, где ты такого нахватила?

– Помнишь Володю? Который всё время оказывался со мной в паре?

– Конечно... милейший человек...

– В прошлом он был отъявленным уголовником. Он обучил меня уйме уловок и хитростей, употребляемых в криминальном мире. А ещё тому, как драться бутылками, арматурой, велосипедными цепями и прочими подручными предметами.

– Ничего себе...

– Полезная информация, – пожала плечами Ольга. – А иногда, как видишь, и на практике применима.

Сатоко замялась.

– Орья-сан, ну пожалуйста, успокой меня! – выдохнула она вдруг. – Скажи, что не станешь наёмным убийцей! Мне страшно глядеть на твои приготовления. Похоже, Хаябуси-сэнсей совсем не таков, каким я его считала. А ты...

– А я, как его вассал, обязана повиноваться любым приказам, – девушка вместе со стулом развернулась к подруге. – Ты сомневаешься в его благородстве?

– Когда я встречаюсь с ним, вижу его лицо... то нет. Но стоит ему уйти... я вспоминаю тебя. Твое молчание, тренировки в режиме полной секретности... и вот... Прости за сумбур, но мне бы очень хотелось развеять свои сомнения.

– Не получится. Любые мои заверения здесь бесполезны. Ведь ты не доверяешь мне самой.

– Почему?

– Иначе не думала бы, что я способна переступить через честь.

Приглушённо охнув, Сатоко начала было извиняться. Но россиянка жестом остановила её.

– Хаябуси-сэнсей следует Бусидо. В традиционном смысле. Он может нарушить закон, но никогда не пойдёт на низость. И не прикажет подобного своим самураям. А помимо того, никто в целом мире не заставит меня совершить поступок, который я считаю неприемлемым. Даже он.

В её сумрачном, твёрдом голосе проскользнула грустная нотка.

– Сатоко-сан, не надо просить прощения. Ты вольна подозревать меня в чём угодно. Собственно, есть причины. Мои руки в крови, и ты хорошо это знаешь. Не укорю тебя ни единым словом, если ты выставишь меня за дверь и разорвёшь со мной все отношения.

– Винить тебя... в милосердии? Ну уж нет. Но я... позволяю себе бояться. Прислушиваться к своему страху. Оправдываюсь, извиняюсь... а потом начинаю сначала. Ты очень снисходительна ко мне, раз всё терпишь, – она сокрушённо вздохнула. – Личная просьба, Орья-сан. Дай мне пару пощёчин. И впредь, когда я заикнусь о чём-то подобном, отвечай только так.

– Не смехи. Твоя настороженность естественна. Я нисколько не обижаюсь...

– Прошу тебя, – глаза Сатоко были серьёзны. Ольга пристально глянула в них – и умолкла. Встала и влепила ей два хлёстких удара по щекам.

Смахнув выступившие от боли слёзы, та спокойно кивнула:

– Спасибо. Как с тобой просто... Ты понимаешь.

– У нас в таких случаях встают перед строем, – хмыкнула россиянка.

– Ты так и не объяснила мне этот термин.

– Провинившийся сражается против нескольких бойцов – от троих до шестерых, в зависимости от уровня. Теоретически он должен продержаться десять минут. На практике его избивают, пока учитель не остановит схватку.

– Жестоко...

– Это хороший тренинг.

– Да... если потом получится уползти без посторонней помощи. А тебе случалось так... провиниться?

– Последний случай имел место неделю назад. Как видишь, я в порядке.

Сатоко потрясённо воззрилась на подругу.

– За что?!

– Когда господин считает нужным меня проверить, он не ищет формальной причины. Просто рекомендует мне вызваться. И я вызываюсь.

– И от скольких тебе пришлось отбиваться?
– От пятерых. Секунд на тридцать меня хватило.
– Трех для тебя мало? – съязвила Сатоко, чувствуя откровенную злость на учителя.
– Мало, – согласилась Ольга. – Однажды я уже выстояла против трех – хоть и не самых старших. Теперь условия жёстче.
– Выстояла?
– Бой перед строем выиграть невозможно, однако десять минут спустя я ещё держалась на ногах и активно сопротивлялась. К слову, тогда мне досталось намного круче, чем в минувшее воскресенье. Когда силы сопоставимы, на пощаду рассчитывать не приходится. Милосердие выйдет боком самим атакующим.
– Поужинаем в кафе или закажем что-нибудь на дом? – сменила тему Сатоко. – После твоих химических опытов кухню придётся проветривать до ночи.
– Решай сама. Но тихий вечер дома мне кажется более привлекательным.
– Мне, если честно, тоже, – она осторожно потрогала щеку. – Наведёшь здесь порядок? Я, пожалуй, схожу умоюсь. Надо признать, рука у тебя тяжёлая.
Ольга потупилась.
– Не волнуйся, следов не останется.
– Не надо меня жалеть, – неожиданно улыбнулась Сатоко. – Я благодарна тебе. Иначе... слишком стыдно.

С бесстрастным лицом, подчёркнуто невозмутимый, Нисимура стоял возле дождё Хаябуси-сэнсея и ждал. Обычно он мало заботился о своей внешности, но сегодня его костюм был чист и отглажен, волосы аккуратно причёсаны. И только очень внимательный наблюдатель заметил бы грусть в его взгляде.

– Похоже, у вас не слишком боевое настроение, Норио-сан, – негромко промолвила Ольга, подойдя к нему.

– Какое есть, – последовал ровный ответ. – Не волнуйтесь, Серинова-сан, я готов к схватке.

Она промолчала. Однако Нисимура уловил сомнение в её молчании.

– Господин оказал мне честь, – сказал он. – Я признателен ему. Сделаю всё, чтобы оправдать его ожидания.

– Только имейте в виду, что ваша смерть в них никак не входит.

– Иори никогда не выигрывал у меня. Надеюсь, я одолею его и теперь. Но мы в неравных условиях, а моё преимущество не так уж и велико. Если он всерьёз вознамерится меня убить, мне будет трудно защититься. Ведь я не должен вредить ему.

– Вы обещали не убивать его, – сухо поправила Ольга. – Но переломать ему руки и ноги имеете полное право. Не забывайте, Норио-сан, вам предстоит отстоять свою жизнь. Забудьте о жалости. Чему вы научите Иори, покорно подставив шею? Кому вообще нужен такой поединок?

Нисимура, казалось, слегка оживился.

– Ваши слова надо обдумать...

К приоткрытым воротам подъехала серая «Хонда».

– Садитесь, – бросил Кацумото, мельком глянув в их сторону. – Нам пора.

Сидя с прямой как доска спиной, Иори глядел вперёд. Тамура гнал «хонду» на предельной для горной дороги скорости, и серый асфальт с ярко-жёлтой полоской разметки извивался безумными петлями, словно разъярённая змея. На заднем сиденье расположился Хаябуси-сэнсей. Все молчали.

Иори до сих пор не знал, кто его противник. Но тревога ушла. Сомнения, отчаяние, обида, гнев, яростная решимость умереть или победить – всё осталось в прошлом. Он и сам не

объяснил бы, откуда взялось его непостижимое, пугающее хладнокровие. Это было странное чувство. Незнакомое.

Возможно, ему удастся. Возможно, нет. Но он сразится за своё будущее. Отдаст всё, на что способен. Остальное во власти Неба. Он примет любой исход.

Из-за поворота вынырнул выпуклый бок знакомой белёсой скалы. Притормозив, Тамура свернул на просёлок, потом на дамбу. Мимо проплыл неправильный треугольник поля, дальний край которого упирался в опушку леса, покрывавшего крутой склон.

Остановив машину, Тамура выскочил первым и почтительно придержал дверь перед учителем. Иори вышел следом. Так и не обменявшись ни словом, все трое двинулись вверх по склону, по неприметной тропинке сквозь мокрые заросли.

На затерянной в чаще поляне, давно приспособленной самураями Генкай-рю для серьёзных схваток, их уже ждали. Ольга и Кацумото, одетые в церемониальные хакама и хаори, заканчивали очищать её от упавших веток и другого лесного мусора. На огромном плоском камне, служившем столом, стояла видекамера; рядом лежали медицинские принадлежности. Нисимура бездельничал, скинув обувь и удобно устроившись под сосной на куске полиэтилена. Из кустов доносились слабые шорохи: Тэруока выбирал посты наблюдения для себя и Тамуры. Их обязанностью было оградить место боя от посторонних. Вероятность того, что сюда занесёт какого-нибудь прохожего, сводилась почти к нулю, однако никто не считал осторожность лишней.

– Все сделано, господин, – доложил Кацумото с официальным поклоном.

– Хорошо. Десять минут на отдых – и начинаем.

Кацумото кивнул и ушёл к водопаду мыть руки.

Иори смотрел на Нисимуру. Вот, значит, с кем ему предстоит биться. Действительно, он не самый сильный боец. Но опытный. А ещё... он единственный человек во всей школе, разделявший его увлечение музыкой.

«Неважно, – подумал юноша с холодным, горьким спокойствием. – Простите, Нисимура-сан».

Тот поднял на него такие же спокойные глаза.

– Деритесь как следует, Иори-сан.

– Убейте меня, если сможете.

Нисимура еле заметно хмыкнул. Встал и направился на поляну. Иори не торопясь снял ветровку; разулся, оправил одежду. И лишь потом занял своё место. Он держался уверенно и с достоинством.

По сторонам застыли свидетели – Ольга и Хаябуси-сэнсей. Кацумото на этот раз отвечал за съёмку. Когда он включил камеру, учитель заговорил, начиная традиционный ритуал.

– Условия поединка: схватка без оружия, без ограничений, до чистой победы или до смерти. Вы готовы?

– *Хай*, – подтвердил Нисимура, кланяясь противнику.

– *Хай*, – эхом откликнулся Иори, зеркально повторяя его поклон.

– *Хадзиме!*

Обычно юноша не задумываясь кидался в драку. Но сегодня он медлил, оценивая оппонента; тот тоже не спешил нападать. Не двигаясь, они изучали друг друга.

Нисимура остро ощущал собственное напряжение. Куда девался порывистый мальчик? Перед ним стоял предельно собранный воин. Ни следа страха или смятения. Ни малейшей слабину. Иори дышал ровно; его взгляд был невозмутим и непроницаем.

«Мне не выиграть», – с пронзительной ясностью осознал Нисимура. У него на долю секунды сбилось дыхание. Почувствовав уязвимость противника, юноша мгновенно атаковал.

Самурай легко отразил нападение, однако следующее движение противника оказалось совсем не таким, какого он ожидал. Ему пришлось кувыркнуться назад, уходя от причудли-

вой комбинации двух бросков, казалось бы, не вязавшихся между собой. В полёте он успел зацепить Иори ногой по касательной. Тот принял удар и воспользовался его инерцией, уходя в стремительный разворот.

Новое его действие – нырок назад и захват – стало для Нисимуры столь же неожиданным, как и предыдущее. Он вырвался, тем не менее получив нешуточный пинок в грудь. Взамен ему удалось лишь расквасить юноше нос. А тот уже обрушил на него серию мощных ударов по жизненно важным точкам, закончив её внезапным разрывом дистанции.

Иори вдохновенно и безжалостно компоновал техники, не давая противнику снисхождения. Нисимура с трудом применялся к причудливым импровизациям, похожим на какую-то безумную фантазию. Но навязать свою манеру боя ему не удавалось. Фантазия выходила на редкость эффективной. Тем не менее самурая пока ещё вырочала его многолетняя практика.

Долгое время никто из бойцов не мог добиться решающего перевеса. Оба получили множество мелких травм, оба были в крови, а схватка становилась только ожесточённой. И всё-таки Иори медленно, но верно развивал своё преимущество.

Нисимура чуть изменил стойку, приоткрывшись, провоцируя противника на необдуманную атаку. Иори действительно атаковал. Но... опять совершенно неожиданным образом. Обманув самурая намёком на бросок слева, он с резким боевым выкриком прыгнул прямо через него. Зацеп, опрокидывание, встречный удар коленом. Излишне далеко отведённый локоть дорого обошёлся Нисимуре. Характерный влажный хруст разнесся по всей поляне. Его плечо залило тёмно-алым; обломки кости высунулись из открытой раны, разорвав рукав футболки. В глазах юноши не отразилось ни малейшего колебания; он хладнокровно швырнул противника всем весом на здоровую левую руку, подхватил под челюсть, запрокидывая ему голову, – и замахнулся для последнего, добивающего удара.

Нисимура в горячке схватки почти не чувствовал боли. На него нахлынула отрешённость, странно замедлив происходящее. Он не собирался просить пощады. Лишь кинул короткий взгляд на небо, мимо летящей в лицо ладони, молча прощаясь с жизнью.

Этот взгляд подействовал на Иори, как ведро ледяной воды. Внезапно задохнувшись, он остановил смертельное движение. Его пальцы повисли вплотную к переносице самурая.

– Простите меня, – прошептал юноша, не смея пошевелиться, чтобы не повредить ему ещё больше.

– Спасибо за поединок, Иори-сан, – после долгой паузы выговорил Нисимура, начиная понимать, что всё-таки жив. – Это было... великолепно.

Кровь обильно текла из-под сломанной кости, пропитывая одежду. Жестокое пламя разгоралось в правом плече, в левом запястье, в животе, под коленом... «Теперь я не скоро вернусь к тренировкам», – безразлично отметил он. На эмоции уже не осталось сил. Сознание соскальзывало в серый туман, и только жгучая боль мешала раствориться там окончательно и забыться.

– Терпите, Нисимура-сан, – прозвучал над ухом смутно знакомый голос. Шесть рук подхватили его. Раненое плечо прошила молния. Зажмурившись, стиснув зубы, он сдерживал стоны, пока его бесконечно долго несли и укладывали на камень, застеленный стерильной простыней поверх одеяла и теплоизолирующей плёнки.

Кацумото уже рассекал ножом его окровавленную футболку.

– С лопаткой тоже проблемы. Две ампулы, Серинова-сан. Только шока тут не хватало.

Ольга сделала Нисимуре инъекцию.

– Сейчас станет полегче. Постарайтесь уснуть.

Она помогла Кацумото вытереть руки спиртом и надеть стерильные перчатки. Быстро проделала то же самое и ассистировала ему, пока он останавливал кровотечение, сшивал разорванные сосуды и совмещал обломки кости. Наконец, он закрыл рану и перевязал плечо,

зафиксировав металлической шиной. Потом наложил компрессы на повреждённые связки запястья и колена.

– Всё. Вечером отвезу его на рентген.

Нисимура не шелохнулся; он действительно уснул, едва подействовало обезболивающее.

– Надеюсь, у него нет сотрясения мозга, – задумчиво протянула девушка, накрывая его одеялом.

– Он не особо вынослив, – отозвался Кацумото. – Ладно. Пусть пока полежит.

Тем временем Хаябуси-сэнсей обрабатывал травмы сына. Тому досталось куда меньше, чем Нисимуре, однако тоже изрядно. Нос был разбит, левое ухо разорвано, на теле – множество ушибов и ссадин. Иори сидел с бесстрастным лицом. По крайней мере, физические страдания отвлекали его. Позволяли не думать.

Победа не доставляла радости. Из-за какой-то музыки он едва не убил человека. Даже усталость не могла заглушить его ужас и отвращение к собственному поведению. Ещё доля секунды – и он совершил бы непоправимое... А теперь... если отец сдержит своё обещание... для него начнется другая жизнь. Незнакомая. Одинокая. Сломав стену, которую всегда считал непреодолимой, юноша оказался совсем не готов к зиявшей за ней пустоте.

– Больно? – спросил Хаябуси.

– К сожалению, недостаточно, – вздохнул Иори. И подскочил на месте, с трудом подавив крик. Казалось, его пронзило раскалённое остриё. Алый шар взорвался в мозгу и рассыпался острыми искрами.

Сэнсей опустил ладонь.

– Легче?

– Нет. – Иори приготовился к продолжению. Однако Хаябуси лишь кивнул.

– Боль не поможет тебе примириться с собой. Держись. Через это просто нужно пройти.

Вечером поговорим, хорошо?

– Я могу идти сам.

– Не раньше, чем спустимся вниз, – отрезал Кацумото. И ушёл в угол поляны, где Ольга уже доставала ремни для носилок.

Нисимура хмыкнул. Покосился на недавнего противника, маячившего поблизости.

– Иори-сан, а почему ты меня пощадил? – поинтересовался он. – Ведь ты собирался...

Покраснев от стыда, юноша низко опустил голову.

– Я... не думал, что способен на такое. Мне нет оправдания, Нисимура-сан.

– Тебя абсолютно не в чем винить. В схватке насмерть победитель вправе убить проигравшего. А ты не воспользовался своим правом, – он улыбнулся тепло и грустно. – Благодарю, Иори-сан. Я был готов умереть, но... спасибо. Знаю, как тяжело остановиться в такой момент.

– Вам тоже... случилось?

– Конечно.

– И если бы вы выиграли...

– Я не мог выиграть, – мягко сказал Нисимура. – Ни единого шанса. Собственно, всё было ясно ещё до первой атаки. Ты вырос, Иори-сан.

– Вы скоро поправитесь?

Самурай пошевелил пальцами перебитой руки, прибинтованной к телу.

– Надеюсь.

Не найдя подходящих слов, юноша поклонился. Нисимура с усилием поднялся с камня и осторожно изобразил намёк на ответный поклон.

– Пора трогаться, – прервал их беседу голос Хаябуси.

– Паланкин подан, – вполголоса добавил Тамура. Они с Тэруокой уже впряглись в носилочные ремни, и сейчас между ними болталось нечто вроде плетёного кресла, застеленного

одеялом. Нисимура медленно сел. Стараясь двигаться в ногу и без толчков, два воина понесли его по тропе следом за остальными.

Закрывшись в своей комнате, Иори рухнул на стул перед выключенным компьютером и уставился в тёмный экран. Привычная обстановка не защищала от противоречивых мыслей и чувств. Отчаявшись в них разобраться, юноша расслабился и попробовал отстраниться.

Музыка. Где-то на краю разума звучала гордая, торжественная симфония Бетховена. Она жила в нём с того момента, когда он решил себя отстаивать. Это её он исполнял сегодня на поединке, переложив гармонию нот в узор смертельно опасных движений, с искусством и страстью, с какими играл на саксофоне. И впервые в жизни ощутил страшное вдохновение боя.

Странно. Сколько лет он дрался – без колебаний, яростно, даже увлечённо, но не испытывал ничего похожего. Их схватка напоминала полёт над бездной. Боль, травмы, угроза гибели не имели никакого значения перед её красотой и беспредельной свободой.

«Благодарю вас, Нисимура-сан», – подумал юноша, почти неосознанно потянувшись за потёртым футляром, стоявшим поблизости. Достал саксофон, присоединил мундштук. Закрыв глаза и поднёс его к губам, пытаясь музыкой объяснить то, для чего не существовало понятий.

Невозможно исполнить симфонию на одном-единственном инструменте. Но пальцы юноши легко скользили по клапанам, переплавляя живое дыхание в невероятный вихрь чистых и грозных звуков. Мелодии лились, сплетались, спорили друг с другом, взмывали в звонкую высь и опускались вниз, к мощным басам, словно ручьи, сбегавшие с гор в долины. . .

Иори играл, забыв обо всём, не замечая времени. С Бетховена он перешёл к собственным импровизациям, выплёскивая в них смятение и восторг, скорбь и триумф, и ослепительную уверенность в будущем. Сомнения рассыпались с шуршащим звоном, словно осколки стекла. Перед ним лежал Путь, открытый и зовущий.

Опустив саксофон, юноша вдруг заметил щёлку между фусума. За порогом стоял отец. Он... улыбался.

– Знаешь, ты превзошёл самого себя, – в его голосе звучало искреннее восхищение. – Можно войти?

Смутившись, Иори отложил инструмент.

– Конечно.

Сбросив на пороге домашние тапочки, Хаябуси ступил на татами. Аккуратно задвинул дверь и уселся на пол посреди комнаты.

– Поздравляю с победой. Ты прекрасно сражался. Впрочем, слышанное мной сейчас было ещё прекрасней. У тебя действительно есть шансы стать музыкантом, не имеющим себе равных.

Иори не верил своим ушам. Отец... с уважением отозвался о его способностях? Скрывая неловкость, он опустился перед ним на колени.

– Разумеется, если ты понимаешь, что выиграл только первую схватку. Далеко не самую трудную.

Глядя, как напряжённо вскинулся его сын, сэнсей спокойно продолжил:

– Здесь ты знал правила игры – и не сомневался в их честности. Там все будет иначе. Тебе предстоит сдать экзамены, к которым ты не готовился. Превзойти выпускников всяческих элитных школ, которых зачислят почти автоматически. А сделав это, ты окажешься среди них случайным выскочкой из деревни, грубоватым, не искушённым в столичной жизни. Над тобой будут смеяться, может, даже издеваться, и твой несомненный талант лишь распалит их зависть. Тебе придётся выстоять. – Хаябуси помолчал. – Думаю, ты сумеешь, но твоё одиночество меньше не станет. У тебя и твоих токийских ровесников слишком разные интересы. И у них не было случая выяснить, какого цвета глаза у смерти.

– Ты пытаешься напугать меня? – слабо усмехнулся юноша.

– Предостеречь. Запомни: не верь никому, не надейся ни на кого и не ищи ничьей дружбы. Рассчитывай на себя. Кстати, береги свой саксофон. Мацуда-сэнсей не говорил тебе о его реальной стоимости?

– Нет...

– Под миллион иен. Серинова-сан сделала тебе более чем роскошный подарок. Далее: мечи оставь дома. Поступишь – привезёшь себе пару боксёров для тренировки. Поменьше рассказывай о себе и постарайся не ввязываться в истории.

– Я... не подставляю школу, отец.

– Себя тоже не подставляй. – Хаябуси вынул новенький, пахнувший кожей бумажник и протянул ему. – Здесь билеты до Токио, кредитка, немного мелочи и визитки. Бери. Документы и вещи соберёшь сам.

– До сих пор не верится, что ты меня отпускаешь, – признался Иори.

Сумрачная усмешка.

– А ты решил, что я предпочту сломать тебе жизнь?

Юноша воззрился на отца с бесконечным изумлением:

– Значит... ты не против моей учёбы?!

– Она тебе необходима. Ты прирождённый музыкант.

– Тогда... зачем ты заставил меня... сойтись с Нисимурой-саном? Я покалечил его...

– Причём с лёгкостью, – едко поддел Хаябуси. – Ну, сам ответишь на свой вопрос или объяснить?

Иори потёр виски, пытаясь привести мысли в порядок.

– Объясни, – сдался он.

– Это был единственный способ отучить тебя проигрывать. Я давно заметил: когда ты встаёшь перед строем или имеешь дело с кем-нибудь незнакомым, то дерёшься намного искусней, чем в рядовом тренировочном поединке. На мой взгляд, ты способен биться на равных почти с любым из младших учеников. Но почему-то смирился с местом слабейшего. Я рад, что ты сам бросил мне вызов – и победил достойно. Надеюсь, на этом с твоим комплексом неполноценности покончено.

Легко поднявшись, сэнсей прошёл к столу и перевернул лежавший там лист бумаги. Вгляделся в свободные, точные линии начертанной на нём каллиграфии. Два иероглифа. *Сэйси*. Жизнь и смерть.

– Хорошая работа. Хотя тебе не мешало бы взвешенней относиться к ним, – заметил он. – По большому счёту, человек должен следовать зову сердца. Непростительно ради денег или карьеры тратить время на то, что тебе абсолютно не нужно. Но для начала надо убедиться в правильности выбора. Ты не колеблясь оплатил свою мечту кровью... следовательно, она того стоит. Старайся и в будущем не опускать планку. Не разменяй Путь на мелочи.

– Да, отец. Но... как же Нисимура-сан?

– Насколько я помню, ты сам пожелал сражаться без ограничений.

Понурившись, Иори рассматривал пол.

– Я... не понимал, о чем прошу. Не думал, что получится...

– Ты хотел умереть в случае поражения, – усмехнулся сэнсей. – В бою, от чужой руки, чтобы спасти Серинову-сан от моего самодурства... Вот только Нисимура-сан не убил бы тебя.

– Ты запретил ему?

– Нет. Он и так был готов уберечь твою голову даже ценой своей. Неужели ты всерьёз ожидал чего-то иного?

– Значит, он просто поддался?

– Не смейся. Зачем бы ему отдавать себя на расправу? Он защищался отчаянно, жёстко, со всем опытом и умением, но всё равно не устоял. А его намерения не имели значения – ты ни разу не дал ему провести по-настоящему опасную комбинацию.

Иори залился краской.

– Отец, ведь я в самом деле мог...

– Мог.

– А если бы я... ударил?

Взгляд Хаябуси потемнел.

– Тебе пришлось бы жить с этим, – сурово уронил он.

Повисшая в комнате тишина, казалось, скрывала в себе что-то огромное, холодное, жуткое. Поединок. Высшее испытание сил, искусства и воли, беспредельная красота противостояния, сверкающая вершина, манящая война... и чёрная бездна под ней. Боль, кровь, обломки костей, торчащие из открытой раны. Ужасная простота, с которой мыслящий, чувствующий человек навсегда становится мёртвой гниющей куклой. Почему одно неотделимо от другого? Как правильней: отказаться от первого, чтобы избегнуть второго, – или пытаться их разделить? Или... принять всё как есть?

– Скажи, Иори, выйдешь ли ты снова на подобную схватку? По доброй воле? – негромко спросил сэнсей.

Юноша взял со стола свою каллиграфию и долго рассматривал иероглифы.

– Я безумец. И впридачу мерзавец.

– Почему?

– Потому что мой ответ – да.

– Неудивительно, – Ольга сноровисто вдела в иголку новую нитку. – Твой саксофон звучит, как голос небес. Но ты – самурай. И ничего не поделаешь с этим.

– Странно. – Иори рассеянно разминал руку, сплошь покрытую кровоподтёками. – Именно тогда, когда я занялся музыкой... я стал получать подлинную радость от тренировок. А сегодня... мне очень стыдно перед Нисимурой-саном, но...

– Это было прекрасно, – закончила россиянка. – Как симфония.

– Героическая симфония, – выпалил юноша. – Бетховен.

– Вот как? Мне почему-то казалось, что здесь больше подошёл бы Скрябин.

– Скрябин?

– Да. «Поэма огня». Слышал?

Иори просвистел несколько тактов.

– Она самая. Между прочим, у неё есть ещё и цветовая партитура.

– Только не в тех нотах, которые я читал... Интересно, кто-нибудь исполнял всё целиком?

– Наверняка. Хотя я никогда не видела.

Он не ответил, о чем-то задумавшись. Ольга невозмутимо заканчивала шивать в широкий узорчатый пояс металлические полукольца. Её поделка скрывала в себе ножны для пары плоских ножей, кармашек для отравленных игл, длинный тонкий шнур и несколько других столь же любопытных приспособлений.

– Признаюсь, мне здорово не по себе, – вздохнул Иори, очнувшись от своих дум.

Девушка понимающе кивнула.

– Естественно. Там всё будет иначе, и надеяться не на кого. Придётся решать и отстаивать себя самому. А ты не умеешь. Ты привык повиноваться, оглядываться на других – и боишься обрётённой свободы. В сущности, правильно боишься. Но у тебя нет иного выхода.

– А вы... свободны, Орья-сан?

– Абсолютно.

Юноша безуспешно попытался соотнести это заявление с её положением в Генкай-рю. Она обязана во всем подчиняться господину, тот волен даже убить её, не объясняя причин...

Ольга рассмеялась.

– Для человека Пути счастье и долг – одно и то же. Ты уж поверь, мне не о чем сожалеть, ибо я сознательно это выбрала. Я всегда поступаю так, как считаю необходимым. Кстати, сэнсей и не требует от меня ничего такого, что я сама от себя не требую.

– Правда? Вы бы сделали сэппуку, если бы я... покончил с собой?

Сощурившись, россиянка глядела на собеседника.

– Боюсь, что да, Иори-сан. Именно я отстаивала твоё право на самостоятельность. Распорядись ты им столь безответственно... Впрочем, на тебя угроза подействовала, ведь так? – в её глазах сверкнуло веселье. – В мудрости твоего отца нельзя усомниться. У него большой опыт борьбы с самурайскими безумствами подчинённых.

– Да, признаю, я глупец, – насупился юноша. – Не надо мне повторять.

Улыбка Ольги посуровела.

– Если ты идёшь до конца, то должен драться за свою жизнь зубами и когтями. Непростительно погибнуть лишь потому, что тебе лень напрягаться, – она завязала узелок и оборвала нитку. – Судя по результатам, ты усвоил урок. Но на будущее учти: загонять себя в угол – не самая осмысленная стратегия. Иногда такое оправдано, но вообще-то разумнее обходиться без высоких трагедий. Куда эффективней просто приложить максимум усилий для достижения цели. Или ты неспособен пошевелиться без дубины над головой?

Иори прыснул.

– Шевелиться мне так и так придётся, – выдавил он сквозь смех. – Хотя я пока не представляю, где там тренироваться.

– Найдёшь. Не сомневайся, ты получишь всё, что тебе нужно. Однако сначала тебе предстоит сдать экзамены. Ты готов?

– Готов, – в голосе Иори звучала уверенность.

– Вот и прекрасно. – Ольга встряхнула пояс, встала и приложила к себе. – Ну, как? Мне идёт?

Двое мужчин в элегантных тёмно-серых костюмах расположились в гостиной Хаябуси-сэнсея. Чашки уже убрали; закурить хозяин не предложил, предпочтя сразу перейти к делу:

– Вы просили меня подобрать людей для неофициальной охраны Ферие-сана. Если не возражаете, можете познакомиться с ними сейчас.

– С удовольствием.

Протянув руку, учитель нажал кнопку на телефоне. Минуту спустя фусума раздвинулись, пропуская японца средних лет и высокую светловолосую иностранку. Войдя, они сдержанно поклонились.

– Кацумото Дайго-сан, – представил Хаябуси. – Серинова Орья-сан. А это досточтимые Томидзава Тадаси-сан и Кимура Иносукэ-сан.

Гости ответили на поклон с заметной растерянностью. Имя Кацумото им уже доводилось слышать, но женщина... Оба медлили, не торопясь доставать визитки.

– Что вас смущает? – сэнсей поднял бровь. – Для поставленной вами задачи Серинова-сан подходит как нельзя лучше. А парочку представительных мальчиков можно найти куда ближе, чем в Акэгаве.

– Конечно, мы доверяем вашим суждениям, – Томидзаву явно стесняли рамки традиционной вежливости. – Но всё-таки...

Он осёкся, наткнувшись на пронзительный взгляд серых глаз. Ольга не произнесла ни слова, но на её губах блеснула усмешка, мгновенная, как сполох на лезвии.

– Вы в курсе дела? – по-английски уточнил Томидзава.

– В общих чертах, – отозвалась она. И перешла на японский: – Полагаю, вам удобней общаться на родном языке.

– Вы считаете возможным...

– Однозначно. Я могу свободно объясняться с объектом. Мне нетрудно войти к нему в доверие, «случайно» повстречав его где-нибудь. Потом я стану сопровождать его совершенно естественным образом. Кроме того, меня трудно заподозрить в принадлежности к японским спецслужбам.

– Насколько полезно такое сопровождение? В случае нападения...

– Томидзава-сан, – прервал его Кацумото, успевший обменяться с учителем незаметными знаками. – Наверное, нам стоит развеять ваши сомнения. Во дворе вы оставили телохранителя. Мы могли бы устроить небольшой спарринг между ним и госпожой Сериновой. Тогда вы увидите, чего она стоит.

Кимура заинтересовался. Томидзава же обронил:

– У Оноды-сана весьма серьёзная подготовка.

– Тем лучше, – пожал плечами Кацумото.

– В таком случае, у меня возражений нет.

Все спустились в додзё. Томидзава вызвал Оноду. Как и остальные, он аккуратно снял у порога обувь; вежливо поприветствовал Хаябуси и с заметно большим почтением – Кацумото. Но предложение сразиться с Ольгой изумило и насторожило его.

– Как вы себе это представляете? – осторожно осведомился он.

– Думаю, следует провести два-три коротеньких раунда, – сказал сэнсей. – Один без оружия, второй с танто. Далее, если возникнет нужда, попробуете неравную схватку. Только постарайтесь не искалечить друг друга.

Телохранитель вздохнул. Скинул пиджак, отстегнул наплечную кобуру; потом достал деревянный нож. Положил всё это на край татами. Одновременно Ольга вынула из рукава свой тренировочный танто, пристроила рядом и выпрямилась. Её серый костюм полуспортивного кроя вполне подходил для боя. Пройдя к центру зала, оба поклонились присутствующим; обменялись сухими поклонами между собой.

– *Хадзиме!* – скомандовал Хаябуси.

После секунды напряжённой тишины Онода ринулся на девушку, решив побыстрее покончить с фарсом. Он не сомневался, что худо-бедно драться она умеет. Но против него ей не устоять...

Россиянка не стала разубеждать его, защитившись довольно коряво, в последний момент. Но едва тот рванулся дальше, чтобы развить успех, капкан захлопнулся. Поймав противника на небрежном движении, она подалась навстречу, чуть развернула бёдра – и опрокинула классическим приёмом из айкидо, не постеснявшись приложить головой об пол. На миг утратив ориентацию в пространстве, телохранитель пропустил и следующий удар – жестокий, точный пинок в солнечное сплетение. Вспышка боли перехватила дыхание, сложив тело вдвое. Времени разогнуться у него уже не было. Ольга бросила его лицом на подставленное колено и легонько стукнула ребром ладони по шее. И спокойно отступила назад.

Онода поднялся. Из носа у него текла кровь, но в остальном он не пострадал. Он с недоверием смотрел на девушку. Та молча ждала. Обманчиво расслабленная стойка. Ни одного лишнего жеста. Внимательный, ясный взор без тени тепла.

– Пожалуйста, возьмите танто, – произнёс учитель.

Теперь телохранитель стал осторожнее. Плавно кружа вокруг Ольги, он выжидал подходящий момент для атаки. Но россиянка снова спутала его планы, внезапно обрушив на него безумный вихрь выпадов, ударов и блоков. В скоростной рукопашной Онода держался недолго. Меньше чем через минуту он снова оказался на полу, а деревянный клинок россиянки уперся ему в кадык.

– Попытайтесь отыгаться? – дружелюбно обратился к нему Хаябуси.

– *Хай,* – хрипло ответил он, снова вставая. Ему давно не случалось терпеть столь сокрушительных поражений.

– Серинова-сан, уберите нож, – распорядился сэнсей. – Справитесь безоружной с вооружённым?

Она невозмутимо повиновалась. И показала присутствующим третий вариант тактики боя – с быстрыми уклонами, перемещениями, с короткими контратаками, вяжущими противника по рукам и ногам, не давая ему применить свой танто. На сей раз они долго кружили по залу. Телохранитель яростно нападал, стараясь всё-таки использовать преимущество в оружии. Дважды или трижды ему даже удалось зацепить её по касательной. Но потом Ольга ловко вкрутилась в очередной поворот, оплела предплечье Оноды ладонями и нырнула вниз. Падая, он приглушённо охнул от резкой боли, прострелившей локоть и запястье. Пальцы безвольно раскрылись, отпуская рукоять; в следующий момент его собственный нож чувствительно ткнулся ему под лопатку.

Не без усилия приняв вертикальное положение, Онода заставил себя поклониться. Девушка поклонилась в ответ:

– Спасибо за поединок.

– Благодарю вас, Онода-сан, – формальная фраза Хаябуси звучала как издевательство. Паршивей всего было от того, что этот позор увидел его учитель.

– Как вы убедились, боевая подготовка Сериновой-сан достаточна, – обратился сэнсей к Томидзаве. – Теперь предлагаю вернуться в гостиную и обсудить детали.

– С вашего позволения, мы присоединимся к вам немного позднее, – добавил Кацумото. – Госпожа должна привести себя в порядок. А мне нужно сказать пару слов вашему телохранителю.

– Онода-сан, вы помните хоть что-нибудь из того, чему я вас учил? – лишённый интонаций голос заставлял сжиматься от страха так же, как и семь лет назад. – Ваши ошибки непростительны. В первый раз вы отнеслись к противнику легкомысленно. Во второй осторожничали. В третий позволили себе разозлиться. Пожалуй, вам оставалось лишь испугаться и убежать.

Онода стоял перед Кацумото, не смея поднять глаз.

– Похоже, вы чересчур привыкли к безбедной жизни. Сколько времени вы уделяете тренировкам?

Телохранитель молчал.

– Я задал вам вопрос.

Солгать было невозможно.

– Два раза в неделю, сэнсей. Пожалуйста... извините моё небрежение.

– Вы всерьёз полагаете, что я такое извиню?

Неловко встав на колени, Онода уткнулся лбом в циновку. Его душили стыд и отчаяние.

– Серинова-сан вам однозначно не по зубам, – холодно продолжал Кацумото. – Она занимается каждый день – по десять, а то и пятнадцать часов в сутки. Причём на порядок жёстче, чем на преподаваемом вам курсе. Вы не могли победить её. Но достойно сразиться могли. А то, что вы показали, не соответствует ни духу, ни уровню моей школы. Я вынужден аннулировать ваш диплом.

Приговор ужаснул Оноду. Этим сэнсей навсегда лишит его и работы, и места в обществе. Ему придётся податься в уборщики...

– Простите меня, Кацумото-сама, – он невольно всхлипнул. – Как мне заслужить ваше прощение?

Однако он знал своего учителя. Пощады не будет. Совершенно уничтоженный, телохранитель медленно распрямился. По его лицу текли слёзы пополам с кровью из разбитого носа, но он уже не заботился о приличиях.

Кацумото чуть заметно поморщился.

– Идите умойтесь. Раковина вон там.

Двигаясь словно во сне, тот выполнил его указания. И, вернувшись забрать пиджак и оружие, услышал:

– У вас есть один шанс. В конце марта возьмите десятидневный отпуск и приезжайте в школу. Если вы выдержите экзамен, ваш диплом останется в целости. Иначе – не обессудьте.

– Благодарю...

Кацумото оборвал его жестом.

– Возвращайтесь к своим обязанностям.

Ототкнув калитку своим ключом, во двор уверенным шагом вошла молодая кареглазая иностранка. Жёсткие чёрные волосы пышной шапкой окружали лицо с округлыми скулами и пухлыми, чувственными губами. Её одежда была выдержана в стиле голливудских амазонок: кожаная жилетка на шнуровке, кожаные наручи вместо манжет, остроносые сапожки на низком каблуке. Поверх чёрных брюк бедра охватывал жемчужно-серый платок. Широкий узорчатый пояс украшала стальная цепочка со звёздами на концах. На плече девушки болтался маленький рюкзачок с приколотым к нему плюшевым мишкой.

Тэруока Кэндзиро, случившийся рядом, оторопело взирал на неё.

– Кто вы? – спросил он чуть резче, чем позволяла вежливость. Застарелая неприязнь к гайджинам, особенно женщинам, всё ещё давала о себе знать.

Она похлопала кукольными ресницами.

– Добрый вечер, Тэруока-сан.

Этот насмешливый голос ему был хорошо знаком. Даже слишком. Он помедлил, не зная, чему верить – глазам или ушам.

– Хотите, я вас поцелую? – рассмеялась девушка. – Тогда вы сразу меня узнаете.

Тот криво усмехнулся.

– Серинова... Идея поцеловаться с голодной коброй мне нравится больше.

– К сожалению, кобры у меня под рукой нет, – посетовала Ольга. И тут же весело подмигнула: – Как вам мой новый облик?

– Вы собрались сниматься в дешёвых журналах?

– Не совсем. Всего лишь немного поохотиться.

– На кого?

– Разумеется, на беззащитных мужчин. А потом, как всегда, буду над ними всячески издеваться.

– Чего ещё от вас ожидать? – самурай внимательно к ней присматривался. – Ну, волосы вы покрасили. Но лицо и цвет глаз...

– Контактные линзы – хорошая штука. Кроме того, я провела полдня в женском салоне. Мне нарастили ресницы, убрали морщинки, выделили губы... Впрочем, великолепие продержится не больше пары недель.

– Не думаю, что вашим жертвам станет от этого легче.

– Очень надеюсь. – Словесная пикировка была неотъемлемой частью любой их беседы, однако сейчас Ольга не имела желания изощряться в сарказме. Она вынула из рюкзачка маленький свёрток и протянула собеседнику: – Киёко-сан просила передать вам вашу визитницу. Вы забыли её у них дома.

Тэруока моргнул. Кажется, он и впрямь оставил её на столе, когда в последний раз заходил к Мититакэ. Неудивительно. В присутствии его дочери он мог потерять всё что угодно. Начиная с дара речи. Используя малейший повод, чтобы увидеть Киёко, он до сих пор не решился хотя бы поговорить с ней наедине.

Самурай принял свёрток. Визитница была обёрнута в миниатюрный платок-фуросики с вышитыми на нем ветвями сосны. Он внезапно поймал себя на страстной надежде найти внутри хотя бы коротенькую записку.

Ольга чуть заметно улыбнулась. Тэруоке явно не терпелось забиться в какой-нибудь угол и открыть пакет.

– Извините, но мне пора, – сказала она. Поклонилась и прошла в дом.

Хаябуси пристально оглядел Ольгу.

– Если б не ваши неподражаемые манеры, я бы вас не узнал, Серинова-сан, – усмехнулся он. – Итак, два небольших клинка в поясе, видимо, бамбуковых, явара за манжетой, под жилеткой нож. Цепочка с пояса легко срывается. Что ещё?

– Небольшая коллекция красивых камушков, – Ольга вынула красноватую морскую гальку с золотистыми прожилками. – Швейные иглы шокирующего действия. Верёвка и качественное снотворное. Пожалуй, всё.

– Набор довольно причудливый, – резюмировал сэнсей. – С камушками вас Кацумото-сан надоумил?

– Да, господин.

– Вы считаете, этого хватит?

– Должно хватить. Не думаю, что в моём положении разумно таскать с собой огнестрел. Иголки и цепочки ещё можно списать на причуды начитавшейся комиксов девочки, а пистолет не получится. Да и разрешения на ношение у меня нет и не может быть.

– Но стрелять вы умеете.

– Умею, – согласилась россиянка. – Я как-никак дочь офицера. В случае нужды воспользуюсь оружием противника.

Хаябуси взял со стола украшенные перламутром часы со стальным браслетом. Протянул девушке.

– Сюда встроены датчик слежения, тревожная кнопка, диктофон и экран связи. Нори-мори-сан объяснит, как с ними работать. Вот ещё пара «жучков» в комплекте.

Она надела их на руку; убрала «жучки» в кармашек на поясе.

– Документами и деньгами вас снабдит Томидзава-сан.

– Хай.

Нахмурившись, учитель пару минут мерил шагами комнату.

– Надеюсь, вы понимаете, что вам не простят поражения? – спросил он наконец.

Ольга спокойно кивнула.

– Я выполню ваш приказ, господин.

Часть 2

Стена магазина представляла собой огромный аквариум. На фоне разноцветных рыбок, мелькающих в зарослях водных растений, каким-то неуместным пятном смотрелся коренастый мужчина с кейсом в руке, застывший в раздумье. Внезапно его взгляд, рассеянно скользивший по текущему мимо людскому потоку, наткнулся на экстравагантно одетую черноволосую девушку, стоящую в двух шагах. Это была не японка. И не француженка, сразу решил он. Её серую блузку прикрывала лишь кожаная жилетка, тогда как ледяной ветер пронизывал даже сквозь длинный плащ. Но ей, похоже, холод не доставлял особого неудобства.

Девушка сверкнула весёлой улыбкой.

– Не подскажете, как добраться отсюда до Гиндзы? – осведомилась она по-английски.

– Вам нужно на Гиндзу? – уточнил он.

Незнакомка беспечно взмахнула рукой.

– В сущности, мне никуда не нужно. Могут ли быть ситуации лучше? – приподнявшись на цыпочки, она расправила плечи. Карие глаза озорно блеснули: – Идти туда, куда пожелается, ловить осколки мгновений и улыбаться случайностям... Красота, правда?

– Вы здесь совсем одна?

– Ну, конечно. Впрочем, в спутниках есть своя прелесть. Иногда они встречаются на пути... Мне почему-то кажется, что сегодня им будете вы.

– Я?

– Почему бы и нет? Вам, похоже, по душе моё общество. Хотите тоже сыграть в эту игру?

Мужчина почувствовал, будто его затягивает сверкающий водоворот.

– В игру?

– Мы вместе идем, куда взбрёт в голову. Что бы вы ни рассказали мне о себе, я приму за абсолютную истину, и вы должны точно так же относиться к моим словам. Мы будем разыгрывать роли. Вы будете... дайте подумать... инопланетным секретным агентом, прибывшим на Землю, чтобы лучше узнать её обитателей. А я буду вашим тайным телохранителем, представленном к вам Высшим советом земных магов и мудрецов, чтобы защитить вас от всех опасностей...

Он невольно рассмеялся.

– Как же вы сможете меня защитить?

В руке девушки откуда-то возникла короткая металлическая палочка. Лихо закрутив её между пальцев, она нажала на скрытую кнопку, и на руке мужчины появилась красная точка.

– Лазерная указка?

– Ни в коем случае. Амулет невероятной волшебной силы. Поражает врагов наповал.

– А если я откажусь от ваших услуг?

– Тогда вы погибнете. Тёмные силы Земли уничтожат вас. Ну, как мне вас называть?

– Жан Ферье. Но вы зовите меня просто Жаном.

– А я – Мария Калина. Или Мари.

– Это ваше настоящее имя?

– Тс-с-с, – она приложила палец к губам. – Оно такое же настоящее, как и ваше. Куда вы хотите пойти?

Ферье на мгновение замялся. Но делать пока всё равно нечего. Почему бы, в конце концов, не расслабиться?

– Ну, давайте пойдём на Гиндзу, – предложил он. – Тут вполне можно дойти пешком. Кстати, по слухам, там лучшие рестораны в Токио.

– Приехать в Японию и не попробовать рыбы фугу – значит, даром потратить время, – Ферье смаковал очередной кусочек, искоса поглядывая на собеседницу. Та безмятежно отправила в рот полупрозрачный ломтик. В её тоне скользнула нотка снисходительности:

– Мой дорогой Жан, возможно, вы удивитесь, но я не испытываю ни малейшего пиетета перед этой рыбой. Меня всегда забавляла человеческая страсть к дозированному риску. Хотя мастерство кулинара воистину впечатляет.

– Что же вы называете настоящим риском, Мари?

– Вот если бы вы лично приготовили фугу, имея смутное представление о правилах её разделки, и потом отведали то, что получится, это стало бы подлинной, качественной глупостью. А так... – она взяла ещё одну дольку сасими.

– Вы предлагаете мне отважиться на такое?

Стоявший поблизости повар молча сверкнул зубами в усмешке. Обязанный лично обслуживать клиентов и следить за их самочувствием, он не мог не слышать их разговоров.

Россиянка погрозила Ферье пальчиком.

– Играть со смертью ради развлечения – значит, не уважать жизнь и не понимать её ценности. Найдите себе достойное дело и умирайте ради него на здоровье... А для начала просто оглянитесь по сторонам. Наш мир прекрасен. Чудесен. Невероятен, – беспредельное восхищение в её голосе, казалось, придавало особую яркость всему окружающему. – Стоит познакомиться с ним поближе, вы не находите?

Француз заворожённо слушал, словно вновь превратился в жаждущего приключений подростка. На серые будни внезапно обрушился ослепительный радужный ливень. И они исчезли, отделились, сметённые потоком красок.

– Обязательно познакомлюсь. В вашем обще... – он осёкся на полуслове. По его телу прошла волна онемения. Дыхание замерло, из пальцев выпали палочки, лицо застыло в странной гримасе. В зрачках плеснулся невольный страх. Но мгновением позже к нему вернулась подвижность. Глубоко вздохнув, Ферье блаженно откинулся на спинку кресла, наслаждаясь ощущением лёгкости и эйфории.

– Ваше искусство... исключительно, – обратился он к повару. – Примите моё почтение.

Тот поклонился. Перевёл взгляд на девушку. Она спокойно доела свою порцию и тоже поблагодарила его. На неё фугу не произвела заметного действия, лишь обострив и так напряжённые чувства. Внешняя игривая беспечность была полной противоположностью внутренней собранности.

Вновь поклонившись, кулинар собрал тарелочки и ушёл.

– Говорят, в случае гибели посетителя он должен сделать харакири, – лениво заметил Ферье. – Впрочем, я в это не верю. Среди современных японцев не осталось ни одного самурая. Всё их Бусидо давно превратилось в торговый бренд...

Россиянка изогнула бровь.

– В известной степени вы, наверное, правы. Но будь оно и не так, вряд ли кто-либо вскрыет себе живот лишь затем, чтобы вас переубедить.

– Да я и не заставляю, – француз рассмеялся, прихлёбывая зелёный чай. – Мари, что вы планируете делать дальше?

– Сопровождать вас в странствиях. Я ваш телохранитель, вы не забыли? – она подмигнула. – Хотите, я покажу вам Японию? Вы скорее всего и не видели здесь ничего, кроме деловых центров...

Глубоко в душе Ферье звякнул тревожный звоночек. Зачем она так настойчиво ему навязывается? Но подозрение погасло, не успев оформиться. Такое искреннее веселье, такой восторг и сияющее дружелюбие подделать нельзя. Скорее всего, у неё просто нет денег, но он может себе позволить потратить лишнюю сотню тысяч иен...

Он и сам себе не признался бы, что соблазн послать к чёрту обыденную рутину оказался слишком велик. Вечные переговоры, финансовые и политические дрязги, крючкотворство, криминал, ежедневное свинство, привычное и даже не замечаемое... Лучше уж побыть инопланетянином. По крайней мере, это одушевлённое существо.

– Святая правда, – заявил он. – Если разобраться, я вообще ничего и нигде не видел. Поэтому ведите меня, куда пожелаете.

Карие глаза счастливо вспыхнули, пронзив его предчувствием чего-то совершенно необычайного.

– Великолепно. Значит, после ужина мы уезжаем в Никко. Знаете, какие там водопады?

– Объект подцепил девчонку.

– Французская кровь, – равнодушно ответила телефонная трубка. – И что?

– Вместо того, чтобы ехать в Осаку, как ожидалось, он отобедал с нею на Гиндзе и отправился в Никко. Следить за ними не представлялось возможным, но судя по сигналу с его мобильного, они находятся в рёкане на дальнем берегу озера Тюдзэндзи.

– Почему сорвалось визуальное наблюдение?

– Выбранный ими путь был чересчур... нетипичен. Они ходили по закоулкам, минуя туристические маршруты. Поднялись на ничем не примечательную скалу. Зачем-то пробежали бегом два километра. Перелезли через забор. Попытайся мы повторить их действия, они неизбежно заметили бы.

– Интересно. Девчонка – японка?

– Нет. Европейской внешности. Возраст – около двадцати лет.

– Гостиницу контролируют?

– Да. Двое. Это...

– Довольно.

Человек мгновенно умолк. После долгой паузы голос из трубки приговорил:

– День-два у нас ещё есть. Ждите, когда объект отделается от неё и двинется в Осаку. Потом действуйте. Надеюсь, вы его не упустите.

Рёкан зимой – весьма холодная гостиница. Здание полностью соответствовало древней японской традиции: стены из дерева и бумаги, ни намёка на отопление. Однако после купания в горячем источнике, на котором, собственно, и стоял рёкан, даже теплолюбивый француз размяк и перестал дрожать. Закутавшись в ватную курточку поверх тёплого домашнего юката, предлагаемого всем постояльцам, уютно сунув ноги под одеяло, окружавшее столик-котацу со встроенным электрообогревателем, он клевал носом над остатками ужина. Непривычная физическая нагрузка и яркие впечатления утомили его так, что сейчас ему хотелось лишь одного: рухнуть в постель и уснуть.

Вежливо кланяясь, горничная в изысканном тёмно-синем кимоно с красным оби, завязанном пышным бантом, унесла посуду, развернула футоны, пожелала спокойной ночи и скрылась за дверью. Расшитое шёлком длинное одеяние ничуть не мешало ей передвигаться по татами на коленях – и ещё что-то делать при этом. Сонный Ферье по-прежнему сидел возле котачу, incapable даже доползти до постели.

– Допивайте свой чай и ложитесь, – Ольга сунула ему чашку. Он машинально выпил; неловко выпутался из нагретого одеяла.

– Завидую вашей бодрости, – он зевнул. – Вы, кажется, совсем не устали... – зевнув ещё раз, он медленно переоделся, облачившись в тёплую пижаму, приготовленную горничной. Тяжело опустившись на мягкий футон, он потянулся и повалился набок. Через мгновение он уже спал. Усмехнувшись, девушка накрыла его простым одеялом, а сверху ещё электрическим. И погасила свет.

Однако сама она ложиться не торопилась. Скрестив ноги и выпрямив спину, она пятнадцать минут провела в неподвижности, анализируя ситуацию. Потом со стороны галереи-энгава послышался короткий звук, словно зверёк простучал коготками по твёрдому полу. Ольга вынула из рукава свою лазерную указку и начертила лучиком на сёдзи иероглиф «хаиру» – «входить». В зеркальном отображении, чтобы снаружи он читался правильно.

Стена сдвинулась. В комнату бесшумно скользнула тёмная фигура. Девушка молча поклонилась. Ответив сухим полупоклоном, Кацумото пристально оглядел спящего.

– Он не проснётся, – спокойно сказала Ольга. – Я порядком загоняла его, да ещё и накормила снотворным.

– Заметили?

– До Гиндзы было трое. В Никко мы оторвались, однако тут я уже видела одного.

– Двое, – поправил Кацумото. – Третий, скорее всего, засел где-нибудь по соседству.

Он не стал озвучивать очевидного: за ними следят с помощью электроники.

– Вот все его вещи. Я собиралась пересмотреть...

– Неэффективно. В темноте без аппаратуры только зря потратите время. К вам зайдёт спец. После его визита можете отдыхать. Спите хоть до семи. В дальнейшем вряд ли получится, – Кацумото бесстрастно улыбнулся. Кивнул собеседнице и ушёл тем же путём, каким появился.

«Да, сегодня мы в относительной безопасности», – подумала Ольга. Пока её считают случайной помехой. И подождут день или два в надежде, что она исчезнет сама. Им предпочтительней обойтись без лишних свидетелей – или трупов. Особенно с иностранным гражданством.

Из темноты возник Норимори. Обменявшись с девушкой безмолвным приветствием, он надел тонкие латексные перчатки; достал из кармана толстый прямоугольный прибор, похожий на компьютер-наладонник. Вытянув из его корпуса антенну, пробежался пальцами по миниатюрным кнопкам и стал неспешно водить им над одеждой француза.

– Чисто, – наконец заключил он. – Остаётся одно из двух...

Внимательно осмотрев кейс Ферье, он включил крошечный фонарик и под лупой осмотрел кодовый замок, аккуратно перебирая цифры. Это заняло у него около пяти минут. Постепенно выстроив комбинацию, он нажал кнопку. Крышка щёлкнула и открылась.

Внутри оказались смена белья, туалетные принадлежности, пачка евро наличными и какие-то документы. Тщательно обследовав содержимое кейса своим прибором, Норимори быстро пересмотрел бумаги, тут же сфотографировав их. Вернул всё на место и закрыл кейс, восстановив на замке исходный набор цифр.

– Тоже чисто. Следовательно, телефон.

Изучив аппарат, он сунул его в карман:

– Им придётся заняться при свете. К утру верну. Спокойной ночи, – и скрылся за сёдзи.

Оно Сигэру скептически разглядывал документы.

– Хаябуси-сан, я правильно вас понял? Вы не заканчивали никаких подготовительных курсов?

– Нет, Оно-сэнсей. Не заканчивал.

– Ну что ж, желаю удачи.

«Шансов у вас немного», – расшифровал Иори, привычный к японской манере выражаться. Однако его несколько не удручил прохладный приём. Он ожидал чего-то подобного.

– Благодарю вас, – улыбнулся юноша. Оно невольно поразился спокойной твёрдости его взгляда, удивительной для молодого человека, едва закончившего школу.

Впрочем, к делу это вряд ли относится. Надо продолжать прослушивание. В данном случае в нём нет особого смысла, но следует соблюсти приличия.

– Вы готовы, Хаябуси-сан?

Поклонившись, Иори поднял к губам саксофон. Сидевший в углу звукооператор щёлкнул тумблером, начиная запись. Оно уже отыскивал в списке фамилию следующего претендента. Этот явно непроходной...

Стремительный поток звуков, прорезавших тишину, застал врасплох и его, и остальных членов комиссии. Музыка обрушилась сверкающим вихрем, чистым, гармоничным, неожиданным многоголосым. Сначала Оно даже не понял, что именно исполняет юноша. Вернувшись к его заявке, он с изумлением прочёл: «Тема из симфонии Скрябина «Поэма огня». Классика. Сложнейшее, неоднозначное произведение. Ни намёка на обычные джазовые композиции.

Иори играл виртуозно, вдохновенно, легко, без единой фальшивой ноты. Казалось, под его пальцами и впрямь рождалась Вселенная, и слушатели забывали дышать перед лицом великого таинства. Невероятно. Такое нельзя сотворить на одном саксофоне...

Время, отведённое на прослушивание, пролетело как один миг. Когда мелодия смолкла, комиссия долго сидела, не шелохнувшись. Наконец, Оно-сэнсей с запинкой выдал положенную фразу:

– Спасибо, Хаябуси-сан. Вы свободны.

Снова с достоинством поклонившись, юноша вышел за дверь, бережно придерживая инструмент.

– Да... – выразил Оно общее мнение. – Курсы ему действительно ни к чему.

Проснувшись, Ферье с недоумением разглядывал брусья на потолке. Где он? Стены оклеены белой с тонким узором бумагой, сквозь приоткрытые сёдзи виден заснеженный склон величественной горы. В комнате было свежо, даже холодно, и он позволил себе чуть-чуть понежиться в тёплой постели.

Вчерашнее представлялось причудливым сновидением. Или он в самом деле вёл себя, как пятнадцатилетний мальчишка? Эта девушка...

– Доброе утро, Жан. Пора подниматься – скоро принесут завтрак.

Ольга сидела возле котацу и безмятежно потягивала чай, уже одетая в свои чёрные брюки и серую блузку с длинными кожаными манжетами. Чувствуя совершенно нехарактерное для француза смущение, он выбрался из-под одеяла и отправился в ванную, прихватив с собой одежду и кейс.

Россиянка усмехнулась уголком рта. Она так и не спросила Норимори, что там за документация. Впрочем, на данном этапе это неважно.

– Можно войти? – послышалось со стороны коридора.

– Да, конечно, – ответила Ольга. Фусума приоткрылась, и в комнату на коленях скользнула горничная. Ловко свернула постель и спрятала её в нишу.

– Вы будете завтракать здесь или в общем зале?

– Пожалуй, здесь.

– *Хай, касикомаримасита*, – последовал быстрый ответ. – Слушаюсь, – и она вышла.

– Кто там? – поинтересовался Ферье, усаживаясь на татами. Рассеянно потер свежесмытую щеку. Воздух наполнил аромат дорогого одеколona. Тонкий запах духов Ольги был куда менее заметен.

– Сейчас нас накормят, – девушка, улыбаясь, глядела в сад.

Действительно, вскоре им принесли завтрак: суп-мисосиру, жареные яйца, бобы натто, маринованные сливы, закуски из овощей. Француз с аппетитом накинулся на еду и уничтожил все до последней крошки. Ольга съела куда меньше. Полный желудок заметно мешает двигаться.

– Что это за вершина? – Ферье кивнул на щель в сёдзи. – Нантайсан?

– Она самая. Вы хотите подняться на неё?

– А насколько это трудно?

– Не очень. Тут есть дорога, по которой целые процессии ходят. А торопиться нам некуда, – девушка проказливо подмигнула. – Не вы ли вчера клялись, что увидите все достопримечательности Земли?

Он несколько растерянно хмыкнул.

– После того, как я вчера чуть не свалился в реку, рассматривая водопад Кэгон с необычного ракурса... похоже, следует и сегодня совершить нечто столь же дурацкое. В конце концов, с Альтаира я или нет?

Россиянка надела жилетку и забросила на плечо рюкзачок.

– Тогда одевайтесь. За номер я уже заплатила.

– Заплатили?

– Конечно. Вы же кормили меня вчера в ресторане. Неужто я стану странствовать за ваш счёт?

Ферье растерялся.

– Неужели я в самом деле такой занимательный спутник?

Ольга серебристо рассмеялась.

– А вы полагали, что люди интересуются только деньгами? Должно быть, невесело жить на вашей планете.

– Мы снова их потеряли! – Мацусита выругался. – Нет, он точно рехнулся. Лазить по обледеневшим горам в городском плаще и с кейсом может только клинический идиот. На пару с больной на голову девчонкой.

– Кончай болтать, Рэн. Где их сигнал?

– Вот, – убийца ткнул пальцем в экран навигатора. – И вот. Ты что-нибудь понимаешь?

– Эхо, наверное. Я слышал, в горах бывает, – Накагава вытащил свой аппарат. На схематической карте местности тоже светились две жёлтых бусинки.

– Но какой сигнал настоящий?

Накагава скривился.

– Придётся разделиться. Ты проследи за той, – он указал на дальнюю точку, – а я гляну здесь. Найдёшь их – звякнешь, – и он зашагал вверх по склону.

Сплюнув, Мацусита повернул налево. Чёрт бы побрал этого Фериз с его выкрутасами! Скорее бы грохнуть придурка и получить свои баксы. А тут...

Крутая, неровная тропинка едва угадывалась в густом кустарнике. Пробираясь сквозь заросли, убийца постоянно спотыкался, оскальзываясь на камнях, цепляясь за побеги и корни. Его куртка промокла от пота. Остановившись перевести дыхание, он снова глянул на экран. Жёлтая точка пульсировала совсем рядом.

В этом месте тропа вела по гребню отвесной скальной стены, заросшей мхом и лишайниками. Далеко внизу виднелась дорога. Убийца сунул навигатор в карман и пошёл медленнее, придерживаясь за стволы и сучья деревьев. Сверзиться с такой высоты – костей не соберёшь...

Внезапно что-то подсекло его ногу. Потеряв равновесие, он ухватился за ветку растущей поблизости криптомерии, но она хрустнула, оставив в ладони пучок тёмно-зелёной хвои. Убийца не успел даже вскрикнуть. Короткий полёт, удар по затылку – и все померкло.

Однако вскоре сознание возвратилось к нему, хотя в голове стучали кувалды. С усилием сфокусировав взгляд, он увидел прямо перед собой бурую замшелую стену. Горло сдавливала непонятная тяжесть. Он попробовал пошевелиться. Не удалось. Дёрнулся ещё раз...

– Бессмысленно, – раздался голос из-за спины.

Мацусита оцепенел. Он понял, что связан. И стоит на коленях в углу какой-то пещерки, прикрученный к толстым корням, пронизавшим её насквозь. Неровный пол под ним покрыт слоем острых осколков камня, больно впившихся в тело.

– Кто ты? – прохрипел он, выворачивая шею в тщетной попытке разглядеть говорившего. – Что тебе нужно?

– Выяснить, на кого вы работаете.

– Я... не понимаю. Я обычный турист...

– Мне под силу отличить киллера от туриста, – равнодушно оборвал голос. – Будьте любезны обойтись без вранья и увёрток.

Стараясь бешенством заглушить нарастающий страх, убийца отчаянно рванулся:

– Отпусти меня, сволочь! Ублюдок, грязная тварь, ты... – ругательства звучали придушенно из-за стянувшей горло петли. Исчерпав запас бранных слов, он устало обмяк. – Ты... заплатишь за это.

– Вы не оригинальны, – хладнокровная вежливость пугала больше любых угроз. – Кто является вашей мишенью?

– Сейчас скажу, как же, – огрызнулся Мацусита. – Действуй на психику кому-нибудь другому...

– К несчастью для вас, я не особо разбираюсь в психологии. Зато разбираюсь в средневековых пытках. Упрямитесь не советую.

Убийца молчал.

– Ну что ж, дело ваше.

Говоривший подошёл вплотную и наступил ему на икру. Колено и голень Мацуситы обожгло нестерпимой болью. Грани камней, рассыпанных по полу, разрывали плоть. Сначала он лишь скрежетал зубами, но каждый миг добавлял ему страданий, и он, не выдержав, заскулил. Огонь охватил и вторую ногу, разрастаясь, вгрызаясь в самые кости. Из глаз брызнули слёзы; только верёвка на шее мешала ему закричать в полный голос.

Неожиданно боль ослабла.

– Кто является вашей мишенью? – повторил его мучитель.

– Француз... Жан Ферие...

– Прекрасно. Ваше имя?

– Мацусита... Мацусита Рэн...

– Кто ваш босс?

Дрожа в ожидании продолжения, Мацусита тем не менее медлил.

– Почему бы тебе... попросту не убить меня? – выдавил он.

– Всему своё время. Отвечайте на вопрос.

– Накагава Осаму, – назвал он первое пришедшее на ум имя. Если бы тот не послал его сюда в одиночку...

– Нехорошо подставлять своего приятеля, – раскалённые лезвия снова вонзились в ноги. Задыхаясь, хрипя, с пеной у рта Мацусита стонал, бился и извивался, пытаясь хотя бы чуть-чуть облегчить муки. Но боль лишь усиливалась; и вдруг жестокий пинок под колено, казалось, взорвал сустав изнутри. Неведомый садист спокойно подождал, пока не стихнет сдавленный вопль. И опять отступил в сторону:

– Мне нужен правдивый ответ.

– Я... не могу, – всхлипнул убийца. – Я... не знаю его имени...

– И как же вы к нему обращаетесь?

– Саннинмэ-сан... – он сжался, услышав за спиной ледяной смешок.

– Третий? Ну-ну. Ладно. Сколько людей в деле?

– Наша группа – три человека... Но есть и другие... не знаю, сколько...

Бесстрастный голос задал ему ещё ряд вопросов. Мацусита покорно выкладывал всё, полностью сдавшись, не осмеливаясь даже приподняться на верёвках, чтобы камни не так сильно впивались в раны. Он боялся даже подумать, что его ждёт, когда...

– Итак, благодарю за информацию, Мацусита-сан. Больше вы мне не нужны. Вы, кажется, просили смерти?

Убийца побелел от ужаса.

– Нет, – вырвалось у него. – Пожалуйста...

– Вот как? – хмыкнул его собеседник. – Вам не нравится в шкуре жертвы? Назовите хоть одну причину, по которой мне следует оставить вам жизнь.

Мысли убийцы лихорадочно заметались. Деньги предлагать бесполезно, молить о милости – тоже... Говорить о законах? Угрожать мстью босса? Смешно...

– Таких причин нет, – обречённо прошептал он.

Железные руки в чёрных перчатках освободили его от верёвок и рывком подняли. Мацусита охнул: истерзанные ноги прошла жгучая судорога. Но, повинувшись направлявшей его силе, он повернулся и сделал несколько шагов.

По привыкшим к полумраку глазам ударил яркий свет. Пещерка, где они находились, пряталась где-то в толще скальной стены. Выход из неё был краем пропасти. Внизу, подёрнутый голубоватой дымкой, змеился серый асфальт. Убийца зачарованно смотрел на него.

– В общем, так, – услышал он приговор. – Сейчас я позволю вам выжить. Отделаетесь увечьями. Но при повторной встрече я однозначно вас ликвидирую. Впрочем, если ваш начальник заподозрит, что вы пострадали не от несчастного случая, мне не понадобится тратить время.

Мацусита знал: это правда. Саннинмэ безжалостен к неудачникам, особенно чересчур болтливым...

– Кто вы? – спросил он, оттягивая неизбежное.

– Считайте меня местным тэнгу. Сайонара, Мацусита-сан, – флегматично заключил Кацумото.

И коротким сильным толчком сбросил пленника с уступа. Проследил за его полётом. Тот падал вплотную к скале, периодически обламывая кусты, росшие в трещинах, и, наконец, тяжело свалился на обочину дороги. Ветер донёс душераздирающий крик. Убийца приподнялся, но вновь повалился в пыль. Обе его ноги торчали в разные стороны под неестественными углами.

Безразлично отвернувшись, Кацумото вытащил спутниковый телефон, ещё вчера принадлежавший Ферье. Набрал номер.

– Выключай обманку, – сказал он Норимори. – Всё.

И небрежным движением кинул аппарат в пропасть.

Смущённо опустив взгляд, маленькая полная женщина проводила гостя в крохотную гостиную.

– Добрый день, Нисимура-сан, – сказал Хаябуси.

– *Коннити ва*, господин, – самурай низко поклонился, неловко прижав к груди висящую на перевязи правую руку.

– Как ваше здоровье?

– Благодарю вас, всё хорошо. Прошу вас, садитесь...

Сэнсей опустился в кресло.

– Садитесь и вы, – он добродушно кивнул на диван напротив. – Нисимура-сан, я пришёл вовсе не затем, чтобы вас распекать.

Это заявление произвело прямо противоположное действие. Понурившись, самурай сел на самый краешек, словно нашкодивший школьник в кабинете директора.

– Спасибо, вы очень добры, – учитель улыбнулся его супруге, неуверенно застывшей в дверях с подносом. – Вам не нужно было так из-за меня беспокоиться.

Залившись румянцем, она поставила поднос на низкий стеклянный столик.

– Пожалуйста, Хаябуси-сама... – и вышла, ласково подхватив на руки вбежавшую в комнату девочку лет семи.

– Она подросла с тех пор, как я её видел в последний раз, – заметил сэнсей, поднимая чашку. – Прекрасный ребёнок.

Нисимура, обожавший дочь, чуть расслабился. Взял свой чай; осторожно отпил. Тем не менее от его обычной жизнерадостности не было и следа.

Хаябуси вздохнул.

– Что вас гнетёт, Нисимура-сан?

Повисла долгая пауза.

– Мне кажется... вы недовольны мной, господин, – тихо вымолвил самурай. – В чём моя вина и как мне искупить её?

Сэнсей не ответил, и он с запинкой продолжил:

– Я виновен в том, что проиграл? Или... раньше? Почему для этого поединка вы выбрали именно меня? Нет, я ни в коей мере не желал уклониться... но... – он осёкся, испугавшись собственной откровенности.

– Да, я обрёк вас на жестокое поражение, – закончил за него Хаябуси. – Впрочем, столь радикального не ожидал. Вы действительно оказались на волос от смерти. Похоже, я чересчур на вас понадеялся.

Его брови сошлись к переносице.

– Я бы дал вам спокойно выздороветь, но раз просите, получайте. Вы дрались отважно, технично... и заурядно. Скучно. Без искры. Лишь угроза жизни заставила вас напрячься. Нисимура-сан, вам интересны наши занятия? Или вы тренируетесь просто по привычке? Ваш грех не в том, что вы слабы или небрежительны, – а в том, что вас устраивает место на заднем плане. Вы выполняете мои требования – но не больше. Я не вижу желаний идти вперёд. А коли так, зачем вам всё это вообще?

Самурай помертвел.

– Господин, я приму любое наказание, – еле слышно прошептал он. – Только не прогоняйте...

Хаябуси поморщился.

– Меня вполне устроит, если вы поразмыслите над моими словами. Поймите, я не высказывал бы претензий, касайся они только схватки с Иори. Её условия и впрямь были неоднозначны. Но я выбрал вас именно потому, что вы засиделись. Надеюсь, урок пойдёт вам на пользу. – Его голос посуровел: – Пока вы прохлаждаетесь, кто-то другой движется дальше. И однажды этот другой бросит вам вызов. Как тогда? Погибнете сами и запятнаете репутацию школы? Мне абсолютно ни к чему лишние трупы.

Он задумчиво покачал в ладони полупустую чашку, глядя на поникшего ученика.

– Я не предлагаю вам рваться к победам любой ценой, теряя достоинство. Однако жить, уютно устроившись за спинами товарищей, для буси недопустимо.

Нисимура медленно поднял голову.

– Сэнсей... Прошу, испытайте меня ещё раз. Позвольте мне доказать... что я не прячусь за спины. Вы разрешите мне в этом году сразиться на фестивале?

– При одном условии, – учитель неожиданно улыбнулся. – Вы должны к тому времени полностью восстановить силы. Незачем кидаться в новый бой, не залечив до конца раны. Повторюсь, я не хочу потерять вас.

Лицо самурая просветлело.

– Благодарю, господин, – он смущённо потупился. – Я постараюсь... стать достойным вашей доброты.

– Надеюсь, теперь мы поняли друг друга, Нисимура-сан, – в улыбке учителя промелькнула едва заметная горечь. – Поверьте, я никого не считаю расходным материалом. И заглянул к вам всего лишь затем, чтобы проведать. Узнать, как у вас дела и не нужно ли в чём-то помочь.

– У меня всё в порядке, Хаябуси-сама. Спасибо, что были так терпеливы со мной, – Нисимура неуверенно усмехнулся. – Я глупец, правда?

– Это весьма типичная глупость, – пожал плечами сэнсей.

Стоя на вершине Нантайсан, Ферье осматривался. Он порядком устал и замёрз, у него гудели ноги, но в глазах застыло какое-то растерянное удивление.

– Почему я никогда этого не видел? – пробормотал он.

Панорама и впрямь впечатляла. Сквозь облака пробивалось солнце, раскинув лучи переливающимися золотистым шатром. Вокруг громоздились горы, подёрнутые прозрачной голубой дымкой. Внизу темнела тёмно-зелёная щётка векового хвойного леса, казавшаяся отсюда мягкой и тёплой, словно шерстяной шарф.

Совсем рядом на неровной пирамиде из валунов возвышалась крошечная синтоистская часовенка, похожая на маленькую беседку. Совершенно непритязательная, исхлётанная ветрами, она почему-то выглядела истинным средоточием беспредельной красоты окружающего. На свесах её четырёхскатной крыши лежал снег, образуя причудливые волны. К ней вела довольно крутая каменная лестница, возле которой стояла табличка с иероглифической надписью: «Вершина Нантайсан».

– Только здесь по-настоящему понимаешь, почему эту гору считают священной, – восхищённо выдохнула Ольга.

– Да... – протянул необычно притихший француз. – Мари, местные ками не очень обидятся, если я прочитаю здесь католическую молитву?

– Думаю, не обидятся, – мягко улыбнулась девушка.

Ферье поставил наземь свой кейс, повернулся лицом к часовне, перекрестился и с запинкой начал читать: «*Pater noster, qui es in caelis, sanctificetur nomen tuum...*»

Ольга молча наблюдала за ним. «Опять я в своем репертуаре, – думала она. – Вытащила человеку душу наружу и имею наглость делать с ней всё что считаю нужным. А ведь он уже не сможет вернуться к прежнему образу жизни».

Француз внезапно умолк.

– Забыл, – печально признался он. – Забыл последнюю строчку...

– *Et ne nos inducas in tentationem, sed libera nos a malo*, – подсказала россиянка.

– *Amen*, – с облегчением заключил Ферье и снова перекрестился. – А вы, случайно, не католичка?

– Нет, – Ольга покачала головой. Не поддерживая дальнейшую беседу, она внутренне отстранилась, позволив сознанию охватить целиком всю гору – деревья и камни, летящих птиц, храмы, построенные на склонах, чистый холодный воздух, алое сердце вулкана, до сих пор тлеющее в глубине. И людей. Кто-то из них уже приближается к ним...

– Наверное, пора спускаться, – вздохнул Ферье.

– Пойдём, – согласилась Ольга. Почтительно поклонилась часовенке и зашагала вниз, держась чуть впереди своего подопечного.

– Мари, а вы знаете, что это что за храм? – француз указал на ворота-тории, увенчанные пышной шапкой снега. За ними виднелась черепичная крыша с приподнятыми углами, украшенная резьбой.

– Футарасан дзиндзя. По преданию, его основал монах-отшельник Сёдо в конце восьмого столетия. Блуждая по окрестностям, он увидел на вершине горы пятицветные облака и счел их знаком богов. Однако влезть на гору и тогда было делом нелёгким, – девушка подмигнула

спутнику. – Блуждая по склонам, он наткнулся на реку Дайю. Не представляя, как через неё перебраться, он уселся на бережке, решив, что если богам это нужно, пусть они и обеспечивают его переправой. Вскоре из леса выползли две огромных змеи, одна была синей, другая – красной. Сплетясь над водой, они образовали нечто вроде моста. Монах, вероятно, выругался про себя, но деваться было некуда, пришлось ему лезть по змеям на другой берег. Впоследствии на том месте построили мост Синкё, по которому дозволялось ходить только высшей знати и посланникам императора.

– Вроде бы мы его вчера видели.

– Да, конечно. В общем, Сёдо добрался-таки до вершины и заложил Футарасан, но первым делом нашёл такую дорогу к подножию, на какой не требовалась помощь потусторонних пресмыкающихся и прочей сомнительной живности.

Ферье рассмеялся.

– Но сейчас мы можем зайти туда?

– Вероятно.

В просторном храмовом дворе почти никого не было, исключая служителя в белом кимоно и светло-жёлтых хакама, сидевшего на складном стульчике возле стенда, увешанного табличками-амулетами. Увидев двух иностранцев, он встал и поклонился, сверкнув улыбкой.

Те поклонились в ответ.

– *Коннити ва*, – поприветствовала его Ольга. – Добрый день. Можно ли нам посетить храм?

– Здравствуйте. Проходите, – кивнул служитель, привычный ко всякого рода туристам. – Только пожалуйста, не забудьте снять у порога обувь.

Ферье направился ко входу, однако девушка потянула его к источнику-теמידзуя для традиционного очищения. Зачерпнув ковшиком из каменного резервуара ледяной прозрачной воды, она полила себе на руки, потом плеснула немного в пригоршню и прополоскала рот. Француз, не задумываясь, последовал её примеру, хотя от холода у него сразу онемели пальцы и заломило зубы. У дверей он так же безропотно снял ботинки и в одних носках ступил на гладкие доски.

Внутри царил полумрак, из которого выступали то потемневшая от времени балка, то позолоченное украшение. Хайдэн – зал для молящихся – был почти пуст. Лишь по бокам в старинных жаровнях курились благовония, да в глубине угадывался алтарь и за ним проход в святилище хондэн, закрытый бамбуковой занавесью.

Ольга с серьёзным видом исполнила положенный ритуал: бросила пару монет в ящик для пожертвований, дважды поклонилась в направлении алтаря, дважды хлопнула в ладоши, с минуту постояла, сложив ладони, и, вновь поклонившись, отошла назад, предоставив Ферье повторять её действия. А сама зажгла несколько палочек благовоний и установила их в одной из жаровен, насторожённо следя за обстановкой. Ей казалось, в воздухе разливается странное напряжение, словно в преддверии разряда молнии. Как всегда, предчувствие опасности обострило восприятие. Слабый шорох шагов за стеной она слышала столь же чётко, будто это маршировал по брусчатке солдат в кованых сапогах.

Ничего не подозревающий француз повернулся к ней и шепнул:

– Мари, а здесь не найдётся местечка чуть теплее? Признаться, я уже не чувствую ног...

Россиянка считала температуру плюс пять по Цельсию вполне терпимой. Впрочем, проверять спутника на морозоустойчивость она не собиралась – и направилась к выходу, чуть впереди Ферье, позаботившись оказаться с той стороны, с которой доносились подозрительные шаги.

Выйдя на галерею, она увидела крепкого мужчину в плотных коричневых брюках и серой куртке, одного из тех троих, кто следил за ними вчера. Он поджидал их у полки с обувью,

делая вид, что разуваётся. При приближении Ольги он с вежливым жестом уступил ей место, перемещаясь поближе к французу.

– А в апреле здесь устраивают фестиваль танцев кагура! – сообщила девушка, словно продолжая прерванный разговор. Приподнялась на цыпочки и исполнила изысканный пируэт. Итог был весьма неожиданным: поскользнувшись на полированном полу, она впечаталась в незнакомца, с разлёта ударив его левой рукой чуть выше бедра. Металлическая палочка, незаметно зажатая между пальцев, безошибочно поразила цель. Не ожидавший подвоха убийца рухнул на одно колено, но за пострадавший бок не схватился, мгновенно изготовившись к встречной атаке. И тут же сдержал себя. Он не мог бить девчонку на глазах у Ферье и служителя, сидевшего поблизости.

– Ой, простите... – испуганно пролепетала девушка. – Я такая неловкая... Мне очень стыдно... – она попыталась помочь ему встать на ноги. Тот резко отстранился.

– Спасибо, я справлюсь без вашей помощи.

Виновато потупившись и продолжая бормотать бессвязные извинения, она отступила на шаг и быстро обулась, по-прежнему загоразивая собой француза. Косясь на пострадавшего, Ферье тоже торопливо надел ботинки и принялся раскачиваться с пятки на носок, чтобы согреть окоченевшие ступни.

Убийца тяжело встал, опершись на перила галереи. «Вряд ли ты сегодня далеко убежишь», – удовлетворённо подумала Ольга. Когда учитель продемонстрировал ей этот приём, она хромала два дня. Жаль, что не удалось выдрать из кармана убийцы разрядник. Но на такую удачу она всерьёз и не рассчитывала: ей противостоял профессионал.

Не теряя времени, девушка потянула спутника прочь. Убийца не попытался пойти за ними: правая нога онемела, бедро при каждом шаге пронзало болью, а кроме того, это бы слишком подозрительно выглядело. Проглотив ругательство, он медленно сбросил туфли и скрылся в храме, заставляя себя ступать естественно и не кособочиться.

– С ним точно не случилось ничего страшного? – осторожно осведомился Ферье, когда они миновали ворота храма и двинулись вниз по дорожке.

Ольга беспечно отмахнулась.

– Пустяки. Зато теперь он нас не догонит.

Француз опешил.

– Вы... сшибли его нарочно?

– Я испытала на нём свою волшебную палочку, – в её руке льдисто блеснула лазерная указка. – Он принадлежит к тёмным силам, и амулет поразило его. Неужели вы не заметили, как он к вам подобрался?

Сбитый с толку, Ферье изумлённо воззрился на неё.

– Не стоит недооценивать опасности Земли, – обронила она с безмятежной улыбкой. – Если хотите вернуться на свой Альтаир, держитесь ко мне поближе.

Француз натянуто рассмеялся.

– А вы и впрямь меня защитите?

– Почти от чего угодно, – уверенно ответила Ольга. – Разумеется, пока вы соблюдаете технику безопасности.

– Так. – Человек, даже своим подчинённым известный лишь как Саннинмэ-сан, бесстрастно смотрел на коленопреклонённого бригадира тройки, отправленной на задание. Сидеть в «сэйдза» с травмированной ногой для того было сущей пыткой, но Саннинмэ не собирался облегчать ему жизнь.

– Ну что ж, рассказывайте подробнее, Тагучи-сан.

– Объект покинул рёкан в 10.15. Кстати, его девчонка записана в гостевой книге как Карина Мария. Они отправились по дороге на вершину Нантайсан, но вскоре свернули в лес

и пропали из виду. В 11.48 Мацу-сита и Накагава отметили двоение сигнала. Разделившись, они отправились проверять обе точки. В итоге Накагава безрезультатно бродил по южному склону до 13.17, когда оба сигнала исчезли. Мацусита, проходя по обрыву, сорвался и упал на обочину дороги сорока метрами ниже. Множественные переломы ног, компрессионная травма позвоночника, но в целом он отделался очень легко для такого полёта. Его спасли кусты на скалах, замедлив падение. Проезжий водитель вызвал ему «Скорую». Сейчас он в больнице. В сознании. Сам сообщил мне о происшедшем. Уверяет, что оступился.

– Вы верите?

– Врать ему вроде бы незачем... Но я ещё не видел его. Врачи к нему не пускают. Обследовав место его падения, я обнаружил разбитый спутниковый телефон. Судя по уцелевшим остаткам, он принадлежал Фериэ. Получается, тот или обронил его, блуждая по зарослям, или сознательно кинул в пропасть.

Поняв, что дистанционное наблюдение более не имеет смысла, я прикинул, куда они всё-таки могли пойти. И с максимально возможной скоростью отправился на дорогу к вершине Нантайсан. Они, как выяснилось, там уже побывали и возвращались назад. Я встретил их в 16.43 перед храмом Футарасан. Они зашли туда, и я решил подстеречь их у выхода.

– Что вы намеревались делать?

– Учитывая все эти странности... я собирался сразу убить Фериэ, применив разрядник. В конце концов, даже эксперты не отличают такую смерть от сердечного приступа... Но мне не удалось к нему подобраться. Помешала эта... Карина.

Саннинмэ без единой эмоции выслушал его доклад. Тагучи не менее хладнокровно выложил все до мельчайших деталей.

– Я не мог следовать за ними дальше, – закончил он. – Нога до сих пор плохо мне повинуется... а тогда я еле дошёл до автостоянки. Больше мне нечего сказать.

На его висках выступили капли пота, но он по-прежнему не показывал боли, продолжая сидеть неподвижно, с прямой спиной.

– Неприятно, Тагучи-сан? – шевельнул бровью Саннинмэ.

– Благодарю вас, – отвесил полупоклон Тагучи, прекрасно знавший, что иной ответ на этот вопрос лишь ухудшит его положение.

Саннинмэ мрачно усмехнулся.

– Пока с вас достаточно. Сядьте свободно, – распорядился он. – Проколы бывают у всех. Впрочем, для вашей пользы лучше не повторять их. Если вы не сумеете скорректировать ситуацию, я буду вынужден принять меры лично. Тогда уж не обессудьте.

Он задумался. Потом спросил:

– Что вы думаете обо всём этом?

– Куда бы объект ни отправился, ему не миновать Осаки. Рано или поздно он там появится. Думаю, стоит установить наблюдение на вокзалах и возле офиса заказчика.

– Дельная мысль.

– Меня смущает только девчонка.

Саннинмэ пожал плечами.

– Судя по вашему описанию, она – его телохранитель. И похоже, весьма неплохой.

– Оно-сан, ну и где этот ваш горный юноша?

– Вон он, второй в среднем ряду.

Утида Цубаса взглянул в указанном направлении. Сидевший там молодой человек действительно выделялся среди остальных абитуриентов. Его черты были почти по-женски мягкими, но ширина плеч и сквозившая в движениях сила скорее подошли бы спортсмену, чем музыканту. Он был одет скромнее прочих, но идеально правильная осанка и спокойная уверенность на лице придавали его облику удивительное благородство.

- Прямо принц в изгнании, – съязвил Утида. – Он что, всегда такой?
- Откуда мне знать? Похоже, да.
- Интересно, почему Фуюмацу-сэнсей не срезал его?

«Потому что не смог», – чуть не ответил Оно, но вовремя прикусил язык. Ещё не хватало восстановить против себя желчного замглавы факультета. К Хаябуси Иори Фуюмацу отнёсся ничуть не лучше, чем к любому другому «талантливому выскочке», не закончившему ни элитной музыкальной школы, ни подготовительных курсов. На устном экзамене он буквально засыпал юношу дополнительными вопросами, прерывая его, сбивая с толку, откровенно провоцируя на ошибки. Однако... вышла промашка. Иори не ошибался, – и упорно не замечал раздражения экзаменатора, отвечая на все выпады с убийственной невозмутимостью, ёмко, предельно учтиво. Фуюмацу сдался, когда на него стала коситься комиссия. К тому времени экзамен уже изрядно походил на допрос с пристрастием. «Не завидую я вам, молодой человек, – вздохнул Оно. – Старик наверняка сочтёт ваш успех посягательством на свою репутацию».

Собравшиеся в зале абитуриенты могли уже считаться поступившими. Им осталось только исполнить небольшое произведение по предложенным нотам. На подготовку давался минимум времени, однако все они проходили этот репертуар на курсах. Ну, или почти все.

Один за другим будущие студенты выходили на сцену и исполняли заданные композиции. По большей части чисто, без фальши. И заурядно.

– Ни единого яркого выступления, – тихонько пожаловался Утида в одной из пауз. – ещё немного, и я усну...

За их спинами бесшумно открылась дверь, пропуская худошавого мужчину с пронзительным взглядом, чем-то напоминавшего хищную птицу. Их почтил своим обществом сам декан факультета. Впрочем, он сразу же отступил за ширму и остался там, не привлекая к себе излишнего внимания.

– Хаябуси Иори! – объявил распорядитель.

Юноша поднялся на сцену, держа саксофон у левого бедра. Среди присутствующих некому было отметить, что именно так принято носить меч... Пристроив на пюпитр ноты, он церемонно поклонился; быстрым движением поднял инструмент, глубоко вздохнул – и начал.

Музыка хлынула стремительными волнами, перетекающими друг в друга, сплетающимися в сложном многоголосии. Заворожённые виртуозной игрой, экзаменаторы не сразу осознали одну странность.

«Что он играет?» – Оно растерянно смотрел в свои бумаги, где возле имени Хаябуси значился «Лунный этюд» в переложении для саксофона. Но, словно под гипнозом, продолжал безмолвно прислушиваться.

Декана Сугияму смутить было значительно труднее.

– Позвольте! – едва мелодия смолкла, он покинул своё укрытие и почти подбежал к столу комиссии. – Хаябуси-сан, что вы сейчас исполнили? Это же партия виолончели!

Не говоря ни слова, юноша снял с пюпитра ноты, украшенные печатью факультета, и с почтительным поклоном подал декану. Тот просмотрел их. В самом деле виолончель. Как он сыграл?!

Сугияма изумлённо покачал головой.

– Понятно, – и перешёл на официальный тон: – Хаябуси-сан, пожалуйста, задержитесь после экзамена.

– Да, сэнсей.

Фуюмацу сердито постукивал пальцем о палец.

– Как бы ни произошла подмена, ему следовало сообщить комиссии об ошибке, а не демонстрировать тут свою исключительность. Поразительно дурные манеры.

– У меня складывается впечатление, – заметил Сугияма, – что действия этого юноши в любом случае не найдут у вас понимания. Чем он так не угодил вам?

– Я ко всем отношусь одинаково.

Декан только усмехнулся. Фуюмацу вспыхнул:

– С формальной точки зрения Хаябуси Иори исполнил предложенное ему произведение. Но в документах значится иное задание. Думаю, было бы наиболее приемлемо предложить ему всё-таки сыграть нам «Лунный этюд». Так мы оценим его техническую подготовку, а не способность к вольной импровизации. Если он действительно настолько хорош, то с лёгкостью выполнит нашу просьбу.

Сугияма нахмурился, заставив Фуюмацу напрячься. Не перегнул ли он палку? Прочие экзаменаторы сидели тихо, словно набрав в рот воды.

– Ну, хорошо, – неожиданно согласился декан. – Оно-сэнсей, пригласите, пожалуйста, Хаябуси-сана.

Когда Иори явился, он без предисловий протянул ему ноты:

– Вам хватит полчаса на подготовку?

– *Хай.*

Расположившись в коридоре на подоконнике, юноша внимательно изучил задание; извлёк саксофон из футляра, поправил мундштук, сыграл первые такты, выхватил пару музыкальных фраз из середины и финала этюда. Всё это заняло у него не более десяти минут. Потом он расправил плечи и застыл, будто часовой на посту, бесстрастно следя за дверью аудитории.

С другой стороны той же двери представители комиссии напрягали слух, еле сдерживаясь, чтобы не выглянуть в щёлку. Тишина интриговала их куда сильнее, чем они готовы были признаться. Один Сугияма с флегматичным видом изучал рекомендацию Иори, которой его снабдил Мацуда-сэнсей.

– Он же всё равно ничего не делает, – осмелился предложить Утида. – Может, позвать его прямо сейчас?

– Мы дали ему полчаса, – сухо напомнил декан. – Даже если он тратит их на чтение комиксов, беспокоить его не годится.

Пришлось им подождать. Но едва истекла последняя минута отведенного времени, Оно уже стоял на пороге аудитории.

– Заходите, Хаябуси-сан!

Заняв указанное ему место, Иори безупречно вежливым тоном попросил разрешения приступать. Сугияма кивнул, и он с прежним спокойствием исполнил «Лунный этюд». Свободно, без единой ошибки, словно потратил на репетиции по меньшей мере неделю.

– Благодарю вас, – сказал декан. – Приношу вам свои извинения за произошедший казус. По-видимому, мне не остается ничего другого, кроме как лично поздравить вас с поступлением, – и он тепло улыбнулся юноше.

Иори церемонно склонил голову:

– Почтительно благодарю вас за благосклонность.

– Девочка неплохо справляется, – Норимори будто вскользь указал на Ферье, вместе с другими туристами увлечённо считавшего камни в саду храма Рёандзи.

– Осака покажет, – тихо ответил Кацумото. – Рано или поздно он вспомнит, зачем приехал. Вечно таскать его по музеям ей не удастся.

– Однако чем больше времени он потратит на достопримечательности, тем лучше. Сейчас опасности почти нет.

– Зато она засветилась. Теперь её уже не станут считать безвредной городской сумасшедшей.

– А заказчик счёл тот инцидент случайностью... – Норимори тихонько хмыкнул.

– Те, с кем мы имеем дело, заметно умнее. Она повесила на него датчик?

– Первой же ночью. Впрочем, его и так можно обнаружить метров за двести. Вместо того чтобы лить на себя столько одеколона, ему следовало бы почаще мыться.

– Француз, – Кацумото пожал плечами. – А вот и наш работодатель.

Грузно топая, к ним приблизился Томидзава, даже не пытавшийся скрыть недовольство.

– Как вы это назовёте, Кацумото-сан? – спросил он, протягивая ему сложенный вдвое листок, вырванный из блокнота. – Серинова-сан сунула его мне в карман, когда я проходил мимо...

Это была короткая записка, без намёка на вежливость гласившая:

Ваших агентов не вычислит только слепой. Уберите их прочь или найдите профессионалов.

На лице самурая не отразилось ни малейшего сочувствия.

– Дельное замечание. Прикрывать наблюдателей в её обязанности не входит. Да и пользы от них никакой. Только путаются под ногами и без нужды подставляют себя под пули. И, кстати, зачем вы сами решили пройти рядом с потенциальной жертвой? Из любви к экстриму? В общем, будьте любезны, не осложняйте нам работу.

– Я всё-таки хотел убедиться в компетентности этой дамы. Она ведёт себя так легкомысленно...

– Её стратегия эффективна. Роль девчонки с буйной фантазией позволила ей войти к объекту в доверие, заставить его изменить маршрут и вообще подчиняться всем её требованиям. А работает она качественно. На данный момент у меня к ней претензий нет.

– Как же, слышал, – фыркнул Томидзава. – Пришелец с Альтаира, подумать только! Одного не пойму. Сам-то Ферье с чего взялся играть в игрушки? Ему вроде рановато в детство впадать...

– Возможно, так ему проще не называть никаких имён, особенно там, где их могут услышать, – мягко предположил Норимори. Томидзава пришлось проглотить завуалированный упрёк.

– Вы поставили задачу, и мы выполняем её так, как считаем нужным, – от голоса Кацумото веяло могильным холодом. – Если вас не устраивают наши методы, используйте свои. Без нас.

– Я не имел в виду...

– Тогда уберите своих агентов. А госпожу оставьте в покое. Окажись она недостаточно компетентной, она заплатит за это жизнью. Вам довольно?

Томидзава смешался.

– Но... вы хотите сказать... конечно, телохранителям иногда приходится рисковать...

Кацумото молча посмотрел ему в глаза. Он запнулся, разом растеряв весь свой лоск под этим непроницаемым, жутким взглядом:

– Хорошо. Раз вы настаиваете, я уберу наблюдателей. Я... могу помочь вам чем-то ещё?

– Благодарю вас, – Норимори невозмутимо поклонился. – Если нам понадобится ваша помощь, мы не преминем за ней обратиться.

Больше говорить было не о чем. Торопливо распрощавшись, Томидзава с видимым облегчением удалился.

Кацумото поморщился.

– Удивляюсь, как он умудрился достичь такой должности. Ты изучил фотокопии?

– Как раз по нашему ведомству, – хмуро улыбнулся Норимори. – Месье повезло. При иных обстоятельствах я мог бы упрятать его за решётку лет на пятнадцать.

– Значит, это...

– Промышленный шпион, позволяющий себе играть в политику. Весьма известный в определённых кругах – разумеется, под другим именем.

Вокзал Киото являл собой торжество сюрреализма. Бетон, стекло и металл, десятки электронных табло и разноцветных вывесок. Над головами парит огромная, погашенная сейчас лампа, напоминающая летающую тарелку. А рядом потолок взмывает на немыслимую высоту, к странному неровному проёму, сквозь который синее небо. Туда, в пустоту, наполненную серо-стальным светом, уводит ступенчатая цепь эскалаторов.

– Грандиозно, – вполголоса поразился Ферье. – Видно, позавчера я спал на ходу, раз не обратил на это внимания. Мари, кто архитектор этой фантастической постройки?

– Хироси Хара. Впечатляет, правда? Его проект был настолько футуристичным, что у критиков не хватило слов. Все были слишком шокированы, чтобы спорить. Тогда он решил, что молчание – знак согласия, и претворил свои планы в реальность. – Ольга игриво улыбнулась, краем глаза отметив нужную строку в расписании, мерцающем зелёным и жёлтым. – До нашего поезда ещё два часа. Не угодно ли вам пока подкрепиться? – она указала на стрелку с надписью «Sky safe».

– Я уж боялся, что вам никогда не придёт это в голову, – подмигнул ей француз, становясь на эскалатор. – Вы, наверное, сделаны из какой-то особой материи. Я путешествую с вами четвёртый день, но до сих пор не видел вас спящей или хотя бы усталой. Вы едва прикасаетесь к пище, но двигаетесь быстрее, чем брошенный камень...

Девушка хмыкнула. И внезапно резко выбросила руку вперёд, тут же сжав пальцы. Когда она раскрыла их вновь, на её ладони лежал гладкий полупрозрачный кусочек кварца, украшенный изображением самурая с катаной в руке. Нехитрому рисунку, нанесённому тонкими чёрными штрихами, придавали живость неровности цвета камня, крохотные пузырьки и трещинки.

– Да, – безмятежно заключила она. – Действительно чуть быстрее.

Ферье ошеломлённо воззрился на неё.

– Что это?

– Ещё один талисман. Кажется, тайные силы мира обещают нам некоторую поддержку, – но вместе с тем советуют не расслабляться.

«Тамура или Сакадзаки?» – спросила себя Ольга, убирая камешек в пояс.

Француз безмолвствовал, с опаской посматривая на провал, по краю которого двигались эскалаторы. Яркие впечатления, приключения, странные и забавные случаи... Но есть в происходящем какой-то подвох. Эта девушка... Что ей всё-таки нужно? Когда он вчера позволил себе намёк на постель, ответом было искреннее изумление: «Вы же инопланетянин. Как я могу спать с вами?»

Он вздохнул. Рядом с Мари он в самом деле чувствовал себя пришельцем с другой планеты.

Поднявшись на самый верх, они оказались на неправильной формы площадке, заполненной столиками. Часть из них стояла почти у края, отгороженная от пустоты лишь невысокими перилами. Крыши над ними не было тоже; ясный февральский день накрывал их куполом синевы и ветра. Другие располагались за остеклением, в более уютной и менее волнующей обстановке.

В другое время Ферье прошёл бы внутрь, в тепло и безопасность. Но сейчас он, не задумываясь, плюхнулся за один из крайних столиков, спиной к одинокому полицейскому, клюющему носом над чашкой с кофе.

Ольга села напротив. Полицейский приподнял голову, рассеянно глянул на новоприбывших и снова уткнулся в чашку.

«*Коннити ва*, Селинова-сан, – сказал его мимолётный взгляд. – Теперь я за вас спокоен».

«Рада вас видеть, Тамура-сан», – молча ответила россиянка, тоже никак не показывая, что они знакомы.

Официантка принесла им меню на двух языках – английском и японском. Пока француз изучал ассортимент местных блюд, Ольга спрятала руки за папкой и тронула крошечный стержёнок на своих наручных часах. Они откинулись вверх, как створка раковины, открыв миниатюрный двухсекционный экран. Квадратик в верхнем углу указывал на наличие нового сообщения. Коснувшись его ногтем, она запустила просмотр.

Я следую прямо в Х. Но 2 часа прикрою. Наш глава не в настроении. Пахнет жарой. Удачи.

Девушка без труда перевела сообщение на нормальный язык. Кацумото чем-то серьёзно обеспокоен. Тамуре велено ехать сразу в Осаку, хотя в оставшееся до поезда время он постарается дать ей возможность расслабиться. Однако, похоже, он убеждён, что вне Осаки им ничего не грозит. Ольга хмыкнула про себя. Сама она была настроена не столь оптимистично.

Закрыв экран, она для порядка перелистнула пару страниц меню.

– Вы желаете сделать заказ? – по-английски осведомилась подошедшая официантка.

– Яичницу с беконом и кофе, пожалуйста, – попросила россиянка. Следом принялся перечислять Ферье:

– Тосты с тунцом, яичница, рисовый пудинг...

«Оголодал, бедняга», – отстранённо усмехнулась Ольга. Она ни на миг не теряла бдительности. Её тревожил странный тип в тёмных очках, вот уже десять минут блуждавший по двум верхним уровням. При этом он явно присматривался к площадке кафе.

Девушка вынула карандаш и принялась скучающе чёркать им по салфетке. Когда им принесли заказ, она тихонечко рассмеялась:

– Не выйдет из меня художника.

Подняв салфетку, она показала спутнику своё творение. Карикатурного вида злобный гангстер в тёмных очках, облокотившись на барную стойку, целился в кого-то из непропорционально большого пистолета. Стойка при ближайшем рассмотрении очень напоминала иероглиф «левый».

За спиной француза Тамура на мгновение прикрыл веки, показывая, что понял.

– Забавно, – вооружившись ножом и вилкой, Ферье занялся яичницей. – Представители тёмных сил выглядят именно так?

– По правде говоря, они могут выглядеть как угодно, – беззаботная улыбка на губах не мешала Ольге холодно просчитывать варианты. За соседним столиком Тамура допил свой кофе, достал наладонник и принялся что-то набирать на клавиатуре. Закончив, он не спеша рассчитался по счёту и удалился.

Ольга стремительно расправилась со своей порцией и терпеливо дожидалась, когда доест её подопечный. Тип в очках исчез из поля зрения. Среди посетителей кафе также не наблюдалось никого подозрительного. Но предчувствие схватки становилось острее с каждой секундой, проясняя сознание, электрическими искрами покусывая нервы. Девушка искренне удивлялась, как это Ферье умудряется ничего не замечать.

А тот не торопясь поглощал свой обед. Завершив обильную трапезу бокалом холодного пива, он довольно погладил себя по животу:

– Это, конечно, не Франция, но тоже неплохо. Сколько ещё до посадки?

– Сорок три минуты.

В кафе ввалилась шумная компания молодёжи, заняв почти все места на открытой площадке. Ольга коротко оценила каждого. Нет. Они – обычные горожане.

Ферье потребовал счёт и заплатил за обоих.

– Ну что, продолжим осмотр вокзала? – предложил он, поднимаясь.

– Никаких возражений.

На эскалаторе россиянка встала ступенькой выше спутника, по диагонали от него. Один этаж они проехали без проблем. Следующий...

Крепкий мужчина с объёмистой сумкой, стоявший возле металлического ограждения, выхватил из-за пазухи маленький арбалет. Сухо щёлкнула тетива. Стрела – короткий неоперённый болт – полетела в Ольгу. Одновременно левой рукой убийца метнул в Ферье тонкую, почти невидимую иглу-дротик.

Девушка среагировала за долю секунды до выстрела. С силой толкнув француза вниз, она отшатнулась в противоположную сторону, сев на ноги какой-то пожилой даме. Стрела царапнула по боку, лишь чуть-чуть вспоров кожу, и глубоко впилась в перила эскалатора. Игла безобидно мелькнула в воздухе и исчезла. «Только бы не упала кому-нибудь на голову», – мелькнула у Ольги мимолётная мысль.

Повторить атаку нападающий не успел. Сзади на него бросился Тамура, выбив из рук арбалет. Однако тот с неожиданной ловкостью вывернулся из захвата. Стремительный обмен ударами никому не принес успеха. Внезапно убийца отскочил назад, перемахнул через ограждение и прыгнул на нижнюю площадку эскалатора. Под аккомпанемент визга и возмущенных криков он растолкал толпу и скрылся в лабиринте киосков и магазинчиков.

Ферье пролетел две ступеньки и свалился бы вовсе, не поддержи его стоявший ниже парень.

– Что это зна... – возмущённо начал он.

Шум вокруг заставил его умолкнуть.

– Вероятно, снимают кино, – по-японски предположила Ольга, становясь рядом с французом и одаривая окружающих лучезарной детской улыбкой. – Как жаль! Знай я заранее, непременно оделась бы лучше!

Несмотря на заведомую нелепость её заявления, люди успокоились. Несколько женщин даже начали прихорашиваться, поглядывая по сторонам в поисках камер. Некоторую сутолоку вызвала только остановка эскалатора. Застрявший в перилах арбалетный болт заклинил механизм, и автоматика отключила машину. Впрочем, Ферье и Ольга уже успели сойти.

Сохраняя безмятежный вид, девушка отчаянно пыталась скрыть, как ей плохо. Странное покалывание, возникшее в руках и ногах, очень быстро перешло в онемение всего тела. Двигаться было трудно, сердце билось неровно и редко; несмотря на нарастающее удушье, ей приходилось буквально насильно заставлять себя дышать. Ноги подкашивались. Замедлив шаг возле ближайшего киоска, она оперлась на него, устремив померкший взор на витрину.

В таком состоянии она ничего не могла противопоставить чёрной тени, вынырнувшей из толпы. Незнакомец подхватил её за плечо, увлёк за угол и втолкнул в узкое помещение, заставленное металлическими шкафами. Щелчок дверного замка, и они остались наедине.

– Не беспокойтесь. Полиция там присмотрит.

Мёртвый, лишённый эмоций голос мог принадлежать лишь одному человеку. Взяв Ольгу за подбородок, Кацумото мгновение смотрел на её зрачки.

– Тетродотоксин, – бросил он. Без церемоний усадил её на стул, обнажил пострадавший бок и сунул ей за пояс пониже царапины большой комок ваты. Вынул нож и вырезал эту царапину с кожей и мясом, оставив на её месте глубокую борозду. Подождал, пока кровь немного стечёт, после чего протёр рану чем-то, по запаху напоминавшим уксус, и перевязал. Теоретически эти манипуляции должны были быть болезненными, но Ольга не чувствовала ничего.

Сделав ей пару инъекций, Кацумото спрятал в пакет окровавленную вату и шприц.

– Вам повезло, госпожа. Идите продолжать комедию. В поезде отдохнёте. Пейте больше воды с глюкозой или хотя бы с сахаром. Энергетики тоже сойдут.

Ледяная усмешка тронула его губы.

– А паренёк подаёт надежды. Уйти от инспектора – ладно, но от меня... Впрочем, игры с отравленными стрелами посреди вокзала – не от большого ума. Ему ещё есть чему поучиться.

С недоумением и испугом Ферье оглядывался по сторонам. Секунду назад Мари стояла рядом, с обычным восторженным любопытством рассматривая яркую витрину; и вдруг исчезла, словно растворилась в воздухе. «Может, это какая-то ловушка?» – в смятении думал он.

– Добрый день! – на хорошем английском обратился к нему полицейский. – Простите, не могли бы вы уделить мне пару минут? Если не возражаете, я хотел бы задать вам несколько вопросов.

Ферье не узнал в этом подтянутом, крепком мужчине сонного субъекта, случайно встреченного в кафе. Перспектива общаться с полицией его не особенно вдохновляла, однако деваться, кажется, было некуда. Напряжённо стиснув ручку своего кейса, он сдержанно отозвался:

– Да, да, конечно...

– Вы были свидетелем инцидента на эскалаторе? Можете описать, что там произошло? Француз замялся.

– Трудно сказать. Меня толкнули, я оступился и едва не упал. Краем глаза я видел возню на балконе... Кажется, там дрались... Не уверен.

«Так ничего и не понял», – поразился Тамура.

– Потом вокруг все зашумели, а сверху кто-то спрыгнул...

– Как выглядел этот человек?

– На нем была серая куртка. Или зелёная. Брюки тоже серые... наверное. Волосы вроде чёрные, но тут они почти у всех чёрные... Я не успел его рассмотреть. Он почти сразу скрылся в толпе.

Сам инспектор разглядел убийцу куда лучше. Впрочем, тот наверняка изменил свою внешность, отправляясь на это задание. Во всяком случае, старомодная стрижка «под Битлз» очень напоминала парик.

– А потом? – продолжал он расспросы. На самом деле показания француза его не интересовали. Он просто тянул время, дожидаясь, когда Кацумото отпустит Ольгу, и со всем тщанием исполнял её обязанности по защите объекта. Если окажется, что она серьёзно пострадала... Тамура старался не думать об этом.

Ферье нервно переложил кейс из руки в руку.

– Потом? – переспросил он. – Мы сошли с эскалатора и выбрались из сумятицы.

– Мы? С вами путешествует кто-то ещё?

– Девушка... из России, – француз снова беспокойно огляделся. – Она только сейчас была здесь...

– Здравствуйте, господин инспектор. – Ольга внезапно вынырнула из-за киоска, будто появилась из ниоткуда. – У вас есть дело к моему спутнику?

Оба собеседника вздохнули с нескрываемым облегчением.

– О, ничего серьёзного, – улыбнулся Тамура. – Мне всего лишь требовалось уточнить некоторые детали. Кстати, вы позволите узнать ваши имена?

– Калина Мария. – В её взгляде светилось веселье.

– Ферье Жан, к вашим услугам.

Инспектор чувствовал, что с девушкой что-то не так. Она казалась беспечной и жизнерадостной, но её лицо было бледным и неестественно неподвижным, словно у куклы. Смеялись только глаза и губы. Движения приобрели налёт угловатости...

– Боюсь, мы вынуждены откланяться, – извинилась Ольга. – Объявили посадку на наш поезд, – она кивнула на одно из вездесущих табло.

– Что ж, не смею вас задерживать, – инспектор вскинул ладонь к фуражке. – Прошу прощения за беспокойство. Приятного путешествия.

– *Сайонара*, – россиянка вежливо поклонилась и пошла прочь, увлекая за собой Ферье. Тамура слегка поморщился и направился к полицейским из местного участка, суевившимся возле стоящего эскалатора. Нужно доложить о случившемся. И сдать трофейный арбалет.

Уставшая после очередной тренировки, Киёко не торопясь возвращалась домой. Как всегда, она выбрала длинный, запутанный маршрут по глухим переулкам и паркам. Тэрумото-сэнсей требовал от неё больше ходить пешком. А исследовать закоулки куда занятнее, чем глазеть на витрины центральных улиц.

Тихо шуршали под ветром ветви деревьев. Ещё какая-то пара недель – и природа начнет оживать. Но пока вокруг царили печальные пейзажи конца зимы – мокрые камни, пожухлая трава, тёмные от влаги стволы и стены домов, унылый вечнозелёный кустарник с жёсткими, точно пластмассовыми, листьями.

Киёко задумчиво подобрала упавшую на дорожку сосновую веточку. Сосна – символ терпеливого ожидания... Но сколько можно? Кажется, она испробовала уже все возможные способы, чтобы растормозить Тэруоку. Бесполезно.

Он явно равнодушен к ней. Иначе бы не заглядывал в гости по поводу и без, и не подаривал её семейство мелкими сувенирами. Однако...

«Зачем он мне вообще сдался?» – размышляла девушка. Красивый, сильный мужчина, в котором зрелость сочетается с прямо-таки детской наивностью и неуверенностью в себе. Вспыхивающий как спичка, если его задеть. И абсолютно не приспособленный к жизни. Ни своего угла, ни нормальной работы; в свои тридцать восемь лет он всё ещё перебивается случайными заработками и живет в убогой съёмной квартире, больше похожей на кроличью клетку. В общем, сомнительная партия для замужества.

И всё же её тянуло к нему. Под всеми вывертами его характера она чувствовала благородство и тихую, печальную горечь. Удивительно созвучную её собственной.

Но как заставить его открыться? Нужно что-то из ряда вон выходящее...

– Подружка, не хочешь повеселиться? – крикливо одетый прыщавый парень преградил ей дорогу. За его спиной кривлялось ещё четверо таких же, в жутких тряпках кислотных цветов, с торчащими клочьями волосами. От компании разило дешёвым пивом.

– Спасибо, как-нибудь в другой раз, – сухо отозвалась Киёко. – Пожалуйста, дайте пройти.

– Какие мы серьёзные! – глумливо ухмыльнулся парень.

Она отступила на полшага. Сердце забилося чаще; горячая волна прошла по телу. Никогда ещё ей не доводилось драться по-настоящему...

– Ребята, если вы собрались выступать в цирке, сначала научитесь остроумию.

– А ты чо, пошутить решила, да?

Передний сгрёб её за плечо. Киёко глубоко вздохнула, как перед обычной отработкой техники. Резко рванув захваченное плечо назад, она одновременно выстрелила правой рукой вперёд, мощным движением от бедра, с вложением корпуса. Костяшки пальцев обожгло резкой болью: у неё пока не было должной закалки кистей и предплечий. Впрочем, противнику досталось намного больше. Полновесный удар пришёлся ему в основание челюсти. Его отбросило назад и вбок – как раз на вторую руку Киёко, которой она подхватила его сзади за шею и повалила наземь.

Прежде, чем остальные осознали происходящее, на поле боя появился новый участник. Мужчина в синей потёртой куртке вынырнул откуда-то из-за кустов и в мгновение ока расшвырял всю компанию, как щенков. Тэруока!

Не испытывая судьбу, четвёрка хулиганов разбежалась кто куда. Но сбитый девушкой заводила с неожиданной резвостью вскочил на ноги и выхватил из-за пазухи нож.

– Не подходи!

Самурай засмеялся.

– Интересно. И ты рискнёшь его применить?

Совсем утратив способность соображать, парень ткнул клинком в его сторону. И завопил от боли, бухнувшись коленями на асфальт. Заломив ему руку, Тэруока вынул нож из ослабевших пальцев. Скептически оглядел буяна и обернулся к Киёко:

– Как вы думаете, госпожа, что бы ему такое отрезать?

Парень задёргался, безуспешно пытаясь вырваться. Усмехнувшись, Тэруока пригнул ему голову и отсёк торчащую из шевелюры тоненькую косичку, перевитую цветными нитками и украшенную на конце яркой бусиной. Протянул девушке.

– Думаю, из неё выйдет неплохой сувенир. Можете прицепить на свой мобильник.

Киёко машинально взяла косичку.

– Да, это неплохая идея, – с улыбкой отозвалась она.

Тэруока отпустил парня. Тот отполз назад, затравленно на него глядя.

– Убирайся прочь, пока я не свернул тебе шею, – бросил ему самурай.

Повторять предложение не пришлось.

– Благодарю вас, Тэруока-сан, – поклонилась Киёко, когда они остались наедине. – Вы рисковали. Безоружным против ножа...

– Пустяки. Этот малый не в курсе, за какой конец его держат. Но... госпожа, вы позволите дать вам совет?

– Конечно...

– Осторожнее с приёмом, который вы применили. Более опытный боец нанёс бы удар навстречу.

– А вы не могли бы мне показать?

– Показать?

– Почему нет? Я уверена, вы не покалечите меня.

Тэруока замялся. Он и сам не очень понимал, почему не решается к ней прикоснуться. Пересилив себя, он осторожно прихватил её куртку. Так же, как раньше, Киёко рванула плечо назад; но её удар внезапно ушёл в сторону, отклонённый встречным движением. Раскрытая ладонь самурая застыла возле её лица, заставив непроизвольно отшатнуться. Тэруока сразу же отпустил её.

– Извините...

– За что? – удивилась Киёко. Смущённая его молчанием, она сменила тему: – Тэруока-сан... а как вы здесь оказались? Я не ожидала вас встретить. Вы... следили за мной?

– Да, – подтвердил он её догадку. – Понимаю, я виноват, но... случается всякое... – он осёкся, ощущая себя форменным идиотом. – Простите.

– И давно вы так меня сопровождаете?

– Третий месяц.

Киёко теребила трофейную косичку.

– Почему вы так странно себя ведёте?

– Простите, – повторил самурай, неправильно истолковав её слова. – Наверное, мне лучше уйти. Не смею вам докучать...

– Тэруока-сан! – в тоне девушки смешались мольба и досада. – Если вы ищете моего общества, почему бы вам просто не подойти ко мне? Не пригласить на свидание, наконец? Сколько можно ходить вокруг да около?

– Так я могу... хотя бы надеяться на вашу симпатию, – медленно, с ощутимым усилием произнёс он. – А узнай вы меня поближе... вряд ли будете столь благосклонны.

Она снова мягко улыбнулась. Лишь напряжённая спина выдавала её волнение.

– Виртуальные отношения мне наскучили ещё в инвалидной коляске. Я не императрица, чтобы почитать меня на расстоянии. Может быть, вам интересно... мы могли бы завтра сходить в «Аой мидзу». Позвольте вас угостить? Признаться, мне хочется сделать для вас что-то приятное. Я очень обязана вам... такому, какой вы есть.

Тэруока впился ногтями в ладони. В ушах гремел океанский прибой. Изумление. Радость. Растерянность. Приключись сейчас землетрясение в восемь баллов, он бы вряд ли его заметил.

– Это замечательная идея, – выдохнул он. – Только... извините мою неуклюжесть... Ведь я даже не знаю, о чем говорить с вами.

Киёко подобралась; взгляд сверкнул озорством.

– Темы найдутся. Вот, например, как правильно исполняется этот приём? – и она рванулась вперёд, нацеливаясь схватить самурая за плечо. Прежде, чем происходящее дошло до его сознания, он уже держал её на руках, завернув ей локти за спину.

– Здорово! – весело воскликнула девушка, даже не пробуя освободиться. – Тэруока-сан, поставьте же меня на землю!

Его стеснительность вдруг улетучилась. Он подмигнул ей.

– А зачем? Так мне нравится куда больше.

Закрывшись в туалете одного из привокзальных кафе, Тагучи Хироси в третий раз за сегодняшний день изменил свою внешность. Снял парик, обнажив коротенький ёжик. Смыл грим с лица; вывернул наизнанку куртку, изменив её цвет с коричневого на сочный зелёный. Рассовал остатки маскарада по карманам и вышел в общий зал.

Заказав бокал пива «Кири», он сел за столик в углу и задумался. Неудача. Сокрушительная неудача. Как девчонка умудрилась увернуться от стрелы, выпущенной почти в упор – и притом защитить клиента? Откуда взялся атаковавший его полицейский? До сих пор он его не видел. Или это случайность? Ведь камеры наблюдения были отключены... Но больше всего настораживала чёрная тень, в последний момент возникшая на дороге. Лишь обострённый инстинкт самосохранения спас его, позволив вовремя затеряться в переходах. Тагучи не рискнул разглядывать неизвестного; он чуял нутром, что тот опасен не менее самого Саннинмэ.

Главный вопрос: как быть? Доложить о своей самодеятельности и провале? Перспектива неопределённая. Не докладывать? Если Саннинмэ узнает все из другого источника, не успеешь и завещание написать. Кроме того, новая информация пригодится в дальнейшем.

А ведь всё начиналось не так уж плохо. Расставив засады в ключевых точках Осаки, Тагучи решил пока подойти к проблеме с другой стороны – и вскоре вычислил, кому могло понадобиться защищать Ферье. Обычная конкуренция спецслужб... И, разумеется, дело не обошлось без наблюдателей. Следить за ними было заметно проще, чем применяться к безумным выходкам охранницы француза.

Однако удовольствие длилось недолго. Вскоре наблюдение сняли. Интересно, с чего бы. Или эта особа и полковниками крутит как хочет? Откуда она вообще взялась? Теперь уже ясно, что все её эскапады – серьёзно продуманная стратегия. Весьма эффективная, надо признать. Но как её просчитать?

– *Сумимасен*, – извинился представительный мужчина с проседью на висках, задевший полый пиджака его столик. Прошёл мимо и расположился у дальней стены, более не глядя в его сторону.

Тагучи невольно сжался. Значит, его судьба уже решена. Рядом с его бокалом лежала визитка на имя некоего Иосикавы Сигэхиро. На обороте значилось: «№ 505, отель «Гранвиа», 18.10».

Он покосился на часы. 16.05. У него осталось двадцать минут, чтобы допить своё пиво. Потом надо ехать – и доложить все как есть. Иного выхода нет.

К величайшему облегчению Ольги, в поезде Ферье почти сразу заснул, избавив её от необходимости демонстрировать остроумие. На всякий случай удостоверившись в отсутствии опасности, она устало закрыла глаза, сосредотачиваясь на дыхании. Сейчас ей осталось лишь положиться на Кацумото, сидевшего в том же вагоне через два ряда от них.

Ей повезло, что отравленная стрела зацепила её только вскользь. Тетродотоксин в 40 раз сильнее знаменитого яда кураре, и попадание в любую часть тела гарантировало бы ей скорую смерть. Даже ничтожная доза, попавшая в кровь, едва не вывела её из игры. Спасла природная устойчивость организма – и своевременные инъекции стимуляторов. Интересно, почему до сих пор никто не изобрёл к нему противоядия?

Тело девушки всё ещё не принадлежало ей до конца. Кожа была холодной, одеревеневшей, начисто лишённой осязания; любые движения давались только через силу. Закупившись у проводницы энергетическими напитками и минералкой, Ольга пила банку за банкой, досыпая туда сахар из заваливавшихся в кармане бесплатных пакетиков, полагающихся к кофе. Пакетиков оказалось подозрительно много. Наверняка опять постарался «глава делегации». Вкус, вероятно, получался ужасным, но россиянка и его не чувствовала.

Большая часть пути прошла, как в тумане. Ольга по большей части полулежала в кресле, заставляя себя дышать равномерно. Пару раз Кацумото будто случайно сталкивался с ней у туалета, незаметно делая очередную инъекцию. Поначалу казалось, что все безрезультатно; но постепенно кора оцепенения начала истончаться. Мускулатура расслабилась, ожила; работа лёгких уже не требовала сознательного контроля. Последней вернулась болевая чувствительность. Ольга невольно пожалела об этом, усилив воли отстраняясь от нестерпимого жжения в безжалостно располосованном боку.

К станции Нара её состояние было уже вполне адекватным. Конечно, лишь через полные сутки опасность минует полностью. Однако отлёживаться некогда.

– Смотрите, олень! – воскликнул проснувшийся Ферье, указывая за окно. У ограждения железной дороги действительно мелькнул молодой самец с маленькими острыми рогами, силящийся обогнать поезд.

– Видимо, убежал из парка при храме Тодайдзи, – с улыбкой сообщила россиянка. – Вы на них ещё посмотритесь. На правах священных животных они тут бродят где вздумается.

– Правда? Вот забавно...

Ольга безмятежно прикрыла веки. По-детски восторгавшийся всем подряд француз сейчас ничем не напоминал не то что шпиона – даже сколько-нибудь серьёзного человека. Поразительно, как легко оказалось подавить его профессиональную расчётливость, привычку собирать и анализировать информацию, распоряжаясь ею с выгодой для себя.

В жёстком дельце, который приехал в Японию ради очередного шантажа, неожиданно воскрес юный романтик из Гаскони, когда-то занявшийся шпионажем в поисках приключений. Впрочем, медаль оказалась не без обратной стороны. Новому Ферье были чужды и скепсис, и элементарная осторожность. Происшествие на вокзале он счёл досадной случайностью, не имеющей к нему отношения... и, похоже, его не смутила нелепость предложенных объяснений. Хотя, возможно, она не совсем справедлива...

– Мари, а в нашем вагоне, случаем, нет тёмных личностей? – загадочно прошептал француз, толкнув Ольгу под локоть.

– Нет, – спокойно отозвалась та.

– А это? – он указал на два ряда вперёд, на неподвижную фигуру в чёрной одежде.

Девушка невольно рассмеялась. Кацумото и впрямь как никто подходил под определение «тёмной личности». Одного его взгляда достаточно, чтобы перепугать до полусмерти. А уж если доведётся познакомиться с ним поближе...

Она шевельнула ладонью. Красная точка возникла на затылке самурая, дрогнула и погасла.

- Видите? – Ольга спрятала лазерную указку. – Мой амулет не причиняет ему вреда. Француз покачал головой... но тут же расплылся в усмешке:
- Вероятно, это надёжный способ определить, кто есть кто.
- О да. Я ему доверяю, как себе самой.

Лёжа в ячейке капсульного отеля, Тамура сумрачно изучал экран своего наладонника, перечитывая сообщение Кацумото. Телевизор он выключил, лампу настроил на режим ночника. Плотной задёрнутой шторой отгораживала его от коридора, обеспечивая тишину и уединение.

Госпожа выживет. В силах продолжать. Найдите пока точки конкурентов, но сами туда не ходите.

Значит, Селинова-сан всё-таки ранена. «Из-за меня, – хмуро подумал инспектор. – Я должен был остановить его». Но пропуски тренировок сыграли роль. Кроме того, он недооценил противника – и в итоге упустил.

Кацумото не стал тратить время на упрёки, приказав ему заняться поиском позиций киллеров в Осаке. Даже счёл нужным предупредить, чтобы он ограничился их обнаружением, не влезая в логово тигра. До сих пор за ним такого не замечалось... Неужели ситуация настолько серьёзна?

На экране мигнул значок нового письма. Норимори.

Тетродотоксин. Но ей досталось немного. Через сутки будет в порядке. Против нас около 10 человек во главе с Саннинмэ. Он ещё не брался за дело лично, но все к тому идёт.

Тамура в недоумении потёр бровь. Имя – или прозвище – не говорило ему ничего. Он послал короткий вопрос:

Кто?

Норимори ответил:

Один из лучших убийц в стране. Будьте осторожны.

Инспектор беззвучно выругался. Профессия полицейского не впервые ставила его в дурацкое положение. Даже став одним из старших учеников Генкай-рю, он оставался в ней сторонним человеком. Подчас ему не сообщали даже о том, что было прекрасно известно всем остальным. Конечно, они заботятся, чтобы он мог сохранить верность присяге... «Но ты уже нарушал её, – мысленно съязвил Тамура. – Ты давно определился, какая из клятв для тебя важнее». А в данный момент он вынужден охотиться втёмную, почти не имея информации о противнике. Хотя Норимори и Кацумото, похоже, кое-что знают... Ладно. К чему сожаления? Возможно, в ближайшие дни смерть избавит его от неопределённости.

Вот Селиновой действительно не позавидуешь. Как защитить её? Он щёлкнул кнопкой, переключаясь на карту Осаки. Большую часть позиций убийц отыскать несложно. Где бы он сам попытался перехватить Ферье?

Впрочем, это не самое главное...

Двухместный номер отеля «Санраут» неприхотливой Ольге казался дворцом. Не поддаваясь расслабляющему комфорту, она устроилась на ручке кресла, чтобы быстрее вскочить, если понадобится. Ферье же развалился на диване, ни о чем не заботясь.

– А вы бывали в Париже, Мари?

– Да. Только очень давно.

– Когда же?

– В 1814 году. С войсками царя Александра.

Ферье, заплутавший между реальностью и абсурдом, почти не удивился её заявлению. Только заметил:

– Для столь почтенного возраста вы удивительно хорошо сохранились.

Ольга рассмеялась.

– Дорогой Жан, тогда я был здоровенным гренадёром по имени Юрий Иванов. И интересовался не столько Парижем, сколько парижанками. Помню там одну очаровательную кошечку... – в её голосе вдруг появились откровенно мужские интонации. Она причмокнула и усмехнулась, словно в усы. – О боже, что она вытворяла в постели! А ведь до первой чарки казалась скромницей... Потом она всё рвалась ехать со мной в Россию. Кстати, её тоже звали Мари.

Француз возрился на собеседницу, будто желая удостовериться в её женской природе.

– Тело – лишь инструмент, – Ольга грациозно потянулась. – Оно меняется.

– Значит, вам... Сколько же вам лет?

– Не знаю. Я помню около девятисот.

Француз не сводил глаз с ноги девушки, которой она рассеянно покачивала.

– Конечно, я инопланетянин, – выдохнул он наконец, – но вы так красивы и необычны...

Признаюсь, вы меня возбуждаете.

– Жан, а вам не кажется, что коснувшись меня, вы потеряете тайну? Если хотите, могу приоткрыть вам маленький краешек. Женщины, которую вы полюбили, на самом деле не существует. Я – всего лишь ваша иллюзия... морок... сон... Спать, я сказала!!!

Ольга не слишком хорошо владела эриксоновским гипнозом, но внезапность атаки возымела действие. Ферье едва заметно вздрогнул; его лицо странно расслабилось, словно оплыл.

– Спите. Вы будете спать, пока я не прикажу вам проснуться. Вы будете видеть сны. Вам приснится бурная ночь с сексуальной, очень красивой девушкой... – негромко начитывая необходимые формулы, россиянка сняла с него одежду и уложила в постель. Тот подчинился её рукам с детской покорностью. Укрыв его одеялом, она выключила верхний свет и устало повалилась в кресло. У неё невыносимо болел бок, сознание заволакивало туманом, но ещё нужно было позвать сюда Кацумото и переговорить с ним. Открыв экран своих «шпионских» часов, она переключила его на режим виртуальной клавиатуры и набрала одно слово: «Жду».

Через минуту дверь номера щёлкнула. Кивнув россиянке в ответ на её поклон, самурай указал ей на дверь ванной и прошёл туда следом, прихватив принесённую с собой спортивную сумку. Ногой отбросил в сторону пушистые коврики, лежавшие на полу.

– Раздевайтесь. Лучше донага – будет удобнее.

Ольга молча повиновалась. Забравшись на поддон душа, она потянулась к узлу повязки. Кацумото отрицательно качнул головой:

– Уберите руки. Я всё сделаю сам.

По-прежнему не говоря ни слова, она прислонилась к стене и подставила ему бок. Едва Кацумото снял бинты, из раны снова потекла кровь.

– Неплохо. Ожога нет, – констатировал он. – Я обработал разрез кислотой, чтобы быстрее нейтрализовать яд.

Включив душ, он долго промывал рану ледяной водой. Ослабевшей Ольге стоило изрядных усилий сдерживать дрожь, сохраняя подобающую неподвижность. Боль ещё ладно, но

холод... В конце концов самурай заметил её посиневшие губы. Открыв горячий кран, он направил струю ей на ноги.

– Могли бы и попросить, чтобы я сделал воду теплее.

«Вас?» – удивилась девушка.

– У меня есть репутация, – сказала она вслух.

Кацумото не ответил. Достал из сумки хирургический набор, протёр разрез перекисью и принялся зашивать.

Ольга с пониманием глянула на него. Он тоже подчас оказывался заложником своей ужасающей репутации – в тех случаях, когда проявлял хоть что-то человеческое.

Закончив, он закрыл краны и знаком велел ей выпрямиться. Аккуратно перевязал; сунул в руки полотенце.

– До сих пор вы имели дело с учеником, – сказал он, упаковывая инструменты. – Но с учителем вам не справиться. А тому подчиняются ещё восемь-девять «шестёрок», причём отлично организованных.

Россиянка вытерлась, набросила через плечо потайные ножны с танто и завернулась в свой алый шёлковый пеньюар, заранее повешенный в ванной.

– Я попробую остановить его, – продолжал Кацумото. – В случае моей гибели ваша задача остаётся прежней. Вы меня поняли, госпожа?

– Я готова умереть, если вы об этом, – спокойно ответила Ольга. – Но вам не кажется, что вы повторяете ту же ошибку, которую сделали тогда на игре «Тайра и Минамото»?

– Нет. Наблюдатель останется с вами. А мне сейчас лучше охотиться в одиночку. Возможно, я не успею добраться до самого Саннинмэ, но подготовлю почву к вашему появлению.

– Саннинмэ? Третий? Странное имя.

– Это не имя. Когда-то он входил в тройку лучших убийц Японии.

– Значит, есть ещё Второй и Первый?

– Ну, что до Первого, он давно мёртв.

– Ясно. А кто Второй?

По губам Кацумото скользнул намёк на усмешку.

– Я.

Мацусита лежал на кровати, от обилия навесных конструкций напоминавшей металлического паука. Его многострадальные ноги, во многих местах пронзённые фиксирующими спицами, почти терялись в сложной системе подставок и подвесок. Позвоночник тоже был зажат в сталь и титан, походя сейчас на гребень рептилии. Правда, пока этот гребень скрывала прорезь, сделанная в жёстком матрасе.

Обезболивающие притупляли чувствительность, но не до конца. Пытаясь отвлечься от ломоты во всём теле, Мацусита угрюмо размышлял о своей дальнейшей судьбе.

Сегодня утром он с трудом отделался от полицейского, которого интересовали обстоятельства его падения. Ему пришлось официально расписаться в случайности происшедшего... Чёрт бы их всех побрал! Заикнись он о том, что было на самом деле, его наверняка сочтут сумасшедшим. Зато Саннинмэ поверит – и тут же прихлопнет.

Денег он теперь точно не получит. Больше того, лечение сожрёт все его сбережения. Ему повезёт, если...

В палату заглянула медсестра.

– Мацусита-сан, к вам посетитель.

– Кто? – хрипло уточнил он.

– Ваш коллега по работе, Иосикава-сан.

– Коллега... – по спине Мацуситы вдруг пробежал холодок. – Хорошо.

Медсестра скрылась, и в дверь шагнул Саннинмэ. Невольно побледнев, убийца произнёс:

– Добрый день.
– Возможно, – тонко улыбнулся посетитель. – Как здоровье?
– Спасибо, все нормально...
– Значит, это была случайность?
– Да, – Мацусита заставил себя говорить уверенно. – Случайность.
– В таком случае, где ваш разрядник?
– Разрядник? – тупо переспросил он. И только тут сообразил, что у полиции не было к нему претензий. Следовательно, в его вещах не нашли ничего предосудительного.
– Наверное, я его выронил, когда падал.
– Нож вы тоже выронили? Удивительная удачливость, не так ли?
– Вы полагаете... я нарочно прыгнул с обрыва?
– Думаю, вас оттуда сбросили, предварительно обезоружив. Но всё-таки позаботились оставить вам жизнь. Чем же вы заслужили такое благоволение?

Потрясённый пронизательностью Саннинмэ, Мацусита лихорадочно пытался придумать выход из положения.

– Это была случайность... – повторил он уже без надежды.

Цепкие пальцы схватили его за запястье. Внимательно осмотрев кожу на руке подчинённого, Саннинмэ быстро нашёл характерные ссадины: следы от веревок.

– Кто они? Что вы им рассказали? Вам лучше говорить правду, Мацусита-сан.

– Я... говорю правду.

Саннинмэ извлёк откуда-то шприц.

– Значит, вы нуждаетесь в дополнительной инъекции.

Мацусита понимал: это конец. В отчаянии он ударил свободной рукой по кнопке вызова медиков:

– Помогите! Мне плохо!

Саннинмэ неожиданно отпустил его.

– Хорошо, я дам вам отсрочку, Мацусита-сан. Но ненадолго. Подумайте, что мне сказать в следующий раз. – Он с обеспокоенным видом повернулся к врачу и медсестре, вбежавшим в палату: – Надеюсь, там нет ничего серьёзного. Простите, мне не следовало так утомлять его.

– Мы сделаем всё возможное. Но вам сейчас лучше уйти, Иосикава-сан.

– Понимаю, – он сделал общий поклон и удалился.

Вздвигнув, Ольга открыла глаза. Мимолётный взгляд на часы поверг её в ужас. Половина десятого. Она проспала почти в два раза дольше, чем собиралась.

– Доброе утро.

На ковре у дальней стены, скрестив ноги, восседал Кацумото.

– *Охаё годзаимас*, – поклонилась она ему. – Извините меня...

– Вам необходимо было выспаться, – отозвался он, в мгновение ока оказываясь на ногах. – Это я отключил ваш будильник. Нет смысла бродить тут пьяной от усталости.

Пристально посмотрев на девушку, он подобрал свою сумку:

– Всё уже сказано. Прощайте, – и исчез, покинув номер через балкон.

Прикрыв за ним стеклянную дверь, Ольга отыскивала свою одежду. Вчера её хватило только на то, чтобы повесить всё в шкаф на плечики... А ведь надо ещё застирать и зашить пострадавшую вчера блузку. Она достала её... и остолбенела. Блузка оказалась зашитой и чистой. И уже успела просохнуть. Изумлённая до глубины души, Ольга попыталась представить себе Кацумото за стиркой. И поняла, что не в состоянии.

Слегка отойдя от шока, она оделась, привела себя в порядок, подошла к кровати Ферье и негромко скомандовала:

– Проснись!

Тот перевернулся на спину; сладко потянулся и расплылся в блаженной улыбке.

– Бонжур! Это было прекрасно...

– Вам снились приятные сны?

– Ошеломительные! Невероятные! Но... это совсем не походило на сон...

– Вставайте, – засмеялась россиянка. – Нам надо собираться, пока мы не проспали всё на свете. А за завтраком вы мне расскажете, что за экзотика вам привиделась. Если, конечно, о ней подобает слушать приличной девушке... – она проказливо вздёрнула носик и картинно отвернулась, изображая смущение.

Покраснев как варёный рак, Ферье выскочил из постели, неловко завернувшись в простыню, и скрылся в ванной. Ольга хмыкнула, прекрасно зная причину неожиданной стеснительности француза. Судя по состоянию белья, одной красивой женщиной его эротические фантазии не ограничились.

Пока француз плескался, дверь номера кто-то попытался открыть с той стороны. Бесшумно подойдя, девушка отодвинула защёлку. На пороге стоял Норимори.

– Простите, я ошибся номером, – сказал он с виноватым полупоклоном и направился дальше по коридору. Снова заперев за ним дверь, Ольга покосилась на свой пояс. Из-за него выглядывал белый уголок.

Уединившись в туалете, она извлекла послание, написанное карандашом на куске туалетной бумаги. Сам тот факт, что Норимори не рискнул отослать электронное сообщение по трижды перепроверенному каналу, говорил о его серьёзности.

Настоящее имя Жана Ферье – Франсуа Легран. Промышленный шпион, способный на рискованную игру. Имеет при себе компромат на Симаду Осаму, чиновника из Либерально-демократической партии. Причём карьера у того рухнет как в случае, если компромат будет опубликован, так и в случае, если он подчинится требованиям Леграна передать ему ряд документов, имеющих отношение к автобизнесу. Симада интересен многим влиятельным людям, а скандалов в ЛДП хватает и без него. И он заказал убийство. С другой стороны, сам Легран – как живой, так и мёртвый – тоже рычаг политического давления. Поэтому нас и просили его зацеловать. Нашим нанимателям предпочтительней, чтобы Легран совершил своё чёрное дело... Но этого допускать нельзя. Следует сохранить ему жизнь, но сорвать его бизнес-планы. Проще всего уничтожить документы, но он мог подстраховаться и сохранить копии. Постарайтесь прояснить этот вопрос.

Повторив про себя имена, Ольга разорвала бумагу и смыла в унитаза. Ферье уже вылез из ванной и прыгал на одной ноге, натягивая брюки:

– Какие у нас планы на сегодня?

– Перекусим, потом прогуляемся до храма Тодайдзи. Там находится одна из величайших статуй мира – бронзовый Будда высотой 15 метров и весом около 500 тонн. Отлита в VIII веке. Удивительная скульптура.

– Я её однажды осматривал, – вздохнул француз, внезапно погрузнев. – Но... не обратил внимания. Знаете, Мари, теперь мне кажется, что до встречи с вами я вообще не жил.

Статуя Будды действительно поражала воображение. Каждый палец гигантской фигуры был больше, чем рост человека. Древние мастера собирали бронзу со всей страны, чтобы отлить её. И сумели передать массу деталей: кудрявые волосы, складки на одежде, черты лица...

Впрочем, Ферье куда больше заинтересовало узкое отверстие у основания несущей колонны, отполированное до блеска. Пока он смотрел, туда со смехом пролезли трое детей разного возраста. Следом прополз худощавый мужчина в пиджаке.

– Что это значит? – поинтересовался француз.

– Отверстие по диаметру равно ноздре статуи. Считается, что тот, кто сумеет сквозь него просочиться, достигнет счастья и просветления. Поэтому все, кто более или менее подходит по комплекции, обязательно пробуют. Правда, некоторые застревают.

– Я точно не пройду, – посетовал Ферье, погладив себя по животику, выдающему в нём гурмана. – А можно достичь просветления каким-нибудь другим способом?

– Конечно. Например, постричься в буддийские монахи. Но это вам тоже не подойдёт, – она лукаво подмигнула спутнику. – Остаётся разве что распевать «*Наму Амида буццу*».

– Слава Будде Амиде? Это, кажется, обычай, принятый в секте Дзёдо?

– Ну, да. Если со страстной верой на всех углах повторять имя Будды Амиды, он заберёт вас прямо в Чистую Землю. И совершенно не важно, чем вы занимались на земле грешной. В прошлом целый ряд кланов ниндзя принадлежал к этой секте. Они даже умудрялись жить при монастырях.

– Забавно. Каких только уловок на Востоке не напридумывали...

– Думаете, христиане Европы вели себя иначе? Один тезис «не согрешишь – не покаешься» чего стоит... Были ещё индульгенции, крестовые походы, охота на еретиков, превратившая заповедь «не убий» в лозунг: «Убивайте всех, Господь узнает своих!» В России до сих пор периодически освящают то «Мерседесы», то истребители. Пожалуй, лишь ядерные боеголовки пока не додумались освящать...

Ферье задумчиво покивал.

– Человеку хочется благополучия, независимо от того, насколько порядочно он поступает. Да и кто в наши дни думает о порядочности? Лишь бы наружу чего не выплыло... Хорошо говорят азиаты: нельзя, но если никто не узнает – то можно.

«На чём вы и построили свой маленький бизнес», – подумала Ольга. Но вслух сказала совсем другое:

– Достойных людей много больше, чем вы считаете.

– Хотелось бы верить... – протянул француз. – Но я знаю по опыту: поскребите любого, и обязательно найдёте какую-нибудь грязь.

– А ещё – благородство, доброту, чуткость... Вопрос в том, что интересует вас. С чем вы сами подходите к встречным и чего ждёте от них? В какую сторону вы изменяете окружающих – в лучшую или в худшую? Мир вокруг вас таков, каким делаете его вы.

Страстная убеждённость, звучавшая в её словах, зацепила Ферье.

– Неужели вам никогда не приходилось защищаться? Вас не обманывали, не предавали, не подставляли ногу? В том числе и друзья?

– Вы могли бы меня предать? – с улыбкой спросила девушка.

– Я? – он воззрился на неё так, словно его огрели пыльным мешком. – Но... как?.. зачем?..

– Раз не можете вы, и другие вряд ли смогут, – безмятежно попытожила россиянка. – Конечно, рядом со мной живут далеко не святые. Однако я не копаюсь в их нижнем белье, а заставляю стать сильными и счастливыми. Именно заставляю, – добавила она с весёлой многозначительностью. – Обычно получается. Не потому ли здесь так много света?

Ольга сошла с храмовой галереи и протянула ладони навстречу солнечным лучам, золотыми веерами рассыпанным в ветвях деревьев.

Невысокий мужчина в синей спецовке, с пластиковым саквояжем в руках вошёл в одну из подсобок осацкого вокзала. Там не было ни души. Удовлетворённый этим фактом, он запер за собой дверь и направился к непримечательному углу в дальнем торце помещения.

Вынув одну из облицовочных панелей, он обнажил нишу, в которой змеились разноцветные провода. Очень удобно, когда всю информацию можно вот так получать в одном месте. Если бы только «жучок» не начал барахлить... Раскрыв саквояж, он достал миниатюрную

отвёртку и вытянул из общего клубка толстый чёрный кабель. Именно по нему видеокамеры на перронах передавали данные в сектор безопасности.

Ощупывая его, мужчина никак не мог найти бугорок, скрывавший установленный им передатчик. Присмотревшись, он понял, что сюда недавно заглядывали: несколько проводов оказались скрепленными небольшими металлическими скобками. Скорее всего, одна из них и повредила «жучок»... Продолжая скользить пальцами вдоль кабеля, он аккуратно снимал их и складывал в карман. До тех пор, пока не зацепил предпоследнюю.

Тонкая латексная перчатка нисколько не защитила его от удара тока. Конвульсивно сжавшаяся рука словно приклеилась к скобке и силовому кабелю с содранной изоляцией, невесть как извлеченному из стены. Дергаясь, будто в припадке, он с нечленораздельным воплем попытался отшатнуться назад, вырваться из смертельной ловушки...

С искажённым лицом и обугленной правой ладонью его тело рухнуло на каменный пол.

Глубокой ночью усталый Тамура возвращался к себе. Остаться в привокзальном капсульном отеле дольше одной ночи он не рискнул, предпочтя снять номер в третьеразрядной гостинице неподалёку. К сожалению, сегодня мало что удалось выяснить. Служебные помещения вокзала весь день напоминали растревоженный улей. В одном из тех помещений, где согласно карте вокзала есть доступ к сети слежения, обнаружили труп постороннего. С точки зрения логики, это был кто-то из их противников. Но отчего он умер?

Свернув за угол, инспектор насторожился, почуяв опасность. Фонари здесь располагались довольно редко, но он различил лестницу вниз и полуоткрытую дверь в подвал ближайшего дома. Он напряг зрение... и едва успел защититься от атаки, последовавшей совсем с другой стороны. Впрочем, своей цели напавший достиг, загнав его на лестницу. И останавливаться не собирался. Тамура яростно сопротивлялся, но у незнакомца было явное преимущество в позиции – и в искусстве. Хладнокровно нанося удар за ударом, тот заставлял его отступать всё ниже. Не имея другого выхода, полицейский отпрыгнул назад, миновав последние две ступеньки, и спиной вперёд кувыркнулся в подвал, готовый к схватке с засадой, наверняка поджидавшей его.

Однако там никого не оказалось. Только плотная, почти осязаемая темнота. Поднявшись на ноги, он услышал лишь собственное дыхание. Его противник с почти оскорбительной неторопливостью вошёл следом и закрыл за собой дверь.

– Я второй раз ловлю вас на этом, – голос Кацумото прозвучал так ровно, словно минуту назад он не дрался, а пил чай у себя на веранде. – Окажись на моём месте Саннинмэ, ваши шансы были бы невелики. Доложите обстановку.

– Пока данных немного, – отозвался инспектор, заставив себя проглотить унижение. – Видел на вокзале четверых, похожих на наших клиентов. Со значительной степенью вероятности могу указать окна их ставки. Скорее всего, это кто-то из них погиб сегодня на нижнем уровне. Но что там стряслось конкретно, не знаю. Испытывать терпение службы безопасности сейчас не очень разумно. Они всю террористов разыскивают...

– Конкретно – парня шарахнуло током, когда он заменял «жучок».

– Из информационного кабеля?

– Из силового.

– Но ведь они лежат в разных пучках...

– Это дело поправимое.

Тамура невольно напрягся. Ничего определённого не прозвучало, но всё ясно и так...

– Теперь у нас на одного врага меньше, – продолжал Кацумото. – А у них – серьёзные проблемы с дальнейшим наблюдением.

– Не может ли быть...

– Не может. Саннинмэ выследит их, так или иначе.

– Кто он такой? Я ничего не знаю о нём.

Кацумото медлил, не спеша отвечать.

– Вы мне не доверяете, – констатировал Тамура, борясь с закипающим раздражением. – Господин послал меня к вам на помощь, но чем я вам помогу, когда не ориентируюсь в обстановке? У меня нет информации ни о противнике, ни о ваших планах и действиях, ни о своих задачах. Я готов стать пушечным мясом, но хотя бы дайте мне цель!

Гневная тирада прозвучала, словно в пустоту.

– Однажды я уже исполнял долг кайсяку для человека, не пожелавшего переступить через свою присягу, – бесстрастно произнёс Кацумото. – И не стремлюсь оказать вам ту же услугу.

– Позвольте мне самому разобраться в моих обязательствах.

– До сих пор вам удавалось балансировать между ними, но в данном случае не получится. То, чем мы сейчас занимаемся, далеко выходит за рамки закона.

– Мы вроде работаем на официальную структуру, – инспектор мрачно хмыкнул. – А мне не впервой на многое закрывать глаза. Разве можно назвать законными наши схватки насмерть? Ради школы и господина я пойду даже на преступление.

– Тот человек сказал: «Если я плюну на одну клятву, где гарантия, что я так же не плюну и на вторую?»

– Вы обвиняете меня в ненадёжности? – очень спокойно спросил Тамура. – Странный способ продлить мне жизнь.

Его порыв погасил холодный, почти потусторонний смешок.

– Не сомневаюсь в вашей решимости. Но до какой степени я могу на вас полагаться? Одно дело – не замечать определенных сфер деятельности. Другое – активно участвовать в них. Весьма вероятно, вы быстро сочтёте это несовместимым со статусом полицейского. Что тогда?

– Стоять в стороне, оберегая свою невинность, ещё хуже. Самурай не должен прятаться ни от грязной работы, ни от ответственности. Я подчинюсь любым вашим распоряжениям.

– Любым?

– Думаю, вы не отправите меня резать младенцев, – инспектор вымученно улыбнулся. Впрочем, в темноте этого всё равно не было видно.

– Младенцев – нет, а взрослых – вполне возможно. Повинуетесь?

Тамура вздохнул.

– Да.

Белой звездой вспыхнул экран сотового телефона. Мгновением позже на нём появилось лицо. Резкое, трапециевидной формы. Впрочем, его угловатость скрадывали округлые щёки и толстая шея. Стандартная мужская стрижка; на висках – намёк на седину.

– Саннинмэ выглядит примерно так. Если не изменит внешность. Рост средний, комплекция тоже. Уровень подготовки... считайте, что не хуже, чем у меня. Однако он предпочитает современные средства. Высококласный профессиональный киллер. В начале операции имел порядка десяти человек подчинённых, но двое уже в минусе. Из оставшихся пара – чистые техники, два или три – просто боевики. Но по меньшей мере один заслуживает пристального внимания.

– Атаковавший?

– Он.

Кацумото тронул кнопку на телефоне, сменив картинку.

– Это заказчик, – он кивнул на фотографию Симадэ Осаму. – Объект неизбежно нанесёт визит в его офис. Подходы нужно заранее подготовить. То же самое касается аэропорта.

– Ясно. Сколько у нас времени?

– Не более пары дней. Он улетает в следующее воскресенье. Рейс на 14.30, Кансай. Так что вскоре ему придётся вспомнить о цели поездки.

При тусклом свете экрана Кацумото с минуту рассматривал примолкшего Тамуру. Потом убрал аппарат, снова погрузив подвал во мрак.

– Ладно. Смените форму на гражданскую одежду – вы, кажется, в отпуске. Завтра посетим офис заказчика и продолжим сокращать количество «шестёрок». Собственно, убивать их не обязательно. Достаточно вывести из игры. Буду рад услышать от вас парочку вариантов.

– Должно быть, именно так выглядит памятник человеческому интеллекту.

Прямо перед Ферье и Ольгой подвыпивший турист, встав на четвереньки, самозабвенно бодался с оленем. Рога животного были спилены, но оставшихся пеньков хватило, чтобы украсить лоб туриста парой внушительных ссадин. Впрочем, тот, похоже, ничего не замечал, с сопением продолжая трудиться. Его шумно подбадривали приятели, толпившиеся вокруг.

– Интересно, кому надоест первому? – шепнул Ферье.

– Оленю, конечно, – пожала плечами Ольга. – Он самый умный в этой компании.

И точно. Внезапно отпрыгнув назад, зверь фыркнул и потрусил в сторону. Принюхался; полукругом подошёл к россиянке и требовательно посмотрел на неё.

Девушка рассмеялась. У неё ещё оставалось солёное печенье, купленное как раз для кормления местной священной живности. Разломив его пополам, она протянула ему кусочек. Он без тени сомнения схватил угощение и молниеносно сжевал. Потом попытался выхватить у неё из рук второй кусок.

– Не балуй, – она ласково хлопнула его по носу. К изумлению стоявшего рядом француза, олень немедленно вспомнил о хороших манерах – и вежливо дождался, когда ему протянут другую половину печенья.

– Всё, больше нет, – Ольга почесала его за ухом. Тёмно-карие глаза снова придирчиво обследовали её на предмет наличия угощения. Потом олень топнул копытом и направился к небольшой группе себе подобных, возлежавших на жухлой траве под деревьями.

Побитый им турист бумажной салфеткой размазывал по лбу кровь. Тем не менее вид у него был крайне довольный. Его спутники обменивались шутивными замечаниями.

– Как тут мирно, – Ферье двинулся дальше, неожиданно впав в задумчивость. – Парки, храмы... Пруд Сарусава... А эти гуляки так беззаботны! Я бы не смог так...

– Я тоже, – Ольга опять одарила Ферье весёлой улыбкой. – Мне столько не выпить. Хотя они живут полной жизнью... по крайней мере, сейчас.

Он грустно вздохнул.

– Скажите, Мари, вы... всегда счастливы?

– Всегда, – кивнула она. – Подчас это нелегко, но я справляюсь.

– И так могут все?

– Конечно.

– Знали бы вы, как мне не хочется возвращаться.

Девушка покосилась на собеседника.

– Жан, вам ничто не мешает плюнуть на свой Альтаир – и остаться на Земле. Оборвать одну судьбу и начать новую. Махнуть рукой на здравый смысл, на связи и деньги, вообще на всё, – и поступить так, как требует сердце. Если бы царевич Сиддхартха был привязан к своему месту в обществе, он никогда бы не стал Буддой.

– Все так, но... максимум послезавтра мне придётся поехать в Осаку. Сказка закончится. Я позабуду и про Альтаир, и про Землю, – и займусь повседневной рутинной. Я постараюсь забыть и о той надежде на счастье, которую вы мне дали – ведь это обычная слабость. Меня сожрут живьём, если я её проявлю.

– Будет куда печальней, если вы её не проявите, – спокойно сказала Ольга. – Тогда вы обречены. Ваш единственный шанс состоит в том, чтобы остаться в сказке.

– Случайность? – переспросил Саннинмэ с мрачной издёвкой. – Не большая, чем падение Мацуситы со скалы. Вы проследили за нашими техниками?

– Да. Они беспрепятственно сделали всё, что им поручили. Наблюдение за перроном полностью восстановлено. Ничего подозрительного я не заметил.

– Похоже, приманка была слишком явной. Кто следит за камерами?

– Накагава и...

– Уберите их отсюда. Немедленно.

Тагучи не сумел сдержать удивления.

– Мне не нужны дальнейшие «случайности», – сухо пояснил Саннинмэ.

Коротко поклонившись, убийца набрал номер Накагавы. Гудки. Беззвучно выругавшись, он повторил звонок.

– Не отвечают. Позвольте мне проверить, в чём дело...

– Нет.

Тагучи молча ждал дальнейших распоряжений. Чем дальше, тем меньше он понимал, что происходит. После провала на киотском вокзале он ожидал сурового наказания. Но получил едва ли не повышение. Теперь босс постоянно держал его рядом с собой, хотя и запретил ему всякую самостоятельность. Он и мечтать не смел о такой возможности... хотя не исключено, что радоваться здесь нечему. Окончательно его участь прояснится после конца операции.

Но работать с Саннинмэ оказалось непросто. Он постоянно корректировал собственные приказы, изменял тактику в зависимости от ситуации, заставлял заниматься массой вещей, не относящихся к делу. Их действия выглядели не единым целым, а какой-то абсурдной мозаикой. Куда она заведёт?

Сейчас Саннинмэ всматривался в экран ноутбука. Его ноздри дрогнули, выдавая скрытую ярость.

– Они оба в инфекционной больнице. Их скрутило около часа назад. Симптомы похожи на тяжёлую форму дизентерии.

– Отравление?

– Разумеется. Хотел бы я знать, чего они умудрились нажраться. Это ещё не все хорошие новости, Тагучи-сан, – с нажимом продолжил он. – Иноуэ тоже в больнице – с переломом лодыжки и травмой шеи. А Ямасиро в реанимации. По данным «жучков», его прямо в квартире изорвал внезапно взбесившийся домашний бульдог. Отбиваясь, тот уложил его из разрядника, так что вопросы полиции неизбежны. На момент происшествия рядом не было никого постороннего. Остальные, кажется, ещё целы. Я велел им всем срочно собраться здесь.

Он пробежал пальцами по клавишам, и на экране компьютера появилось лицо. Человек был очень молод, но даже на фотографии от его бесстрастных глаз веяло смертью.

– В Японии не так много людей, способных устроить нечто подобное. Не его ли вы встречали в подвалах вокзала?

– Не знаю. Я не успел его рассмотреть.

– Запомните. Сделайте копию и покажите всем. То же самое касается фоторобота полицейского, с которым вы дрались.

– Кто он? – Тагучи кивнул на фотографию. И не опустил головы под испытующим взглядом.

– Когда-то его называли Вторым, – прозвучал ответ. – Он давно себя не проявлял. Я уже начал верить, что Футаримэ мёртв. Однако...

– А его настоящее имя?

– Несомненно, оно у него есть.

Тагучи проглотил следующий вопрос. Третий... Второй... От этой нумерации попахивало жутью. Уж лучше фальшивые имена, чем такое...

– Уцелевшая четвёрка будет ночевать тут до конца операции, – прервал Саннинмэ его размышления. – Не оставляйте их без внимания ни на секунду. Вы за них отвечаете. А сейчас мы займемся базовой схемой действий.

Закинув руки за голову, Тамура валялся на кровати. Сон не шёл. Он пробовал медитировать, но не сумел сосредоточиться. Такое случалось с ним едва ли не впервые. В сознании мелькали картины минувшего дня: беседа с разносчиком бэнто, бульдог, сорвавшийся с поводка, Кацумото с приманкой, тонкий прозрачный провод поперёк ступенек, хруст позвонков под пальцами, ужас и боль на лице жертвы...

Итак, он это сделал. И сделает снова, если понадобится. Не колеблясь, искалечит или убьёт указанного человека, не дав ему ни малейшей возможности защититься. Видели бы его коллеги!

«Ну и чем ты теперь отличаешься от тех, за кем охотишься?» – ядовито спросил себя инспектор. Тем не менее сожаления он не испытывал. Было отвращение. И... удовлетворение. Почему?

«Потому что я верю, – честно признал Тамура. – Пока ещё верю... учителю. Ошибаюсь я или нет?»

Сквозь размышления прорвалось чувство опасности. Не зажигая света, инспектор бесшумно поднялся и отошёл к стене, в тень холодильника, выдавшего виды и довольно громко ворчащего.

От окна пахло уличным воздухом. Не высовываясь, он покосился в другую сторону, на зеркало, укреплённое на дверце шкафа. В отсветах городских огней чернел силуэт плотного широкоплечего мужчины. Быстрым движением неизвестный кинул в комнату пригоршню каких-то маленьких шариков. И исчез. Мгновением позже за стеклом мелькнула падающая верёвка.

Тамура отделился от стены, нащупывая в кармане фонарик. Нужно поближе рассмотреть...

– Замрите!

Он повиновался, почти не удивившись своевременному появлению Кацумото. Не заходя в комнату, тот протянул руку и щёлкнул выключателем. На потолке вспыхнули маленькие лампочки, залив комнату неярким светом. Потом из прихожей вылетело мокрое полотенце, с завидной меткостью накрывшее самую крупную группу загадочных горошин. За ним последовали ещё два полотенца и три носка. В итоге остался открытым один-единственный шарик, закатившийся за ножку стола. Тогда Кацумото с порога прыгнул на диванчик, стоявший в углу, позаботившись заслонить лицо полой пиджака. И с новой позиции метнул четвёртый носок, ни на волос не промахнувшись. Пять минут он насторожённо стоял, жестом приказав инспектору оставаться на месте. Наконец, очень мягко сошёл с дивана и стал рыться в своих вещах.

Тамура стойчески продолжал изображать статую. Тишина была густой и вязкой, как патока. Кацумото достал металлическую коробку, оказавшуюся переносным сейфом, и пару длинных поварских палочек с латунными наконечниками. Действуя ими как пинцетом, он осторожно собрал все шарики, подцепляя их исключительно через ткань. Лишь последний чуть приоткрыл и сжал сильнее обычного. Серая горошина тут же ошетибилась тончайшими иглами. Помедлив секунду, Кацумото странно, со всхлипом вздохнул и, задержав дыхание, рухнул на пол, в падении снова накрыв её тряпкой. Инспектор невольно вздрогнул, хотя и видел, как он поднимается и запирает предательскую вещь в свой сейф. Имитация смерти от отравления была почти совершенной.

– Скорее всего, не купится, – хладнокровно констатировал Кацумото. – Но попробовать стоит. Заметьте, он нашёл нас без всяких датчиков.

– Что это за штуковины? – уточнил Тамура.

– Камера, микрофон, пружинные микроиглы, стационарные или стреляющие. Изредка взрывчатка. В общем, современный аналог старого доброго «чеснока». Осторожнее! – резко предупредил он, когда инспектор потянулся к тряпкам, раскиданным на полу. – Подцепите их чем-нибудь, отнесите в ванную и тщательно промойте струёй горячей воды. Просто на всякий случай.

Тамура кивнул и занялся уборкой. При этом он тихонько улыбался.

– Вы находите в ситуации что-то забавное? – осведомился Кацумото, придирчиво обследуя подоконник.

Улыбка инспектора стала смущённой. Он вздохнул:

– Наверное, я должен сказать спасибо нашему законному гостю. Он избавил меня от сомнений.

– Проследите, чтобы он не избавил вас заодно и от жизни.

Додзё Генкай-рю выглядело непривычно пустым. Шестеро учеников и учитель. В последние дни школа притихла и как-то погрузилась; даже вечные шутки весельчака Сакадзакки звучали натянуто. В воздухе витало напряжённое ожидание новостей.

Хаябуси-сэнсей не спешил ими делиться. И до изнеможения гонял оставшихся самураев, не оставляя им времени на вопросы. Без того лишь железная самодисциплина позволяла ему сдерживать беспокойство.

Ситуация оказалась куда серьёзнее, чем он рассчитывал. Да, с поддержкой Кацумото и Норимори Ольга обставила бы любых киллеров из якудза. Но это оказался Саннинмэ. Страшный привет из далёкого прошлого, из тайного общества Банго, в котором когда-то состоял и сам Дайго.

Учитель хорошо помнил, как они познакомились. На заштатном турнире по айкидзюцу он заметил худощавого бойца с лишённым выражения лицом, побеждавшего одного противника за другим. Сам он тогда не сражался – Акаиси-сэнсей не особо афишировал свою школу. Но вечером подстерёг парня на автостоянке и предложил ему дружеский поединок.

– Это дорого вам обойдётся, – холодно предупредил тот.

– Не дороже жизни, ведь так? – улыбнулся молодой самурай.

– А вам её не жаль? – ответной улыбки не последовало. – Тогда я подумаю.

Он нырнул в машину и уехал. Озадаченный Хаябуси отправился восвояси; но следующим вечером, возвратясь к себе, застал в комнате гостя. Как он его нашёл и как проник в дом – было непостижимо.

– Если у вас не исчезло желание драться со мной, собирайтесь, – без предисловий заявил пришелец.

– Я готов.

Короткая прогулка – и они пришли в просторный сарай, приспособленный для тренировок. Молча разулись. И так же молча бросились друг на друга.

Хаябуси ошеломила техника противника, филигранная и безжалостная. Тот явно не собирался ограничивать схватку дружескими рамками. Однако он принял правила игры, не колеблясь. Ему пришлось вычерпать себя буквально досуха, но всё-таки он победил.

– Из какой вы школы? – спросил парень, вытирая кровь с рук и лица.

Самурай замялся. Обстановка была чересчур подозрительной, чтобы назвать имя учителя.

– Вот и я не намерен вам ничего объяснять. Хотя с удовольствием потренировался бы с вами... какое-то время.

– Я останусь у вас в посёлке ещё на неделю.

– Что ж, вполне подходящий срок.

– Тогда, наверное, нам стоит представиться? Я – Хаябуси Масакура.

– Футаримэ.

Скрытность собеседника сильно насторожила самурая. Тем не менее всю неделю он ежедневно приходил в это импровизированное додзё. Их занятия оказались необычайно полезными для обоих. Отрабатывая техники, они почти не разговаривали, как-то сразу начав понимать друг друга без слов.

Отчасти именно это понимание заставило Хаябуси очень серьёзно отнестись к последней встрече перед отъездом. Не сомневаясь в правильности своих действий, он тщательно вымылся; потратил пару часов на медитацию, освобождая разум от посторонних мыслей. И отправился на тренировку, приладив под куртку короткий меч.

Футаримэ, по обыкновению, пропустил его в сарай и запер дверь. Скользнул по нему взглядом, отступив на пару шагов.

– А вы не трус, Хаябуси-сан, – безучастно констатировал он. – Я благодарен вам – и хотел бы расстаться мирно. Но у меня приказ.

Молниеносным движением вскинул к плечу небольшой арбалет-баллестру и выстрелил ему в переносицу.

Одновременно с выстрелом молодой самурай кинулся Футаримэ в ноги. Пуля лишь чуть-чуть задела его затылок, вспоров кожу и резанув по черепу. Убийца с кошачьей ловкостью прыгнул через противника, отбрасывая баллестру и уклоняясь от захвата. Перекатившись, Хаябуси выхватил вакидзаси – как раз вовремя, чтобы защититься от меча Футаримэ. Похоже, тот тоже прятал клинок под одеждой.

Однако теперь роли переменялись. Казалось, на Хаябуси снизошёл дух Хатимана, бога войны; его искусству и мощи, помноженным на ледяную ярость, противостоять было невозможно. Футаримэ отступал, пока не прижался к стене; и тут самурай пнул его в колено и сильным ударом меча выбил оружие. Остриё клинка Хаябуси впилося противнику в грудь и замерло.

– Неплохо, – абсолютно спокойно сказал Футаримэ, никак не реагируя на рану. – Ну что ж, убейте меня. Убейте! – повторил он. – И убирайтесь отсюда как можно дальше. Если вам повезёт, затеряетесь.

Самурай медлил, и он бесстрастно улыбнулся:

– Неужели вы настолько глупы, что позволите мне попробовать снова?

Отбросив вакидзаси, Хаябуси схватил Футаримэ за горло и швырнул на татами:

– Сначала объясните мне, что происходит!

– Я получил приказ вас ликвидировать. Но из дурацкого благородства не стал бить в спину – и теперь вынужден занять ваше место на кладбище. Впрочем, вскоре вам наверняка подыщут другое.

– Ликвидировать? Но зачем?

Футаримэ хрипло рассмеялся.

– Чтобы проверить навыки на достойном объекте. Кроме того, я чересчур хорошо к вам отнёсся. – Извернувшись, он потянулся к мечу, валявшемуся поодаль. Хаябуси ударил его в лицо и крепче прижал к полу, ногой откинув подальше оружие.

– Не знаю, как вы, но я свою жизнь просто так не отдам, – процедил он сквозь зубы.

– Значит, берите мою и идите к чёрту.

Хаябуси выругался. Отпустил противника и прыжком поднялся. Подобрал оба вакидзаси; свой сразу спрятал в ножны, предварительно ткнув им в татами, дабы очистить от крови.

– А вы торопитесь в мир иной?

Футаримэ сел. По серой рубашке тянулась багровая полоса.

– У меня нет выбора, – в его руке откуда-то взялся нож.

– Вы могли бы уехать со мной, – вопреки всякой логике предложил Хаябуси.

– Это шутка?

– Я понятия не имею, кто за вами стоит. Но готов с ними сразиться. Не желаете присоединиться? Я буду защищать вас, как самого себя.

– Скажите, вы идиот?

– Да! – огрызнулся Хаябуси. – Но у меня хватает ума не уподобляться вам! Если я не хочу вас убивать, то и не стану, наплевав на любые последствия! Это вам непременно нужно оставить здесь чей-нибудь труп! А я предпочту, чтобы мы оба остались жить.

– Впервые встречаю такого идеалиста, – хмыкнул Футаримэ. – Вы имеете дело с профессиональным убийцей. Причём весьма неплохим. Я могу успокоить вас куда более надёжным способом, чем эти игрушки, – его нож свистнул вплотную к виску самурая и вонзился в угловой столб. – Предлагать мне дружбу – просто безумие.

Помолчав, он продолжил:

– Я принадлежу к обществу Банго. Мы не грабим и не воруем. Мы убиваем. Обычно за очень большие деньги, иногда по необходимости, иногда... просто ради искусства. Ни одно из совершённых нами убийств не было раскрыто. Никто из нас никогда не попадётся полиции – живым так точно. Ошибки караются смертью, не говоря о нарушении наших законов. За их исполнением есть кому проследить. Теперь понимаете, кого и от чего вы собрались защищать?

– Уйдя со мной, вы порвёте с ними, – упрямо возразил Хаябуси, наступив на горло смятению. – А я не бросаюсь словами. Отвечайте, да или нет?

– У нас нет ни единого шанса, – Футаримэ пожал плечами. И сумрачно улыбнулся: – Поэтому... я согласен.

Хаябуси молча протянул ему вакидзаси. Приняв оружие, он как-то совсем обыденно поднёс его ко лбу и раздельно, медленно произнёс:

– Меня зовут Кацумото Дайго.

Охота на них продолжалась полгода. Им приходилось скрываться, жить где придётся, они потеряли счёт ловушкам и нападениям, но отчаянная отвага, изобретательность и жестокость позволили им уцелеть. Когда Кацумото исхитрился застрелить первого убийцу общества, в Банго, похоже, решили, что дешевле оставить их в покое.

Учитель вздохнул. К тому времени они оба основательно замазались кровью. А в последней схватке Дайго был ранен. И хотя рана казалась лёгкой, Хаябуси пришлось на руках тащить его до пещеры, заменявшей им жильё. А на следующее утро всё тело Кацумото покрылось нарывами. Впрочем, сам он отнёсся к этому равнодушно.

– Противоядия к этому яду нет. Я умру через два-три дня. Видимо, Хиторимэ хотел, чтобы я помучился перед смертью. Придётся уважить его последнее желание...

Хаябуси подобное безразличие было несвойственно. Поиски выхода привели его к Акаиси-сэнсею, у которого он до тех пор не решался появляться. Выслушав блудного ученика, тот указал ему на дверь:

– Возвращайся в свою пещеру. Твой приятель наверняка соскучился.

– Вы ничем не можете ему помочь?

– Я – ничем. Ступай!

Но в сумерках Акаиси отыскал их пристанище. И не один. Вместе с ним пришёл Тэрумото Ситиэмон, живая легенда их школы. Не дожидаясь, пока молодой самурай осмелится оторвать лоб от пола, он склонился над Кацумото.

– Ты ведь из Банго, да? – спросил он. – До какого номера дослужился?

Тот шевельнул распухшими губами.

– Футаримэ.

– Ого! – Тэрумото желчно усмехнулся. – Ну, теперь весь вопрос в том, выдержит ли твой организм горячую ванну. Это единственный способ тебя спасти.

– Зачем?

– Ты что, в самом деле хочешь сгнить заживо? Масацура, быстро тащи простыню и носилки! На меня насмотришься в другой раз.

Вскоре Кацумото уже лежал в горячем минеральном источнике, бившем посреди строения из бамбука. Хаябуси мрачно сидел рядом и время от времени поил его лекарственным травяным отваром. Кацумото безучастно глотал горький напиток. По неестественно бледному лбу горошинами скатывались капли пота.

Так миновала ночь. На рассвете Тэрумото-сэнсей вернулся к бассейну.

– Ты всё ещё здесь? – удивлённо спросил он Хаябуси. – Собирайся на тренировку.

– Но...

– Не беспокойся, твой друг выживет... Ты меня плохо слышал? Надеюсь, Акаиси-сан прочистит тебе мозги.

Проглотив возражения, самурай торопливо поклонился и исчез. Кацумото, не в силах пошевелиться, вежливо прикрыл веки:

– Доброе утро.

– *Охаё*, – старый воин бросил на пол резиновый коврик и сел, скрестив ноги. – Думаю, через часок уже пора тебя вылавливать. Прочистим язвы и попробуем подсушить.

– Сэнсей... вы знаете о Банго. Откуда? Или вы... из тех, с кем я не знаком?

– Можно сказать и так.

– Тогда к чему это лечение?

– Умерь свою гордость, синоби. Ты крепко цеплялся за жизнь, раз поборол яд. Сейчас ты в безопасности... в том числе и от своих коллег. Кстати, труп возле скальной гряды – Хито-римэ?

– Да, – Кацумото не видел причин отрицать.

– А кого ещё вы успокоили за минувшие месяцы?

– Мастеров? Четвёртого и Пятого. Третий ушёл раненым.

Казалось, по склону горы покатались мелкие камешки. Тэрумото смеялся.

– То есть вы выбили всех, кто был способен с вами сразиться? Ну и ну! Пожалуй, остался только Лишённый Имени... Впрочем, вряд ли он окажет вам эту честь. После таких-то подвигов.

– Вы хорошо осведомлены...

– Ну, ещё бы. Мы с ним вместе учились. Ты не единственный, кто сумел уйти из Банго живым. Правда, я изначально не собирался там оставаться.

– Но как... – Кацумото осёкся.

– Мне пришлось убить своего учителя. Вот он был настоящим Лишённым Имени. Он остался доволен моим искусством. – Тэрумото торжественно склонил голову. – Из уважения к его памяти я не воевал с остальными. Как и они со мной, – он помолчал. – Но с тех пор всё сильно переменилось. Вы превратились в банальных киллеров. Для вас стало нормой тренироваться на первых встречных, считать деньги и беспокоиться об отношениях со властями. К примеру, ты позволяешь себе задумываться, сдам я тебя полиции или нет. Ты ещё помнишь, что попадаться не вправо, но забыл – или вовсе не знал – почему. И допускаешь саму возможность. А ведь ты лучший в этой компании!

При всем своем хладнокровии Кацумото был потрясён. Его голос дрогнул:

– Простите, сэнсей... Почему?

– Синоби не попадает, поскольку не оставляет следов. Синоби не оставляет следов, поскольку его не существует! Смерть нельзя арестовать и предъявить обвинение! Атакуя, ты должен быть смертью – и ничем более! Понял? Но вас, похоже, научили лишь безразличию... – Тэрумото досадливо махнул рукой. – Ладно. В постели тебе лежать примерно пару недель. Что ты собираешься делать дальше?

– Не знаю. Я не рассчитывал уцелеть. У вас есть какие-то планы на мой счёт?

– Для начала стоит определиться с твоими.

– Наверное, попробую поселиться недалеко от Хаябуси-сана, чтобы продолжить наши с ним тренировки. А там... увидим. Мне хотелось бы найти применение своим навыкам...

– То есть ты намерен убивать и в дальнейшем?

– Я это умею, – Кацумото едва заметно пожал плечами. – Но... может быть, у меня получится заняться чем-то другим.

Старый воин прямо взглянул на него.

– Не стану тебя судить. А за некоторые убийства даже благодарен – хоть они и совершались в порядке самозащиты. Тем не менее я не потерплю синоби на своей территории. Если ты намерен продолжить эту карьеру, будь любезен сразу по излечении убраться отсюда. Кстати, у тебя никак не получится тренироваться с Хаябуси-саном. Акаиси-сэнсей наверняка запретит ему даже общаться с тобой.

Дав собеседнику минуту на осмысление сказанного, Тэрумото продолжил:

– Если же ты в самом деле решил переменить профессию... тогда вариантов два. Тебе не стать ни полицейским, ни военным – да ты и сам бы не пожелал. Остаётся или мир боевых искусств, или работа телохранителем. А то и без «или». Не исключено, что для тебя разумней не самому работать, а обучать этому. Я посмотрелся на всякого рода охрану... Жалкое зрелище. Но тут тебе придётся кое-чему подучиться.

– «Подучиться», думаю, мало. К человеку из ниоткуда обычно относятся весьма подозрительно.

– Я помогу тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.